

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

3
1996
МАЙ •
ИЮНЬ •

ДИСКУССИИ

Славянские народы и вторая мировая война.....	3
Литературы западных и южных славян периода второй мировой войны.....	55
Вторая мировая война в художественной литературе стран Восточной Европы, 1960–1980-е годы.....	82

СТАТЬИ

Случ С.З. (Москва). Германо-советские отношения в 1918–1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений	101
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Отчет Института славяноведения и балканистики РАН за 1995 год	114
XII Международный съезд славистов (Краков, 1998, тематика).....	120
Книжная полка слависта	122
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.И. РОГОВ (главный редактор), **М.А. ВАСИЛЬЕВ** (отв. секретарь),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**, **А.А. ГУГНИН**,
М.С. КАШУБА, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **Ю.С. НОВОПАШИН**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН, **Л.А. СОФРОНОВА** (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРИЯ**,
Т.В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции *Авакова Л.А.*, *Васильев М.А.*, *Веслова И.Ю.*,
Кошкина Е.А., *Масленникова Е.Н.*, *Стемковская Ю.Е.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи – не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения – до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т.п. – до 6–7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

© 1996 г.

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА¹

НОВОПАШИН Ю.С. В эти дни славянские народы отмечают свой большой, несущий громадный духовный потенциал праздник – День славянской письменности и культуры. Символично, что он совпадает по времени с празднованием великой Победы во второй мировой войне антигитлеровской коалиции. Невозможно разделить ее усилия в борьбе против германских агрессоров, однако о вкладе славянских стран в эту борьбу сказано отечественными историками еще далеко не все. Поэтому обсуждение темы нашего "круглого стола" имеет самые веские основания.

Народы СССР заплатили за победу в Великой Отечественной войне 40 миллионами жизней своих соотечественников, потеряв 20% населения, численность которого до войны составляла 196 млн человек (см. [1]). Этот тяжелейший урон был понесен прежде всего народами Белоруссии, России, Украины. Только Польша, лишившаяся четверти своего населения, стоит впереди в этом трагическом ряду, а за СССР следует Югославия [2].

В Москве прошел ряд конференций, посвященных 50-летию Победы, включая проведенные и Отделением истории РАН (6–7 апреля 1995 г.), и под эгидой правительства (18–19 апреля 1995 г.).

Общеизвестно, что минувшая мировая война характеризовалась не только массовым героизмом и ярким светом победных салютов, но и такими малопривлекательными теневыми сторонами, как огромная численность советских военнопленных, включая многих представителей генералитета, отнюдь не единичные случаи сотрудничества с врагом, непрофессионализм ряда советских военачальников из ближнего сталинского окружения – Буденного, Ворошилова, Тимошенко и др.

Возьмем вопрос о военнопленных. В докладе чл.-корр. РАН Ю. Полякова "Людские потери в войне", прочитанном на организованной Отделением истории конференции, общая численность советских военнопленных определялась в 5,7 млн человек, из которых около 4,3 млн погибли в гитлеровских лагерях, а многих из оставшихся в живых, добавим мы, смерть настигла позднее в сталинском ГУЛАГе. Докладчик заметил, что именно эти цифры приводятся во всех немецких документах. Видимо, немецкие источники остаются для нас пока наиболее достоверными.

¹ "Круглый стол" на эту тему состоялся 25 мая 1995 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН. Участники – сотрудники этого института проф. Ю.С. Новопашин, д-ра ист. наук Б.И. Желицки, И.И. Костюшко, В.В. Марьяина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, А.И. Пушкаш; канд. ист. наук Е.Л. Валева, Т.В. Волокитина, М.Д. Ерещенко, И.В. Михутина, Т.А. Покивайлова, Е.П. Серапионова; а также представители Института всеобщей истории РАН – д-р ист. наук Н.Д. Смирнова, Института военной истории МО РФ канд. ист. наук Н.В. Васильева, директор Архива внешней политики РФ Е.В. Белевич, заведующая сектором Государственного архива РФ Т.В. Царевская.

Что касается пленных сталинских военачальников, то, по данным другого отечественного историка, частично тоже позаимствованным из немецких документов, в их числе, например, были: генерал-лейтенанты Власов, Ершаков, Масанов, Музыченко, Лукин, Карбышев; генерал-майоры Абанидзе, Алавердов, Бессонов, Благовещенский, Закутный, Зыбин, Егоров, Кирпичников, Крупенников, Куликов, Малышкин, Огурцов, Понеделин, Трухин [3]. Как сложилась судьба большинства этих генералов, т.е. что было с ними в немецком плену и после него для тех, кто дождал до краха "тысячелетнего рейха", широкой публике по большей части ничего не известно, кроме судеб Власова и Карбышева.

И таких "белых пятен" немало. Поэтому вряд ли можно считать уже воссозданной правдивую историческую картину Великой Отечественной войны, несмотря на обилие различного рода литературы на эту тему. Организаторы "круглого стола" в выборе основного перечня вопросов для обсуждения как раз и стремились держать в поле зрения сложившуюся к настоящему времени неравномерность в результатах исследования проблем войны и послевоенного урегулирования, памятуя, что метод коллективного поиска истины сегодня наиболее плодотворен для серьезного научного разговора.

НОСКОВА А.Ф. В качестве "соорганизатора" этого "круглого стола", я позволю себе предложить вниманию участников следующие темы для обсуждения: о содержании антифашизма и роли идеи славянской взаимности; движение Сопротивления: правда и вымысел; коллаборационизм: истоки и сущность; Красная Армия в странах Восточной Европы: освобождение или оккупация?; советские планы послевоенного урегулирования в регионе; проблемы национально-территориального размежевания в Восточной Европе. Этот комплекс вопросов вовсе не нов для исследователей. Одни из них постоянно находились под прицелом и отечественных, и зарубежных ученых, другие – занимали в научном поиске периферийное место, третьи возникали и исчезали нередко под влиянием политической конъюнктуры. Так что предложенный блок проблем просим рассматривать не в качестве ограничителя дискуссии, а лишь как некие "вехи и стержни". Одну из главных задач нашей дискуссии видим в том, чтобы поделиться результатами своих архивных поисков, ввести в научный оборот новые документальные материалы и услышать также новые, в том числе дискуссионные, их прочтения и оценки.

МАРЬИНА В.В. В связи с поставленными проблемами мне хотелось остановиться на роли идеи славянской солидарности. Но прежде разрешите представить уважаемой аудитории коллективную монографию "Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1939–1945" (М., 1995), подготовленную в Институте славяноведения и балканистики. Она базируется в основном на документальных, в том числе и ранее засекреченных архивных материалах, что и определило ряд новых подходов авторов к рассматриваемым проблемам. Вместе с тем мы считаем, что точки над "i" ставить рано, тема остается открытой.

Теперь по основному вопросу. Политическая функция идеи славянской солидарности, ее сопряженность с советскими внешнеполитическими концепциями изучены главным образом в плане деятельности созданного в годы войны в Москве Всеславянского комитета. Другие аспекты проблемы оставались до последнего времени вне поля зрения исследователей. Мои соображения, касающиеся трансформации этой идеи в контексте советской внешней политики, носят сугубо предварительный характер и нуждаются в более глубоком осмыслении. Думается, можно выделить три этапа функционального использования данной идеи в годы второй мировой войны: первый – 1939 – июнь 1941 г., время ее реабилитации и реанимации в СССР; второй – июль 1941–1943 гг., когда славянская идея "работала" в качестве инструмента мобилизации народов на борьбу с немецко-фашистским агрессором; третий – 1944–1945 гг., в течение которого славянский вопрос был переведен в плоскость реализации конкретных задач советской внешней политики.

ВАЛЕВА Е.Л. Но ведь известно, что большевистское руководство до войны не жаловало идею славянской взаимности.

МАРЬИНА В.В. Да, в 20–30-е годы многие носители идеи славянской взаимности подверглись репрессиям за свои убеждения (см.: [4]). Но в конце 30-х годов, когда призрак германской угрозы обрел реальные очертания, о необходимости славянского единения с опорой на Россию (Советский Союз) вновь заговорили, например в Чехословакии, Болгарии, Югославии. Что касается польского народа, то здесь если эта идея и возрождалась, то речь шла не об опоре на Россию, а о борьбе с нею как одним из двух главных врагов независимой Польши.

Соответствующие импульсы из определенных, и прежде всего интеллигентских кругов славянской общественности, были уловлены некоторыми советскими политиками. Весьма интересен в этой связи пространный документ частного характера, обнаруженный в РЦХИДНИ. Речь идет о записке В.П. Золотарева на имя В.М. Молотова (копия – Жданову) "О некоторых вопросах нашей внешней политики" [5. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 1–14]. Дата на записке, к сожалению, отсутствует, но текст ее, помимо всего прочего, примечателен тем, что очень внимательно изучен, судя по отметкам и подчеркиваниям, секретарем ЦК ВКП (б), игравшим немаловажную роль если не в формировании, то в формулировании советского внешнеполитического курса.

В большом разделе записки, озаглавленном "О славянском вопросе", говорилось о желательности создания советской страной системы союзов в целях укрепления своего международного положения. "Большое заброшенное нами поле возможностей по выращиванию и добыванию себе союзников открывает наше обращение к славянам Европы (здесь и далее в документе подчеркнуто синим карандашом. – *В.М.*)", – считал автор. Он полагал, что надо "активно вмешиваться в борьбу империалистов на Балканах и, взяв на себя инициативу объединения славянских государств, создать преграду для германского и английского проникновения на Балканский полуостров". Начинать "свою балканскую и вообще славянскую работу" В.П. Золотарев рекомендовал с Болгарии.

Эта записка и пометы на ней свидетельствовали, что славянский вопрос попал в поле зрения советских верхов. В том числе и Сталину, очевидно, не чужда была мысль, что в политике СССР можно разыграть "славянскую карту". В частности, А. Корнейчук, тогда заместитель наркома иностранных дел СССР, в своей беседе с Бенешем 1 декабря 1943 г. вспоминал, что на одном из государственных приемов в Кремле он упомянул о славянском вопросе и был удивлен, как Сталин объективно, реалистически и в принципе благожелательно выслушал сказанное им и соответствующим образом реагировал на это (цит. по [6. S. 185]).

Таким образом, этап 1939–1941 гг. можно характеризовать как период реабилитации славянской идеи и робких попыток взять ее на вооружение. Почему робких? Да потому что пока Советский Союз – то с большим, то с меньшим успехом – "крепил дружбу" с фашистской Германией, эта идея оставалась все же резервной, не иницировалась ни пропагандистски, ни политически.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Это и понятно. Как же СССР мог, скажем, дипломатически иницировать такого рода идею, если его контрагент по сентябрьскому (1939) договору о дружбе и границе совершил агрессию против трех славянских стран – Польши, Чехословакии и Югославии?!

МАРЬИНА В.В. СССР – сам участник агрессии против Польши, ее расчленения в сентябре 1939 г. В том-то и парадокс, что идея славянской взаимности начала пробивать себе дорогу в чрезвычайно неблагоприятной обстановке. Одновременно действовали как бы две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление (пока в умах) к объединению усилий в борьбе с принимавшим все более конкретный облик

(фашистская Германия) врагом, с другой – участвовавшие межславянские конфликты. Важнейший и крупнейший из них на межгосударственном уровне – участие СССР, наряду с Германией, в разделе Польши, восточные области которой (Западные Украина и Белоруссия) были присоединены к соответствующим советским республикам. К менее крупным, но не менее болезненным, можно отнести захват Польшей после Мюнхена части чехословацкой территории: Тешинской Силезии и небольших областей на севере Словакии. Болгария вместе с Германией и Италией участвовала в разделе Югославии, оккупировав так называемую Вардарскую Македонию.

Внутригосударственные конфликты проистекали из многонационального характера Польши, Чехословакии, Югославии. В Польше титульной нации противостояли 8 млн украинцев и 3 млн белорусов. В Чехословакии весьма высокой степени напряженности достигли отношения чехов, словаков и карпато-украинцев, что облегчило Гитлеру расчленение страны. В Словакии после создания самостоятельного государства обозначилось четкое противостояние по линии словаки – украинцы, русины. В Югославии резко усилились антисербские настроения в Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговине и т.д., что осложнялось еще конфессиональными противоречиями (православные – католики – мусульмане). Таким образом, славянский мир в ту пору вовсе не отличался спокойствием и добрососедством; "славянский котел" кипел, раздираемый национальными страстями и взаимными претензиями. Гитлер воспользовался межславянскими раздорами для проведения своей политики, решения собственных задач.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз идея славянской взаимности был как бы придан официальный статус. Она использовалась в качестве пропагандистского инструмента для мобилизации народов на борьбу против агрессоров. Этот период функционирования славянской идеи (1941–1943) изучен, пожалуй, лучше всего. И никто не отрицает, что пропагандистские усилия Всеславянского комитета в какой-то мере способствовали консолидации славянских народов в борьбе с фашизмом. Но ни его деятельность, ни сама эта консолидация не могут быть абсолютизированы, их оценки не следует завышать. Ибо продолжали действовать и тенденции межславянского противостояния, а также сотрудничества с оккупантами, различные формы и виды которого (политические, экономические, идеологические, военные и др.) еще предстоит изучить.

Наконец, на завершающем этапе войны идея славянской взаимности из пропагандистско-мобилизационной переходит в практико-политическую плоскость, что было связано с разработкой доктринальных основ послевоенной советской политики и в частности планов мирного урегулирования.

О том, каким виделся славянский вопрос в этот период советским верхам, можно судить на основании длительной беседы А. Корнейчука, курировавшего тогда в НКВД регион Центральной Европы, с Э. Бенешем в Хабанье (британская авиабаза в Ираке) на пути его следования в Москву для подписания в декабре 1943 г. советско-чехословацкого договора. Будучи последовательным сторонником славянского единения в целях противодействия Германии, Бенеш пытался уточнить, как понимается "новая славянская политика" советским руководством. В связи с этим он и поставил три вопроса, на которые хотел бы получить ответ как от Корнейчука, так и во время московских встреч: во-первых, останется ли славянский вопрос постоянной составляющей советской политики в будущем; во-вторых, какие силы в СССР поддерживают идею славянского единения и как относятся к ней ВКП(б), которая в одночасье может отвергнуть эту идею по каким-либо идеологическим соображениям; в-третьих, понимает ли Сталин и, следовательно, Советский Союз славянскую политику в ее демократическом смысле, т.е. как тесное сотрудничество всех славянских народов на основе полного их равноправия, как принцип, не имеющий ничего общего с идеей панславизма.

Корнейчук, обозначив высказываемые соображения в качестве личной позиции, подчеркнул, что "в Москве они одобряются ведущими деятелями". Заверив Бенеша,

что "славянская демократическая народная политика отвечает действительно долгосрочным интересам Советского Союза" и не означает распространения некоего нового панрусизма, он упомянул о Сталине, который "также хорошо знает, что славянский вопрос не иллюзия" [6. S. 182–186]. Советский дипломат подчеркнул, что "славянская идея должна стать основой политики СССР, ее центральной проблемой".

Идея о "жизненном, положительном значении" единения и взаимопомощи между славянскими народами высказывалась в НКВД еще в первые годы войны. В частности, она обосновывалась в пространной записке Центральноевропейского отдела (подписана Н.Новиковым) в октябре 1942 г., с которой ознакомился и Молотов. "Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму, – говорилось в ней, – в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы..." Подчеркивались выгоды, которые для существования славянских народов представил бы "основанный на взаимопомощи союз славянских стран", а также положительное значение создания "прочной и деятельной системы взаимопомощи между этими народами для устойчивости всей организации послевоенной Европы" [7. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 13; Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 42–43].

Советско-чехословацкий договор, имеющий антигерманскую направленность, был, видимо, первым шагом в реализации замыслов такой системы. Именно поэтому руководство СССР обращало особое внимание на пропаганду заложенных в нем принципов, "разъяснение советско-чехословацкого договора для судеб славянских народов" [5. Ф. 17. Оп. 25. Д. 215. Л. 145–169].

О необходимости пакта между славянскими странами, системы их взаимопомощи как ядра будущего просоветского блока в Восточной Европе говорили и писали в то время многие ведущие деятели указанных стран, а также руководители их компартий, которые активно и, надо сказать, открыто "разыгрывали эту карту". Кремлевские же лидеры были здесь более осторожны в своих официальных заявлениях, опасаясь негативной реакции со стороны западных союзников. В представленном Г. Димитрову Загранбюро КПЧ проекте действий Первого правительства Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой программе, прямо употреблялась формулировка "союзные с СССР славянские страны", которая вызвала возражения заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б) и в итоге отредактирована: "остальные славянские государства" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 105–140; Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 41–65; 8]. Это должно было, по-видимому, исключить толкование данного места программы как возможности складывания в ближайшем будущем некоего блока славянских государств под эгидой Советского Союза. К неудавшимся попыткам со стороны Москвы содействовать объединению славянских стран и на основе некоторых конкретных форм можно отнести продолжавшееся около года (с апреля 1944 г.) обсуждение вопроса о создании южнославянской федерации или конфедерации, опирающейся на СССР и включающей Югославию и Болгарию [9].

Как теперь уже ясно, идея раздела сфер влияния по соображениям послевоенной безопасности и длительного сохранения мира не была чужда кремлевскому руководству [10]. Реализовать ее предполагалось на первом этапе, особенно не акцентируя это публично, по линии двусторонней договоренности СССР с восточноевропейскими славянскими странами, а также между ними самими. Вспомним, что именно в это время СССР, после признания Народной Польши в январе 1945 г., всячески воздействовал (вплоть до прямого нажима) на чехословацкое эмигрантское правительство с целью установления дипломатических отношений между Польшей, с одной стороны, и Чехословакией – с другой [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 68, 177–178]. Наконец, в самом конце войны были заключены аналогичные советско-чехословацкому договоры СССР с Югославией (11 апреля 1945 г.) и Польшей (21 апреля 1945 г.). Фактически оформившийся на двусторонней основе союз славянских стран становился цементи-

рующим ядром того блока государств Восточной Европы, которые, по первоначальным представлениям, должны были составить пояс безопасности СССР, но вскоре превратились в зону его безраздельного влияния благодаря установившимся там режимам советского типа.

ИСЛАМОВ Т.М. Известны ли указания, мысли советского руководства и прежде всего Сталина по поводу "славянской идеи"?

МАРЬИНА В.В. К сожалению, мне неизвестны пока прямые документы, свидетельствующие об отношении Сталина к славянскому вопросу в это время.

НОСКОВА А.Ф. В ходе доверительной беседы с чехословацкой делегацией 28 марта 1945 г. И.В. Сталин прямо указал на антигерманское предназначение идеи славянского единства.

СМИРНОВА Н.Д. В РЦХИДНИ хранятся документы (протоколы, служебные записки) о том, как осенью 1945 г. состоялось обсуждение работы журнала "Славяне" в Отделе международной информации ЦК ВКП(б). Руководство журнала выступило со своими соображениями о содержании журнала на новом, послевоенном этапе, принимая во внимание то, что во время войны он ориентировался на зарубежного читателя. Ответственные секретари Всеславянского комитета (В.В. Мочалов) и журнала "Славяне" (В.С. Молодцов) писали, что и впредь адресатом должен оставаться зарубежный читатель. "Во-первых, потому, что проблема единства славянских народов, это главным образом проблема международных отношений. Внутри нашей страны эта общность народов поглощается более высокой формой единства народов – братским сотрудничеством народов в рамках единой социалистической системы. Во-вторых, марксистское решение теоретических вопросов славяноведения до сих пор принадлежало советским ученым. Зарубежное славяноведение не имело марксистской основы", т.е. речь шла об оказании помощи зарубежным ученым через журнал [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 68, 177–178].

Обсуждение прошло бурно. Было отмечено, что за рубежом журнал расходуется плохо, мнение о нем неважное. Подписка идет по обязательной разнарядке, главным образом в частях Красной Армии. Авторы подбираются по принципу личного знакомства, ибо в журнале выплачивают хорошие гонорары. Вот поэтому "пишут халтурщики, хоть и называются профессорами". Критике был подвергнут и Г. Димитров за правку статей с великорусских позиций.

В ходе прений присутствующих ознакомили с мнением Сталина, который считал, что журнал должен стать внутренним советским изданием. Причем, если раньше статьи носили агитационный характер, то отныне приоритет за пропагандистскими и научными. Были зачитаны основополагающие соображения, высказанные Сталиным. По всей вероятности, тогда им вплотную овладела идея балканской федерации, и он в пункте первом заметил: "Союз славянских народов, – это не царский великодержавный панславизм, а это союз равных славянских государств. Советский Союз как раз и стоит на страже такого союза" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 69]. В протоколе заседания нет разъяснений, о каком союзе шла речь. Характерно, что в пункте пятом подтверждалась антигерманская направленность славянского объединения. Дословно: "Если до сих пор в истории немецкий народ нарушал мир в Европе и варварскими войнами наносил неисчислимый ущерб всем народам, а особенно народам славянским, то рождающийся теперь постоянный союз этих славянских народов раз навсегда противопоставится немецкой агрессии и явится основой мира в Европе" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 70].

Как показало дальнейшее развитие событий, союз славянских народов не состоялся ни тогда, ни позже. Более того, в наше время стали распадаться уже существовавшие славянские государства (Югославия, Чехословакия). Причем, если на югославских землях удалось сохранить федерацию в урезанном виде – как союз Сербии и Черногории

с чертами ярко выраженного гегемонизма первой, – то Украина и Белоруссия после распада СССР предпочли конкретный суверенитет мистическому славянскому единству.

ВОЛОКИТИНА Т.В. Документы говорят о том, что аналогичные мысли Сталин выражал и ранее. В частности, 28 января 1945 г. на приеме болгарской и югославской делегаций он высоко оценил перспективу оборонительного союза славянских народов и подчеркнул, что если «старое славянофильство» выражало стремление царской России подчинить другие славянские народы, то "наше" славянофильство – совсем другое... Цель его – объединить славянские народы как равные в целях общей защиты своего существования в будущем...» [11].

МУРАШКО Г.П. Мне кажется, что упоминавшийся тезис А. Корнейчука о славянской идее, которая "должна стать основой советской внешней политики", не вполне отражал реальность. В связи с этим я хотела бы обратить внимание присутствующих на документы, свидетельствующие, что уже весной 1945 г. НКВД СССР стремился "уменьшить вес" идеи славянской взаимности. Это отчетливо подтверждается реакцией работников НКВД (в частности, В.А. Зорина с апреля 1945 г. посла СССР в ЧСР) на отдельные разделы проекта Кошицкой программы, подготовленного чехословацкими коммунистами для переговоров с Э. Бенешем в марте-апреле 1945 г. Весь третий раздел, посвященный вопросам внешней политики будущей Чехословацкой республики, строился на идее единства славянских народов и ориентации на СССР. В своих замечаниях на проект программы 19 марта 1945 г. В. Зорин пишет: «Весь раздел лишен чувства меры в вопросе об отношении к Советскому Союзу и единству славянских народов (формулировки: "приверженность Чехословакии к Советскому Союзу" – стр. 3–8, "славянскую линию своей внешней политики правительство будет поддерживать..." – стр. 5, "поддержать стремление по сближению... со средневропейским и восточноевропейским объединением славянских народов" – стр. 5 и др.). Весь раздел требует исправления с тем, чтобы при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов подчеркнуть также укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и другими объединенными нациями и устранить скользкие формулировки о славянской линии внешней политики» [7. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1–2].

Такая негативная оценка В. Зориным внешнеполитического раздела проекта отражала отнюдь не его личное мнение. Он раскрывал позицию главы НКВД СССР В.М. Молотова, у которого, как показывает документ, хранящийся в Архиве Президента РФ, по-видимому, проект вызвал определенную настороженность. 10 марта 1945 г. он ознакомился с текстом проекта и сделал следующие пометы:

"1. Славянский союз (Объединение + Ср[едняя] Евр[опы], Вост[очная] Евр[опы]).

2. Закарпатская Украина – немедленная передача и присоединение к Украинской ССР.

3. Два гос-ва (чехи + словаки)" [12].

В свете вышесказанного, наверное, есть смысл сегодня вновь вернуться к истории создания Кошицкой программы и акцентировать внимание на реакции советской стороны на ее основные разделы.

СМИРНОВА Н.Д. Я не могу согласиться с предложенной В.В. Марьиной периодизацией возрождения славянской идеи в СССР. Не ясно, что такое славянская идея, славянское единство. По всей вероятности, в данном контексте можно говорить об идее единения славян ради достижения какой-то общей цели. В XIX – начале XX в. такой целью являлось освобождение славян от ига Османской империи. В период 1939–1941 гг., к которому Марьянина относит реанимацию славянской идеи, таковой в общественно-политической практике государств, партий, движений не было. Разме-

жевание шло по классовому принципу: в лице социалистического государства Советский Союз как бы противостоял капиталистическому миру, дистанцируясь в то же время от конфликта в Европе, встав над ним. Шла империалистическая война. Причем, как определил виновников конфликта Сталин 30 ноября 1939 г., "не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну" [13].

Не было межславянских конфликтов. Раздел Польши между Германией и СССР в 1939 г. никакой связи с внутриславянской рознью не имел. Это было в целом мирное возвращение России якобы исконных территорий, населенных восточными славянами. Равным образом и оккупация Болгарией Западной Фракии и части Македонии никакого отношения к славянскому единству не имела. Осуществилась давнишняя мечта – получен выход к Эгейскому морю.

СССР был многонациональным государством, в котором, согласно партийным установкам того времени, формировалась совершенно новая общность – советский народ. К началу второй мировой войны славяне (русские, украинцы, белорусы) составляли в нашей стране 80% населения, но противопоставления славян неславянам не было. Нападение Германии на Советский Союз вызвало необходимость мобилизации всех сил. Очень скоро лозунг защиты социалистической Родины трансформировался за счет "вымывания" из него социализма. Обращение к памяти великих русских полководцев, к религии и, наконец, к единению славян имело вполне конкретную цель – разгром фашизма.

В советской пропаганде славянская тема начинает работать главным образом на внешний мир. Внутри страны эксплуатируется русская идея. В вышедшей в 1943 г. "Краткой советской энциклопедии", содержавшей справки по политическим и международным вопросам, актуальным для периода Великой Отечественной войны, русский народ выделяется из всех других. "В СССР рус. нар. массы, – читаем на с. 1267, – являются передовой частью свободного, могучего, храброго, талантливового сов. народа. Рус. народ выступает как первый среди равных в великой братской семье народов Союза ССР, как народ, возглавляющий борьбу за передовую науку и культуру, за социализм".

Что касается значения идеи славянского единства в деле мобилизации всех сил на борьбу против фашизма, то она имела определенный политический эффект. Направленность фашистской пропаганды, которая представляла славян низшей расой, подлежащей частично прямому физическому уничтожению, частично обращению в рабство, вызвала соответствующую ответную реакцию. 10–11 августа 1941 г. в Москве состоялся Всеславянский митинг, заложивший основы организационного оформления одноименного движения. Был создан Всеславянский комитет, о чем упоминала В.В. Марьина, издававший журнал "Славяне", проводились собрания и митинги. Естественно, что деятельность комитета проходила под непосредственным руководством ЦК ВКП(б). И тем любопытнее формулировки задач движения. Участники первого митинга приняли обращение "К братьям угнетенным славянам", где решительно отвергалась идея панславизма как "насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства народов и национального развития всех государств, которую в своих империалистических целях использовал русский царизм", и ставилась перед всеми славянами задача "объединенными усилиями уничтожить гнет немецкого фашизма, каких бы жертв это нам ни стоило". Таким образом, "славянская идея" возродилась после начала Великой Отечественной войны в качестве противопоставления пангерманизму и расизму, которые слились воедино в идеологии нацизма.

МАРЬИНА В.В. Несколько замечаний в защиту изложенного мною выше. Интересные документы, приведенные Г.П. Мурашко, свидетельствуют, на мой взгляд, не о том, что НКВД весной 1945 г. намерен был отказаться от идеи славянского единства на межгосударственном уровне или "уменьшить ее вес", а о том, что указанное

ведомство полагало тогда несвоевременным педалирование данной идеи. И связано это было, как я уже говорила, с опасениями негативной реакции со стороны Запада. Ведь только что провалилась попытка организовать южнославянскую федерацию. О том, что идея союза славянских государств, имеющего антигерманскую направленность, не отвергалась Сталиным и в 1945 г. (даже в конце его), свидетельствуют, как представляется, те документы, о которых говорилось в выступлениях Н.Д. Смирновой и Т.В. Волокитиной.

Теперь о критических репликах Н.Д. Смирновой. Суть пангерманизма и расизма выявилась отнюдь не с началом Великой Отечественной войны Советского Союза, а гораздо раньше; нацистские представления о дальнейшей судьбе славян начали реализовываться уже после расчленения Чехословакии и нападения Германии на Польшу. Именно угроза славянским народам со стороны третьего рейха и способствовала возрождению идеи славянского единства во главе с Россией (Советским Союзом), в частности, в Чехии, Словакии, Болгарии, Югославии, где ее сторонниками являлись и коммунисты. "Коммунистическая Мекка" из-за "дружбы" с Берлином проявляла какое-то время колебания, не предпринимала соответствующих внешнеполитических шагов. В то же время советское руководство понимало, что этой "дружбе" рано или поздно придет конец, и уже не отвергало, как ранее, идею славянского единения, а держало ее в резерве.

О причинах межгосударственных противоречий, в том числе военных столкновений между славянскими странами той поры: думаю, что какова бы ни была их политическая мотивация, они не могли не оставлять след в сознании населявших эти страны народов, порождая или усиливая их недоверие друг к другу.

Что касается утверждения Н.Д. Смирновой о том, что советское руководство смотрело на славянскую идею накануне Великой Отечественной войны через призму классового подхода, то тут она права. Именно этим объясняются массовые депортации прежде всего поляков (но также украинцев и белорусов) после включения Западных Украины и Белоруссии в состав соответствующих советских республик, расстрел польских офицеров Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, отправка на поселение и в лагеря тысяч жителей Подкарпатской Руси, перешедших добровольно в СССР, где они надеялись найти вторую родину после оккупации этой области Венгрией (именно из жителей Подкарпатской Руси, освобожденных из заключения, впоследствии формировалась в основном чехословацкая бригада в СССР). Да, все это было, и действительно классовый подход преобладал. Но, подчеркну еще раз, в том-то и парадокс, что на этом весьма неблагоприятном фоне началось осмысление необходимости славянского единения. И лишним подтверждением тому служит создание в 1939 г. Славянского отделения в Институте истории АН СССР.

НОВОПАШИН Ю.С. Не претендуя на какое-то обобщение вышесказанного, хочу отреагировать только на некоторые тезисы. Выступление В.В. Марьиной я отнюдь не воспринял как некритическую и завышенную оценку идеи славянской взаимности. Но и совершенно отрицать идею этой взаимности – тоже крайность, хотя ее место в советских внешнеполитических (и не только) расчетах на всех этапах войны оставалось, видимо, в большей или меньшей степени периферийным. Как-то резануло ухо несогласие с В.В. Марьиной, прозвучавшее из уст Н.Д. Смирновой и выраженное в словах о том, что "не было межславянских конфликтов". Ведь конфликт суть острая, иногда даже антагонистическая форма проявления межнациональных, межгосударственных противоречий, а их было тогда в славянском мире предостаточно. Упоминалась, например, дружба в 1939–1941 гг. нацистской Германии и сталинского Советского Союза в контексте ничтожно малого значения в то время для кремлевских властей идеи славянской взаимности. Ну, а если посмотреть на эту дружбу в контексте межславянских противоречий? Можно вспомнить, допустим, доклад В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., в котором он распро-

странялся насчет "короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора" [14. С. 116]. Оскорбительные для поляков молотовские слова только усилили их негативное отношение к российскому (советскому) государству, к русским вообще.

Кстати, заявление Н.Д. Смирновой о "в целом мирном возвращении России" Западных Белоруссии и Украины, думается, нуждается в уточнениях. В том же докладе Молотов сообщил, что "общее количество жертв, понесенных Красной Армией на территории Западной Белоруссии и Западной Украины составляет: убитых 737, раненых 1862, т.е. в целом 2599 человек" [14. С. 120]. Если речь идет о жертвах среди солдат и офицеров, исчисляемых в тысячах, вряд ли уместно считать в целом мирным это приращение с помощью войск территории СССР.

Но, разумеется, примером российско-польского конфликта не исчерпывается вопрос о тогдашних межславянских противоречиях. Следовало бы вспомнить о более продолжительной, чем с Советским Союзом, дружбе нацистской Германии со словаками и хорватами, о такой крайней форме межславянского конфликта, как массовое выселение в годы войны сербов из Хорватии и их частичное физическое уничтожение. Требуется, очевидно, коррекции и тезис В.В. Марьиной о возрождении в конце 30-х годов в Чехии, Словакии, Болгарии, Югославии идеи славянского единения во главе с Россией (СССР). Вряд ли эта идея была на слуху в Независимой державе Хорватии, созданной не только с помощью Германии, но и при массовой поддержке собственного народа. Это же касается, хотя, быть может, в меньшей степени, и Словацкой республики, и Протектората Богемии и Моравии, среди населения которых конформизм по отношению к гитлеровским оккупантам (во всяком случае до Сталинграда и Курска) преобладал над чувствами консолидации с Россией во имя разгрома третьего рейха. Недаром ведь сейчас, например, чешские историки ставят вопрос об истоках массового национального коллаборационизма. Наверное, точнее будет говорить, что длительное время идея взаимности, единения славянских народов значительно больше занимала умы политиков – сторонников антигитлеровской коалиции, чем (по разным причинам) самих этих народов.

НОСКОВА А.Ф. Давайте теперь предпримем попытку определить, что же такое антифашизм. Можно ли его трактовать как собирательное понятие? Всегда ли антифашизм и антигитлеризм означали просоветизм и прокоммунизм?

Известно, что антифашистские настроения принимали разные формы. Их конкретизация в странах шла по национальному, социальному, политическому, конфессиональному руслу. Какую роль в складывании той или иной формы антифашизма играли идея славянской взаимности и образ врага? Наконец, почему столь трудно, медленно и поздно стали появляться зачатки антифашистских настроений в странах гитлеровского блока? Может быть, главная причина этого в состоянии некоего равновесия между фашистскими и профашистскими режимами, с одной стороны, и значительной частью общества – с другой? Сыграли ли свою роль в достижении этого равновесия антисоветизм и антикоммунизм? Нельзя, видимо, сбрасывать со счета и то весьма немаловажное обстоятельство, что Гитлер дал-таки некие варианты решения национальных проблем (Хорватия, Словакия, Австрия).

ЕРЩЕНКО М.Д. Сегодня вновь оживляется острая полемика по проблемам фашизма и антифашистской борьбы, приобретает, особенно в странах Восточной Европы, в том числе и в России, новый размах и злободневность. Дискуссии идут как по общим методологическим проблемам, так и по отдельным аспектам истории, политики, идеологии фашизма и организации сопротивления ему в национальном и международном масштабе. С сожалением приходится отмечать, что нынешний всплеск внимания к этим вопросам вызван не столько научной значимостью исторической проблематики, сколько актуальностью самого политического феномена фашизма и

национального экстремизма в пестром спектре посттоталитарных преобразований восточноевропейских стран, поэтому не случайно именно в этот период выявилась для общества особенная ценность общенациональных, общедемократических и общечеловеческих принципов и целей. Сложность борьбы с фашизмом и его проявлениями во многом затруднена тем, что до сих пор отсутствует научная и однозначная в правовом отношении идентификация фашизма как режима власти и как политического движения. Отсюда и проистекает главная опасность: в обществе есть понимание необходимости борьбы против угрозы фашизма, необходимости сплочения разнородных демократических и прогрессивно-патриотических сил, но нет четкого видения, кто же этот основной противник и что можно ему вменить в вину, каковы должны быть принципы, формы и методы антифашистского движения?

Представляется совершенно необходимым вернуться сегодня к истокам анализа фашизма и проблем антифашистской борьбы, принадлежащего Антонио Грамши. Феномен "фашизма – антифашизма" привлек его внимание уже в 1919–1920 гг., тогда же он обосновал концепцию этой связки пониманием основополагающего фактора: фашизм является, по мысли Грамши, "реакцией нового типа, опирающейся на массы", и, таким образом, отличной от традиционной реакции правящих верхов военно-репрессивного характера. Позже, в докладе на политкомиссии ЦК ИКП в мае 1925 г., А. Грамши уточнил свою позицию, рассматривая фашизм не только как "ударную организацию буржуазии", но и как "социальное движение" (чего не хотели или не могли тогда увидеть ни итальянские коммунисты, ни руководство Коммунистического Интернационала в целом). В этой связи он поставил задачу: партии "необходимо проводить и теоретически, и практически дифференциацию" между фашизмом и буржуазно-демократической оппозицией фашизму и осуществлять "различную политику по отношению к фашизму и к оппозиции". По мысли А. Грамши, ответом фашизму должен стать "массовый антифашизм", создание "массового фронта, противостоящего своими всепроникающими действиями политике фашизма" [15; 16. Р. 17, 20].

Когда Грамши выдвинул в "Тюремных тетрадах" (1929) платформу антифашистской борьбы на основе выдвигавшегося им в 1924 г. лозунга Учредительного собрания, то концепция антифашизма приобрела у него более законченное политическое и стратегическое значение. Речь шла о "позиционной войне" в рамках нового исторического периода, а не в связи с революционной стратегией, как это виделось руководству ИКП раньше. Предпринятый Грамши анализ сложной структуры итальянского (и несколько шире – западного) общества, в котором акцентировалось внимание на стратификации и роли отдельных слоев буржуазии, среднего класса, промежуточных слоев, был новым для того времени. Особое значение он придавал крестьянству и молодежи, а также их участию в католическом движении и роли последнего в политической жизни страны.

В контексте этого анализа Грамши проверг схему, господствовавшую тогда в коммунистическом движении: борьба за демократию является лишь фазой революционной стратегии пролетариата на пути к власти, и поэтому складывание единого рабочего фронта и на его основе широкого народного фронта непременно должно осуществляться под руководством компартии, чтобы, завоевав таким образом массы в борьбе с фашизмом, взять власть. По определению П. Тольятти, специфика грамшианского антифашизма состояла в том, что ему удалось провести теоретическое осмысление перехода от империалистической стадии государства (выражением чего явилась фашистская диктатура) к периоду демократического преобразования государства через обновление гражданского общества и в целом итальянской нации [16. Р. 33].

Под этим же углом зрения Грамши определял место и задачу пролетариата в борьбе против фашизма, считая, что он может и должен объединить самые широкие социальные слои, поскольку "рабочие защищают не только самих себя, своих жен и детей – они защищают также и позицию общенационального значения..." [17].

ВОЛОКИТИНА Т.В. Итак, Вы видите в призывах А. Грамши создать антифашистскую демократическую коалицию и в признании необходимости целого исторического периода для демократического реформирования буржуазного государства принципиальное методологическое отличие его интерпретации антифашизма от коминтерновской? Последняя, как известно, заключалась в установках борьбы за единый рабочий фронт, подготовки вооруженных выступлений против фашизма и ориентации компартий на завоевание масс под лозунгом победы рабочего (рабоче-крестьянского) правительства, что было характерно для периода 20-х годов.

ЕРЕЩЕНКО М.Д. Несомненно. Из-за допущенных ИККИ ошибок, догматизма и сохранявшихся в коммунистическом движении вплоть до середины 30-х годов революционно-авантюристических настроений были упущены время и шансы для отпора наступавшему в Европе фашизму. Лишь в 1934 г. М. Торез выступает с обоснованием новых подходов к идее народного фронта во Франции. Обратим внимание на тот факт, что в документах Коминтерна все еще подчеркивалась тогда в качестве основной политической проблемы задача создания в первую очередь "единого пролетарского фронта" как ядра народных фронтов, призванных объединить прежде всего союзников рабочего класса. И эта установка сохранялась до второй мировой войны, когда она была расширена признанием антифашистской борьбы как платформы для сплочения общенациональных сил в рамках национальных фронтов. Именно тогда антифашизм перерастал в движение Сопротивления, целью которого в самом широком смысле являлась борьба во всех формах ее проявления – от вооруженных до идеологических – против фашистского тоталитаризма и за выход из войны в странах-сателлитах нацистской Германии, за освобождение своей родины в оккупированных странах, в целом за демократизацию общественной жизни и установление после войны нового политического режима объединенными силами народной демократии.

Антифашизм реализовал себя в движении Сопротивления, но, как показывает опыт истории послевоенных пяти десятилетий, нынешнего развития стран Восточной Европы, включая и Россию, не исчерпал своего значения и исторического смысла.

НОСКОВА А.Ф. М.Д. Ерещенко рассматривала проблему антифашизма в теоретическом ключе, "глядя" из коммунистического движения. Но подход к антифашизму и понимание его сути коммунистами, их инструментальные оценки данного явления – это одно. Не следует забывать и другого. Антифашизм в его конкретном, например, антигитлеровском, выражении стал платформой консолидации широких социальных слоев, главным образом либерально-демократической ориентации, весьма далеких от каких-либо симпатий к коммунистам. Именно так произошло в Польше, где сопротивление германскому фашизму и установленному в стране в 1939 г. жесточайшему оккупационному режиму, который угрожал самому существованию польской нации, приняло всеобщий характер и повлекло за собой объединение в одном политическом лагере представителей политических партий как демократического спектра, так и довоенного периода "санации", с сохранением руководящих позиций за прежней политической элитой.

Специфика польской ситуации состояла в том, что в расчленении Польши в 1939 г. участвовал СССР, тогдашний союзник Германии. В силу этого антисоветизм стал неотъемлемой частью массовых настроений в польском движении Сопротивления, руководимом эмигрантским правительством. В сознании рядового поляка антифашизм вобрал в себя и антигерманские, антигитлеровские настроения, и антисоветские, а само движение Сопротивления, по крайней мере его наиболее массовый поток, в 1939–1941 гг. и особенно на заключительном этапе войны имело как бы два "против" – против Германии и против СССР. Это и сделало безрезультатными попытки коммунистов, единственной политической силы, выступавшей с просоветских позиций и признавшей справедливость включения Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР, присоединиться к "лондонскому" лагерю Сопротивления и заставило их

приступить к организации просоветского лагеря в антигитлеровском движении Сопротивления поляков (см. [18]). Таким образом, антифашизм не всегда означал просоветизм, как это представляли себе идеологи и политики коммунистического движения.

ВАЛЕВА Е.Л. Если говорить о Болгарии, то здесь антифашистские настроения и движение Сопротивления тоже имели свою специфику. С самого начала в нем преобладали социальные аспекты. Руководившие этим движением болгарские коммунисты ориентировали его участников на борьбу за создание после войны нового общественного устройства при ключевых позициях БРП.

Борьбу за правительство национального антифашистского единства болгарские коммунисты, как и социал-демократы, рассматривали лишь как необходимый этап к глубоким общественным преобразованиям, к социализму. Компартия, сознательно преувеличивала значение фашистских тенденций в стране, звала трудящихся на борьбу с "реакционной монархо-фашистской диктатурой", приравнивала режим в Болгарии к итальянскому и германскому фашизму, стремясь таким образом вовлечь в борьбу как можно более широкие массы народа. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии – направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей – ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Подавляющее большинство борцов Сопротивления составляли коммунисты и комсомольцы (рэмсисы). Склонить некоммунистические антиправительственные силы к активным действиям против режима было крайне трудно.

МАРЬИНА В.В. Можно ли документально подтвердить Ваше утверждение о социальной направленности движения Сопротивления в Болгарии?

ВАЛЕВА Е.Л. Документы РЦХИДНИ это подтверждают. Так, в связи с возникшими в ЦК БРП спорами о непосредственной организации вооруженного восстания в стране, обратились за указаниями в Москву, в Загранбюро ЦК БРП. Возглавлявший последнее Г. Димитров 2 августа 1941 г. писал И. Сталину: "По сведению ЦК нашей болгарской партии, положение в стране чрезвычайно напряженное. Немцы производят усиленный нажим на Болгарию, чтобы она приняла активное участие в войне против Советского Союза. Царь Борис и правительство, хотя и все еще колеблются, готовят вступление в войну. Между тем подавляющее большинство народа и солдатской массы относятся явно отрицательно... Вопрос о восстании против царя Бориса и его германских покровителей в Болгарии поставлен конкретно. В связи с этим ЦК партии запрашивает – как и в каких размерах СССР может оказать помощь в случае восстания в Болгарии. Очень прошу Ваших срочных указаний по этому поводу" [5. Ф. 495. Оп. 74. Д. 84. Л. 5]. Ответ не замедлил последовать, так как уже 5 августа Димитров направляет члену ЦК БРП А. Иванову следующую директиву: "После тщательного обсуждения вопроса в самом авторитетном месте пришли единодушно к выводу, что восстание в настоящих условиях было бы преждевременным и заранее обречено на разгром. Приступить к восстанию только тогда, когда будет возможно комбинированное действие изнутри и извне страны, что в данный момент еще невозможно. Теперь надо накоплять силы, всемерно готовиться, укреплять позиции в армии и стратегических пунктах" [5. Ф. 495. Исход. док. за 1941 г. № 567].

Через неделю А. Иванов от имени ЦК уведомил Загранбюро, что партия работает именно в таком направлении: "Готовимся всесторонне к восстанию армии и народа в подходящий момент, согласованный с внешними силами, а также к соответствующей организационной перестройке и военно-технической подготовке партии и масс. Эту подготовку сочетаем с развертыванием борьбы и расстройством фашистского тыла. С этой целью и в процессе борьбы создаются боевые группы и партизанские отряды" [5. Ф. 495. Оп. 184. Вход. док. за 1941 г. № 589].

Курс на развертывание вооруженной борьбы против гитлеровцев и существовавшего тогда пронацистского режима был взят коммунистами в крайне неблаго-

приятной обстановке. В Болгарии не было никаких признаков внутривластного кризиса и массовых антифашистских и антиправительственных настроений. Страна представляла собой в тот период относительно мирный оазис. Экономическое положение народа пока еще не начало ухудшаться. Положение Болгарии как страны-сателлита заметно отличалось от положения оккупированных Германией государств. В ней сохранился собственный государственный аппарат; германские войска, располагавшиеся на ее территории, не выполняли оккупационных функций. Значительные слои болгарского населения захлестнула националистическая волна: в сентябре 1940 г. Болгария при поддержке Германии получила от Румынии Добруджу, после завершения балканских операций вермахта к Болгарии "присоединились" Македония, Западная Франция и районы на западной границе с Югославией. Используя специфическую международную конъюнктуру, спекулируя на бескровном решении национального вопроса и на том, что стране удалось избежать ужасов войны и оккупации, правительство и царь Борис сумели расширить свое влияние на значительные круги населения. Неблагоприятным фактором для развертывания Сопrotивления в Болгарии были и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте. Таким образом, принимая курс на вооруженную борьбу в июне 1941 г., БРП исходила не из внутривластной ситуации, а базировалась на общей линии мирового коммунистического движения, которая вырабатывалась в Москве.

ВОЛОКИТИНА Т.В. Думаю, что уместно дополнить выступление Е.Л. Валева некоторыми архивными материалами, фиксирующими как бы взгляд "изнутри" на развитие движения Сопrotивления. Речь идет прежде всего о докладе секретаря ЦК БРП Т. Костова в Отделе международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). 26 января 1945 г. [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 75. Л. 2-58] Костов выступал в Москве под псевдонимом "Спиридонов". Замечу, что, испытывая острую нехватку информации о положении в странах Восточной Европы, ОМИ практиковал приглашение прибывших в Москву партийных функционеров, а также политических и общественных деятелей-коммунистов для информационного доклада и обмена мнениями. В ОМИ, в частности, выступали А. Хебранг, В. Гомулка, З. Неедлы, Э. Гере, М. Ракоши и др. "Спиридонов"-Костов большую часть своего доклада посвятил ретроспективной оценке движения Сопrotивления в Болгарии. Из его сообщения следовало, что работа компартии по развертыванию саботажа и диверсионных актов и организации партизанских отрядов "наталкивалась на множество препятствий". Ряд объективных неблагоприятных обстоятельств затруднял работу коммунистов. О некоторых из них Е. Валева говорила. Костов подчеркнул также активное влияние пропагандистского аппарата Геббельса на болгарские власти, ужесточившие, в частности, закон о защите государства таким образом, что смертная казнь предусматривалась практически по всем его статьям.

Костов доложил, что в Рабочей партии не все одобряют принятый курс, высказываются опасения, что коммунисты оторвутся от масс, взвалит всю тяжесть борьбы только на свои плечи. Он констатировал, что такой подход оказал тормозящее воздействие на развитие освободительной борьбы в Болгарии, которая в целом "отставала от Югославии и Греции". Заметим, что рассматриваемый доклад был в некоторых аспектах просто наивен. Костов, к примеру, говорил: "Кроме того, оказалось, что организация диверсионных актов является не таким легким делом". И пояснял: "Нужно было добывать взрывчатые материалы и нужно было уметь манипулировать с этими взрывчатыми материалами, а этого умения у нас не было".

Выступая в ОМИ, представитель БРП счел необходимым ответить на критику со стороны югославских коммунистов, склонных обвинять Болгарскую рабочую партию, во-первых, в "оппортунистической пассивности", а во-вторых, в том, что она просто воспользовалась успехами советских войск, что 9 сентября 1944 г. является только делом Красной Армии. Надо оговориться, что югославская сторона считала необходимым обратить внимание Москвы на "недостатки" болгарского движения Сопrotив-

ления. 24 апреля 1945 г. М. Джилас в беседе с В.М. Молотовым подчеркивал, что болгары ошиблись – не готовились к вооруженной борьбе, не бросили свои кадры в деревни и горы, оставив их в городах, в результате чего многие погибли...

Не отрицая слабых сторон отечественного движения Сопротивления, Т. Костов в объяснение этого факта указал на объективные различия обстановки в обеих странах. Болгария, в отличие от Югославии, по его мнению, лишь после Сталинграда осуществила поворот в ходе борьбы, а продвижение Красной Армии летом 1944 г. к румыно-болгарской границе ускорило ход событий. "Совершенно ясно, – сказал он, – что без Красной Армии удар 9 сентября 1944 г. не мог бы окончиться так успешно и легко или, может быть, даже совсем бы не удался".

Вместе с тем ситуация в Болгарии выгодно отличалась от положения в Румынии высоким уровнем развития внутренних сил движения Сопротивления. И это при том, – говорил Костов, – что в Румынию также вступила Красная Армия и страна потерпела поражение в войне.

Таким образом, ретроспективная оценка Костовым ситуации в болгарском движении Сопротивления представляется достаточно объективной и лишена, с моей точки зрения, стремления приукрасить реальность и преувеличить заслуги его участников. Что же касается определения коммунистами характера режима в стране до установления народной власти, то он однозначно оценивался в качестве фашистского. При этом наличествовало произвольно-расширительное толкование как самого термина "фашистский", так и производных от него. Это, несомненно, способствовало размаху репрессий в стране непосредственно после 9 сентября 1944 г., когда, по некоторым данным, в течение нескольких недель без суда и следствия были ликвидированы около 18 тыс. человек [19].

ПУШКАШ А.И. В связи с обсуждением истории движения Сопротивления хотел бы заметить, что в исторической литературе написано об этом много. И все-таки, если говорить, допустим, о Венгрии, то проблема изучена лишь в общих чертах, что дает возможность толковать это движение весьма расширительно, вплоть до зачисления в его ряды регента М. Хорти и премьера М. Каллаи – организаторов участия Венгрии в войне в составе гитлеровского блока. Объяснить подобное положение дел в историографии можно тем особым режимом секретности, который распространялся на хранение материалов, относящихся к движению Сопротивления.

На территории Центральной и Юго-Восточной Европы успешнее всего партизаны действовали в 1944 г. Общее представление об этом можно составить по имеющейся литературе. Однако по мере отдаления этих событий от нашего времени число участников движения Сопротивления непрерывно растет. Так, если по данным академика Немеша, опубликованным вскоре после второй мировой войны, в Венгрии к концу войны было всего 2600 участников партизанских отрядов, то в 60-е годы в Союзе партизан этой страны уже насчитывалось более 10 тыс. членов. И это при условии, что многих подлинных партизан к тому времени уже не было в живых. Мне приходилось встречать людей, которые выдавали себя за участников партизанского движения, назывались даже командирами, что не подтверждается никакими документами.

Еще на конференции по движению Сопротивления в Будапеште в 1962 г. пришлось услышать в докладе одного из участников партизанского движения в СССР Пала Фелдеша (он выполнял роль инспектора Центрального штаба в разных регионах в тылу врага), в то время уже жившего в Будапеште, что все ясно с отрядами, десантированными на территорию Венгрии, кроме одного, перебросенного в период подхода к венгерской границе партизанского соединения Ковпака, совершившего рейд от Старой Гуты до Карпат. Ковпак в своей книге "От Путивля до Карпат" пишет: "Это было у границ Чехословакии. Здесь в огне и дыму (горели нефтяные промыслы в районе Яблоново), под грохот взрывов и треск пожаров мы провели в лесу на поляне собрание. Почти за год до этого к нам в Брянские леса пришло из 47-го венгерского полка восемь солдат-перебежчиков, насильно мобилизованных немцами". Конечно,

здесь неточность: мобилизованы они были хортистами. Но продолжим цитату: "Мы выполнили их просьбу, – пишет Ковпак, – зачислили бойцами в свой отряд. Они прошли с нами от Старой Гуты до Карпат, оказались хорошими товарищами, храбрыми бойцами. И вот у нас при подходе к границе Чехословакии возникла мысль отправить их к себе на родину, чтобы они помогли своим землякам, нашим зарубежным братьям, перенять опыт борьбы советских партизан. Этот вопрос и стоял на собрании. Собственно говоря, это было не собрание, а просто дружеские проводы товарищей по борьбе. Высказали свои пожелания, дали советы, снабдили оружием, продовольствием и крепко пожали на прощание руки" [20].

Это было 25 июля 1943 г., как записал в дневнике комиссар соединения С.В. Руднев [21]. О. Довганич, ученый из Ужгорода, приводит даже клятвенную ответную речь командира группы Ивана Козуба. Но как водится в исторической литературе, когда авторы где-нибудь сделают ошибку или опisku, то она потом перекочует в труды всех исследователей, пользующихся сведениями из вторых рук. Так и в данном случае – вместо Козуба встречается Козун во всех сочинениях о партизанах, упоминающих эту группу. Так поступил и Ф.С. Репринцев в своей книге [22].

Что же было в действительности? И. Козуб со своей группой перебрался в Закарпатье. Они бросили оружие, явились в первый попавшийся на пути жандармский венгерский пост и там рассказали, что они якобы были взяты в 1942 г. партизанами в плен. Последние возили их за собой, и им удалось бежать домой в Карпатах. Делом группы занимался центр государственной безопасности Министерства внутренних дел Венгрии и, как свидетельствует материал этого центра, обнаруженный мною в военном архиве в Венгрии, рассказам группы Козуба поверили и сочли возможным отпустить их по домам. Уже будучи после войны заместителем председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР, С.А. Ковпак интересовался судьбой участников группы, но те, чувствуя ответственность за невыполненное поручение, молчали. Козуб прожил тихо в родном селе до конца своих дней, уклоняясь от разговоров на эту тему. Мне кажется, наступила пора и в истории такого рода "групп Сопrotивления" восстановить историческую правду.

ВОЛОКИТИНА Т.В. В этой связи хотела бы привести такую информацию. Видимо, в Москве существовали подозрения о наличии в ряде случаев "дутой" отчетности при характеристике партизанского движения. Известно скептическое отношение Сталина к данным о 300-тысячной партизанской армии в Югославии, выраженное им в беседе с Э. Карделем и И. Шубашичем в Москве 22 ноября 1944 г. Хотя, несомненно, критика Сталиным действий НОАЮ была тактическим приемом, элементом большой игры с выходом на великие державы (Кардель считал, что Сталин хотел произвести впечатление на Шубашича в расчете на то, что содержание беседы дойдет через него до У. Черчилля), важно и другое: советский руководитель поставил под сомнение численность партизанских отрядов и на оккупированных территориях СССР. Сталин, в частности, заявил: "Знаю я ваши партизанские цифры. И у нас были такие случаи в Белоруссии и на Украине: когда мы спрашивали командиров наших партизанских отрядов, какова их численность, они докладывали, что располагают 3 тыс. человек, но стоило нам послать туда для руководства ими офицеров, то оказывалось, что их было максимум несколько сот, а то и меньше человек" [23].

ЖЕЛИЦКИ Б.Й. А.И. Пушкаш правомерно ставит вопрос о необходимости восстановить историческую правду о том, где она искажена. В этой связи хотел бы высказать свое мнение по вопросу о вступлении Венгрии в войну против СССР. Хортистская Венгрия долго и успешно сопротивлялась Гитлеру, балансируя на грани возможного, чтобы избежать вовлечения в войну. В 1939 г., во время нападения гитлеровцев на Польшу, политическое руководство страны еще сумело сказать "нет". С началом агрессии против Советского Союза ситуация изменилась, и Венгрия оказалась втянутой в военные действия. Вопреки распространенным мифам о "фашист-

ской системе" в этой стране, о том, что якобы хортистское руководство само предложило свои услуги фюреру, на деле все было не так.

Гитлер в то время уже стал полновластным хозяином в центральноевропейском регионе и через своих политиков и военных оказывал постоянное и методичное давление на венгерское руководство, толкая его в нужном для себя направлении. Последнее, страшась как соседства с фашистской Германией (после аншлюса Австрии), так и с СССР, с которым у Венгрии были теперь общие границы в Закарпатье, было вынуждено лавировать, чтобы избежать вовлечения в войну. Сложность положения венгров признавали и на Западе. Так, еще в феврале 1941 г. министр иностранных дел Англии А. Иден говорил венгерскому послу Д. Барца в Лондоне: "Мы понимаем, что Венгрия – ввиду ее географического положения – находится под большим и постоянным железным давлением, но надеемся, что... венгерское правительство сумеет противостоять давлению держав оси и сумеет сохранить свой подлинный суверенитет" (цит. по: [24]).

Накануне нападения на СССР германский посол передал М. Хорти письмо Гитлера и просил "сделать соответствующие выводы", но правитель Венгрии лишь пожелал фюреру удачи, не выразив желаний и готовности присоединиться к этой кампании. В своем письменном ответе М. Хорти подчеркивал, что Венгрия не находится в такой ситуации, чтобы объявлять войну СССР и даже не имеет на то никакого основания. Он заметил также, что объявление войны со стороны Венгрии выглядело бы просто смешным, хотя бы по причине несоразмерности территорий двух стран [25]. Такой же была и позиция венгерского парламента [26].

Когда в Берлине узнали, что Хорти не планирует даже разрыва дипломатических отношений с СССР, Гитлер возмущился. Его посол в Будапеште Эрдмансдорф дал знать венгерскому руководству, что разрыв дипломатических отношений – это лишь минимум того, что Германия ожидает от Венгрии. Правительство последней все же решило объявить о разрыве дипотношений с Москвой, хотя это еще не означало вступления в войну. Характерно, что советский посланник в Будапеште Баранов, узнав о том, что Венгрия не делает больше ничего, кроме разрыва дипотношений с СССР, был удивлен.

Между тем, 26 июня 1941 г. произошло загадочное событие, которое изменило отношение венгерской политической элиты к войне с СССР. Прилетевшие с востока самолеты нанесли бомбовые удары по железнодорожному узлу в районе городов Рахо (ныне Рахов в Закарпатье), Мункач (Мукачево), а также Кашша (Кошице в Словакии). На месте бомбежки были найдены осколки от бомб с клеймом Путиловского завода. Большинство исследователей считают это провокационной акцией гитлеровцев и их приспешников в венгерском Генштабе. Но есть и те, кто видят здесь действия советской авиации. Так или иначе, правительство и Хорти были информированы о том, что бомбардировка венгерских городов осуществлена советскими самолетами. Судя по всему, руководство страны поверило своим генералам, ибо 27 июня венгерские газеты сообщили о воздушном налете и о том, что теперь "Венгрия считает себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом". Страна оказалась вовлеченной в бессмысленную для нее войну.

Гитлер требовал от Хорти выставить 15 боевых и 8 оккупационных бригад, но это было нереально, так как армия Венгрии была малочисленной и плохо вооруженной. Первые незначительные формирования отправили на Восточный фронт в июле 1941 г. Лишь весной 1942 г. была поспешно сформирована и двинута на Воронежский фронт 2-я венгерская армия в составе трех корпусов, насчитывавшая в общей сложности до 200 тыс. солдат и офицеров [7. Ф. 077. Оп. 24. Ч. 112. Д. 5. Л. 72–75]. В начале 1943 г. она была разбита на Дону.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Что касается Румынии, то в современной румынской историографии не оспаривается вступление ее в войну против СССР без колебаний. Однако в ряде работ, со ссылкой на позиции "исторических партий", участие Румынии

в войне на стороне Германии оценивается как акция в целом антинациональная, поскольку союз с последней был направлен против естественных союзников Румынии – Великобритании и Франции и привел страну к трансформации в простой придаток Германии [27. Р. 48–49]. Но новой тенденцией в настоящий момент являются попытки некоторых румынских исследователей оправдать факт вступления Румынии в войну территориальными претензиями последней к СССР. Появились новые тенденции в историографии посткоммунистической Румынии и в оценках антифашистских и антигерманских выступлений некоторых политических сил, складывания "национальной оппозиции" режиму И. Антонеску. Можно выделить здесь по меньшей мере два направления. Набирает силу крайне националистическое течение, реанимирующее идеи реваншизма начала 40-х годов и реабилитации маршала И. Антонеску [28].

На этом фоне весьма респектабельно выглядит умеренно-центристское направление, сторонники которого пытаются на основании новых документов отойти от крайних точек зрения и представить фактологически канву событий, связанных с участием Румынии в войне на разных ее этапах [27]. Тем не менее и эти авторы нередко пытаются поставить знак равенства между фашистской Германией и сталинским Советским Союзом [27. Р. 78].

В соответствии с общей концепцией работ, которые мы относим к крайне националистическому направлению, авторы таких, например, работ, как "Румыния и мировая война 1939–1945 гг.", обеляют политику режима И. Антонеску, оправдывают его союз с гитлеровской Германией как единственную возможность восстановления "Великой Румынии" в границах 1918 г., восхваляют его борьбу против большевизма. В связи с этим вступление Румынии в войну против СССР объявляется "священным актом", а сам И. Антонеску представляется героем, верным нации, воинскому долгу и своим обещаниям, данным Гитлеру, "вести войну до конца".

В силу подобной логики выступления против режима Антонеску и против участия Румынии в антисоветской войне, против фашизма в Румынии и гитлеровской Германии рассматриваются как антинациональные и антигосударственные действия, т.е. участники движения Сопrotивления квалифицируются как "шпионы" или "предатели". Причем в первую очередь это относится к коммунистам и политическим деятелям, связанным с Коминтерном (см. [29]).

МУРАШКО Г.П. Имеется ли возможность документально опровергнуть подобные утверждения?

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Трофейные документы румынской секретной службы информации, находящиеся в настоящее время в российских архивах, достаточно детально раскрывают картину складывания центров и организационных структур движения Сопrotивления в Румынии, радикализации настроений в румынском обществе, нарастания в нем с конца 1943 г. антифашистских, антивоенных и антигерманских настроений, формирования в сознании широких кругов населения в связи с победами Красной Армии и военным поражением гитлеровской Германии и ее союзников мысли о неизбежности надвигающейся катастрофы и поиске мотивов для разрыва с гитлеровцами и перехода на другую сторону [30].

Позвольте остановиться на некоторых малоизвестных фактах, подтверждающих попытки отдельных румынских политиков сформировать национальную оппозицию правящему режиму. Так, известный либеральный политик Г. Татареску в июне 1945 г. сообщил своим коллегам по Национально-либеральной партии, что еще в марте и декабре 1943 г. обращался к лидеру Национально-царанистской партии Ю. Маниу с предложением создать Национальный комитет из представителей всех политических партий для защиты национальных интересов страны [7. Ф. 0125. Оп. 38а. П. 230. Д. 4. Л. 16]. Он, в частности, предлагал Ю. Маниу начать переговоры с СССР о выходе Румынии из войны и получил отказ.

В феврале 1944 г. Татареску направил письмо в Лондон президенту Чехословакии Э. Бенешу. Имея в виду постоянную связь Бенеша с Москвой, он просил последнего подготовить почву для соглашения с Москвой и "защиты интересов Румынии перед Кремлем" [7. Ф. 0125. Оп. 38а. П. 230. Д. 4. Л. 18]. В начале июня 1944 г. Татареску через Бенеша довел до сведения советской стороны факт создания национально-демократической коалиции, одновременно уведомив об этом и румынского короля.

По заявлению Татареску от 28 июня 1945 г., ему стало известно, что МИД Румынии получил приглашение для него и представителей коалиции прибыть в Москву для обсуждения условий выхода Румынии из войны и заключения перемирия. Как утверждал тогда Татареску, этот факт был от него скрыт Министерством иностранных дел Румынии. Это сорвало, по его мнению, как заключение перемирия "до начала русского наступления в августе" 1944 г., так и "совместные румыно-советские действия по окружению и уничтожению немецких частей". Тогда же, в июне 1945 г., Татареску рассказал о своих контактах с королем Михаем и командованием румынской армии на фронте по поводу выхода Румынии из войны и заключения перемирия, чему воспрепятствовали "колебание и систематическое несогласие" Ю. Маниу [7. Ф. 0125. Оп. 38а. П. 230. Д. 4. Л. 21–22].

ВОЛОКИТИНА Т.В. Каковы же были действительные масштабы движения Соппротивления в Румынии?

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Безусловно, оно было очень слабым. Однако с лета 1943 г. наметилась эволюция в настроениях основных групп населения. "Наступление Красной Армии, – сообщалось в одном из донесений секретной службы информации, – стало предметом сильного беспокойства, и румыны начали понимать невозможность устоять перед победоносным наступлением русских в то время, как немецкие войска стали подавать признаки усталости и морального упадка" [31. Dos. 88/1944. P. 5]. На морально-психологическую атмосферу оказали воздействие и англо-американские бомбардировки румынских городов, которые изменили направленность симпатий значительной части населения [7. Ф. 125. Оп. 26. П. 23а. Д. 15. Л. 50] в сторону русских. Именно на весну–лето 1944 г. приходится процесс быстрого складывания "национальной коалиции", враждебной диктатору Антонеску. Она включала в себя достаточно широкий и разношерстный спектр политических сил: лидеров "исторических партий", королевский двор и левые силы – социал-демократов и коммунистов.

ЖЕЛИЦКИ Б.Й. Почему сложился такой странный союз румынского короля и румынских коммунистов?

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Как признался впоследствии король, он пошел на невероятный для двора шаг "по совету западных держав", которые, в свою очередь, уступили просьбе И.В. Сталина. "Парадоксально, – писал в своих воспоминаниях бывший румынский король Михай, – но именно союзники заставили нас сотрудничать с коммунистами... Соглашаясь с этим предложением, я все же заметил, что коммунисты никого не представляют, их всего-то несколько тысяч человек" [32]. Действительно, после выхода из подполья в конце августа – начале сентября Коммунистическая партия насчитывала всего немногим более тысячи человек [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 770. Л. 6–7]. С этой точки зрения положение дел в Румынии вовсе не было уникальным. Немногочисленными были компартии и других стран региона. Но используя благоприятную ситуацию, созданную наступлением Красной Армии, как образно выразился румынский историк-эмигрант В. Фрунзе, КПП "просунула ногу в приоткрытую дверь" [33].

НОСКОВА А.Ф. Занимаясь историей антифашистского движения Сопротивления в странах Восточной Европы, наши исследователи непременно сталкиваются с очень сложной и во многом в отечественной науке примитивизированной проблемой сотрудничества части населения с оккупантами. Между тем зарубежные коллеги продвинулись в разработке этой проблемы как с точки зрения ее понимания, так и накопления конкретно-исторического материала весьма существенно. В качестве примера можно привести двухтомное фундаментальное исследование польского историка Ч. Мадайчика [34]. Сразу же оговорюсь, что считаю обоснованным структурирование проф. Мадайчиком широкого понятия "сотрудничество с оккупантами", в результате которого оно отнюдь не тождественно одному из проявлений этого сотрудничества – коллаборационизму. Под "сотрудничеством" понимается некий объем взаимодействия с оккупационными властями в сферах, главным образом обеспечивавших жизнь людей на захваченных и оккупированных территориях: уголовная полиция, транспорт, связь, коммунальные службы, местная администрация и т.п. Другое дело – добровольное или принудительное сотрудничество с оккупантами и тем самым обеспечение их военно-политических интересов, нарушение лояльности в отношении своего собственного народа и государства. Такую позицию людей, партий, движений, экономических кругов, прессы, определенную сохранением оккупантами национальных властей, Ч. Мадайчик и называет коллаборацией [34. Т. 2. S. 335]. Иными словами, последний термин означает прежде всего политическое (или военно-политическое) взаимодействие с оккупантами во имя достижения тех или иных целей, признанных коллаборантами соответствующими интересам своего народа, использование созданной оккупантами международно-правовой и военно-политической ситуации для решения конкретных задач.

МУРАШКО Г.П. Уместно поставить вопрос: что же склоняло те или иные силы к политическому (военно-политическому) сотрудничеству с оккупантами? Причин здесь можно назвать несколько. Но, поддерживая Ч. Мадайчика, особо выделить следует две: националистический сепаратизм или стремление к национальной эмансипации, национальному самоопределению, выходу таким путем из многонациональных государств межвоенного времени, например, словаков, хорватов, украинцев, прибалтов в восточноевропейском регионе; вера в объединенную под эгидой Германии новую Европу, в национал-социализм как антиподы Версальской системы, парламентской демократии, многонациональным государством, советскому строю, наконец. Последнее играло далеко немаловажную роль в оживлении националистических, сепаратистских движений на захваченных гитлеровцами территориях СССР. Но, к сожалению, следует констатировать, что история национал-сепаратистских движений на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики разработана в отечественной историографии крайне неудовлетворительно. Между тем сегодня, когда приоткрылись двери наших архивохранилищ, стали доступными многие документальные материалы на этот счет.

ЦАРЕВСКАЯ Т.В. Мне хотелось бы коснуться не только материалов по теме коллаборационизма и отношения различных групп населения к приходу Красной Армии, но также комплекса документов, освещающих судьбы и проблемы славянских народов, в частности, белорусского народа.

Хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) документы за период Великой Отечественной войны отражают непростую, противоречивую ситуацию, сложившуюся в Белоруссии, особенно в западной ее части. В силу ряда причин, безусловно, невозможно охватить все документальные массивы, которые содержат сведения по этой проблеме. Поэтому я остановилась на докладных записках наркома внутренних дел Л.П. Берии на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, хранящихся в так называемых Особых папках Сталина и Молотова.

Безусловный интерес представляют материалы, касающиеся деятельности нацио-

налистических организаций, созданных при поддержке германского правительства. Так, в донесении А. Кобулова, заместителя наркома государственной безопасности СССР, на имя Берии от 21 января 1945 г. сообщается об обнаружении националистической организации, именуемой "Белорусская независимая партия" (БНП), созданной, как выяснилось в результате следствия, в 1942 г. по инициативе германской разведки [35. Оп. 1]. Из документа видно, что БНП основной своей задачей ставила вооруженную борьбу против советской власти за создание "Независимой белорусской республики". В период освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков члены ЦК БНП бежали в Германию, откуда велась переброска в тыл советских войск эмиссаров для подрывной работы. По сведениям НКВД, из числа арестованных 56 участников БНП 12 человек являлись агентами немецкой разведки, переброшенными через линию фронта для шпионско-диверсионных акций.

К донесению о БНП приложены тексты перевода с белорусского языка ее программы и устава [35. Оп. 1]. Программа содержит призыв к населению принять участие в борьбе за права и свободу белорусского народа. Основным для достижения собственной государственности объявлялся путь вооруженной борьбы, а целью – создание независимой, суверенной Белоруссии в ее этнографических границах. Основа идеологии государства виделась в "творческом позитивном белорусском национализме". То есть ядром программы БНП выступали националистическая идея, четко выраженный сепаратизм. Экономической основой существования независимой Белоруссии, по замыслам создателей программы, должна была стать частная собственность.

Устав БНП определял основные задачи партии и ее структуру. Одним из наиболее важных считался военный отдел, в задачи которого входили: создание штурмовых отделов БНП и руководство ими; внедрение членов БНП в непартийные военизированные белорусские отряды и подчинение их своему влиянию; подготовка и проведение мобилизации.

Кроме БНП на освобожденной территории БССР органами НКВД–НКГБ СССР было обнаружено "Белорусское объединение" с центром в г. Белостоке и с местными комитетами в районах [35. Оп. 2. Д. 66. Л. 55–56]. В задачи этой организации входило оказание активной помощи немецким оккупационным органам власти. По данным НКВД по Свислочскому району, в "Белорусском объединении" состояло около 7 тыс. человек. На территории республики действовал также "Союз белорусской молодежи". В Шклове, например, его районная организация состояла из 23 человек. В Барановичской и Молодечненской областях по делу "Союза белорусской молодежи" были арестованы 90 человек, в Брестской области – 5 [35. Оп. 2. Д. 68. Л. 105; Д. 93. Л. 356]. По имеющимся в распоряжении НКВД сведениям, указанные лица являлись инициаторами создания СБМ в Коссовском районе и завербовали в него до 50 человек. Одна из арестованных показала, что она была связана с немецкой комендатурой, выполняя ее задания по выявлению лиц, настроенных враждебно к оккупационным властям.

Кроме этих организаций, в донесениях на имя И.В. Сталина сообщалось Берией о деятельности созданной немцами профашистской организации "Белорусский комитет самозащиты", руководящий состав которой использовался немцами в административных и карательных органах [35. Оп. 2. Д. 67. Л. 375]. В ряде районов Молодечненской и Барановичской областей существовала националистическая организация "Белорусская самопомощь", причем в ней, по данным НКВД–НКГБ, состояли около 60 человек [35. Оп. 2. Д. 68. Л. 105]. В период наступления Красной Армии в Белоруссии по приказу Белорусской центральной рады были созданы "отряды самообороны" для борьбы с партизанами и оказания сопротивления наступающей Красной Армии [35. Оп. 2. Д. 66. Л. 56].

Несомненный интерес для историков представляет информация о связях Национального белорусского комитета и других националистических организаций с Русской освободительной армией (РОА), вербовке в нее добровольцев и участии его представителей в созданном в Праге "Комитете освобождения народов России" под председательством генерала Власова.

Кроме участников профашистских организаций, оказывавших помощь оккупационному правительству и принимавших участие в административном управлении краем, в донесениях содержится информация о выявлении агентов СД и специального зондеротделения "Р" – школы разведчиков-радивов, которая дислоцировалась вначале под Минском, а затем в Варшаве [35. Оп. 2. Д. 66. Л. 120–122; Д. 93. Л. 356]. Наряду с информацией о школе и заданиях, которые получали агенты, донесения в адрес Берии содержат и сведения о самих агентах. Среди них бывшие солдаты Красной Армии, попавшие в плен и завербованные в лагерях, жители Белоруссии, арестованные во время немецких облав, попавшие в плен в период карательных экспедиций партизаны, запуганные обыватели. Они занимались сбором и передачей сведений о дислокации и численности партизанских отрядов и корректировали деятельность немецких карательных экспедиций. Только в одном случае в документах речь идет об участии таких агентов в массовых расстрелах населения [35. Оп. 2. Д. 93. Л. 356].

В целом националистические организации в Белоруссии, будучи разъединенными, не оказали значительной поддержки оккупантам, не создали боевых соединений, способных противостоять частям Красной Армии и войск НКВД. Но вместе с тем в Западной Белоруссии было все же немало и иных формирований, оказывавших сопротивление восстановлению советской власти. Одной из причин этого надо, видимо, считать тот факт, что, как известно, в Гродненской, Молодечненской и Барановичской областях преобладало польское население [35. Оп. 2. Д. 66. Л. 234–241]. Так, по сообщению Л.П. Берии И.В. Сталину от 16 сентября 1944 г., сделанному на основании докладной записки наркома госбезопасности БССР Л.Ф. Цанавы, "на территории западных областей Белорусской ССР действуют польские националистические бандповстанческие формирования (речь идет об отрядах Армии Крайовой (АК). – Т.Ц.), ставящие своей целью борьбу с советской властью путем ... подготовки вооруженного восстания...

В период оккупации немцами территории Белоруссии польские формирования пользовались поддержкой немецких оккупационных властей и снабжались ими оружием. Поляки, в свою очередь, помогали немцам в борьбе с советскими партизанами и несли охрану немецких коммуникаций.

С освобождением Западной Белоруссии польские организации, по указанию эмигрантского правительства в Лондоне, начали активную борьбу против советской власти".

Так, в сентябре 1944 г. «была проведена чекистско-войсковая операция, в результате которой в Барановичской области был ликвидирован штаб "Новогрудского округа", осуществлявший руководство польским подпольем в западных областях БССР. Убиты 54 и захвачены живыми 4 человека. В числе убитых опознан подполковник польской армии под кличкой "Котвич", который, по заданию лондонского эмигрантского правительства, организовал и возглавил штаб "Новогрудского округа".

В июле 1943 г. германскими контрразведывательными органами была создана крупная повстанческая организация "Рагнера", именовавшаяся "Соединением Юг". Организация получала от германской контрразведки вооружение и боеприпасы и вела активную борьбу против советских партизан на территории Гродненской и Барановичской областей.

После освобождения западных областей БССР, организация "Рагнера" в составе 120 человек влилась в "Армию Крайову" и повела вооруженную борьбу против советской власти... Организация возглавлялась поручиком польской армии Заинчковским Чеславом, который непосредственно был связан с польским эмигрантским правительством и получал от последнего по радиции указания о подрывной деятельности.

Участники отряда "Рагнера" пытались совершить диверсии на железной дороге Лида–Гродно и на перегоне Лида–Барановичи» [35. Оп. 2. Д. 68. Л. 104–105].

Кроме того, как явствует из документов, польское подполье сумело провести вербовку местного белорусского населения, особенно среди призывного контингента,

но часть призывников, уклоняясь от явки на призывные пункты, скрывалась в лесах. Характеризуя ситуацию в Белоруссии, следует иметь в виду, что на конец 1944 г. в Брестской, Пинской, Полесской областях, граничащих с Украиной, действовало 11 отрядов Организации украинских националистов (ОУН), перешедших из Ровенской и Волынской областей. Положение дел осложняли мобилизация и, чуть позже, решение правительств СССР и Польши о переселении белорусов и поляков.

Непосредственно же белорусские повстанческие отряды состояли, как правило, из бывших полицаев и дезертиров. Причем, в отличие от организованной и явно политически окрашенной деятельности формирований АК и ОУН, в Западной Белоруссии разрозненные бандитские группы занимались как примитивным грабежом (кража скота, нападение на сельпо), так и убийствами уполномоченных Наркомзага, НКВД, председателей сельсоветов. Пополнение таких банд шло за счет дезертиров и местного населения из числа уклонившихся от призыва. По данным на 1 октября 1944 г., в Западной Белоруссии были арестованы свыше 9,5 тыс. дезертиров и уклонившихся от призыва, а за четыре месяца 1945 г. – 15 тыс. В итоге отказывавшееся от мобилизации население, в большинстве польское, оказывалось в подразделениях АК, что затрудняло стабилизацию обстановки в крае.

МУРАШКО Г.П. Т.В. Царевская познакомила нас с интереснейшими, еще недавно засекреченными документами. Но следует иметь в виду, что органы НКВД–НКГБ лишь постепенно разобрались в структуре польского военно-политического подполья. Поначалу все оно нередко идентифицировалось ими с АК, руководство и подавляющая часть солдат и офицеров которой занимали последовательно антифашистские позиции.

Между тем известно, что сотрудничеством с немецкими оккупантами "грешили" отряды крайне антисоветских, антикоммунистических и националистических Народовых Сил Збройных. Напомним, например, о действиях Свентокшистской бригады. Что касается АК, то, конечно, невозможно абсолютно исключить фактов сотрудничества с гитлеровцами на антисоветской и антикоммунистической основе ее отдельных отрядов или бойцов. Сведения на этот счет попадают в научной литературе. Но только накопление конкретно-исторического материала, в том числе и из российских архивов, позволит сделать более общие выводы и установить истину.

НОСКОВА А.Ф. Думаю, что важно иметь в виду и то обстоятельство, что обвинение в сотрудничестве с оккупантами было одним из расхожих аргументов, если хотите, нередко дежурных штампов в информации НКВД–НКГБ. Можно напомнить в этой связи обвинительное заключение на процессе 16 лидеров польского военно-политического подполья в июне 1945 г. в Москве, где этот аргумент тоже присутствовал и был применен к людям, являвшимся организаторами борьбы поляков против гитлеровцев. Не случайно весной 1990 г. решением Верховного Суда СССР все они были реабилитированы в связи с отсутствием состава преступления.

МИХУТИНА И.В. При освобождении от гитлеровцев западных и юго-западных районов СССР советские контрразведывательные органы столкнулись не только с упоминавшимися западнобелорусским и польским движениями, но и западноукраинским националистическим экстремизмом².

В национальном движении на Западной Украине ко времени второй мировой войны сильны были националистические, экстремистские течения. Оно выступило в этом мировом конфликте на стороне гитлеровской Германии, надеясь, что с таким союзником, сокрушив СССР, сумеет обеспечить объединение и государственную самостоятельность всех украинских земель под своим началом. Правда, союзник, в пользу

² Исследование по украинской истории межвоенного периода мною ведется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 95–06–17665.

которого был сделан выбор, с первых шагов показал, как мало считается с планами и чаяниями своего младшего партнера: неприятной неожиданностью для последнего стал советско-германский договор 1939 г., позволивший Москве беспрепятственно присоединить западноукраинские территории к Советской Украине. Еще более жестокое разочарование националистов вызвало то обстоятельство, что после нападения Германии на СССР гитлеровцы категорически пресекли попытку руководимой С. Бандерой фракции Организации украинских националистов (ОУН-Б) (накануне бандеровцы сформировали украинский легион в составе двух батальонов, которые участвовали во вторжении, порой опережая германские дивизии) провозгласить во Львове "независимое" украинское государство. Теперь известно, что Гитлер не собирался допускать на пространстве СССР западнее Урала какой-либо, даже дружественной Германии, государственности. Бандера и несколько министров самопровозглашенного украинского правительства были интернированы в лагерь Заксенхаузен и помещены в привилегированное отделение, предназначенное для политически важных лиц (выпущены в 1944 г., когда вес такого рода союзников вырос в глазах терявших силу гитлеровцев). Батальоны украинского легиона отозвали с фронта и в качестве карательных подразделений направили в Белоруссию, был произведен новый раздел украинских земель: Восточная Галиция – присоединена к той части Польши, которая составила так называемое Рейхсгубернаторство, Одесский округ передан Румынии, остальная часть – Рейхскомиссариат Украина – стала объектом жестокой колониальной эксплуатации.

В таких условиях организационные структуры бандеровцев ушли в подполье и вскоре на Волыни приступили к формированию Украинской повстанческой армии (УПА). В политическом плане бандеровцы стали акцентировать свои претензии на роль "третьей силы", по идее направленной против всех, кто стояли на пути к самостоятельной украинской государственности и препятствовали "национальной революции".

Однако неопровержимым фактом является то обстоятельство, что ОУН-Б со всеми своими военизированными подразделениями, разочаровавшись в гитлеровцах, осталась в орбите их политики, даже не пытаясь поставить себя по другую сторону фронта мировой войны. Зато по мере успехов Красной Армии и советских партизан УПА все энергичнее направляла острие своей борьбы против них, получая от немцев все необходимое для боевых действий. Военное поражение Германии перечеркнуло стратегические цели и планы западноукраинских националистов: все украинские земли оказались объединенными в пределах УССР. И тогда УПА вплоть до начала 50-х годов продолжала в приграничных областях отчаянную диверсионную и террористическую борьбу, стремясь ввергнуть республику в пучину гражданской войны.

В современной украинской историографии есть тенденция изобразить террористическую практику ОУН-УПА как порождение и следствие неправовых действий советских органов, начиная с 1939 г. Между тем исторические факты свидетельствуют, что западноукраинский националистический экстремизм зародился значительно раньше и в иных, не связанных непосредственно с советским тоталитаризмом условиях.

В момент окончания первой мировой войны, когда победившие западные демократии под флагом права наций на самоопределение готовились к территориально-государственному переустройству Центральной и Юго-Восточной Европы, политические лидеры украинского национального движения Галиции (в составе Австро-Венгрии до ее распада эта провинция объединяла как западноукраинские, так и южнопольские земли) попытались реализовать это право, провозгласив на своей этнической территории Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР).

Однако восстановленная тогда же Польша, претендуя на Галицию целиком, немедленно начала войну против ЗУНР, завершившуюся захватом польской армией всей территории Восточной Галиции с ее украинским этническим большинством. В свою очередь, по условиям Рижского мира 1921 г., которым завершилась война

Польшы с Советской Россией, установленная между ними граница рассекала украинские земли так, что Восточная Галиция и часть Волыни в отрыве от Приднепровской Украины были признаны за Польшей. Так была отодвинута в неопределенность идея слияния в едином государстве всех украинских земель. Но условия Рижского мира, как и крах ЗУНР, в тогдашнем соотношении сил отражали военный перевес Польши.

Дальнейшее же международно-правовое определение статуса западноукраинских земель целиком зависело от воли творцов Версальской системы. Решением Совета послон великих держав от 15 марта 1923 г. вопреки очевидному неприятию украинским населением Галиции (бойкотировавшим выборы в польский сейм, перепись населения, набор в польскую армию) была подтверждена принадлежность этой области к Польше. Окончательный перевод восточногалицийского вопроса из международного в разряд внутренних польских проблем не оставил украинцам шансов для борьбы за государственную самостоятельность легальными политическими средствами. И, как нередко бывает в подобных случаях, именно безвыходность положения подтолкнула самую динамичную часть национального движения (первоначально это были в основном уцелевшие военные кадры ЗУНР, образовавшие в 1920 г. Украинскую военную организацию – УВО) к идеологическому экстремизму и террористическим методам сопротивления колонизаторской и культурно-ассимиляторской политике польского правительства, а на международной арене – к ориентации на Германию, охотно распространявшую свое покровительство на всех изгоев Версальской системы. К 1929 г. оформилось политическое представительство этого течения, образовавшего вместе с УВО вышеупомянутую Организацию украинских националистов. Лозунг завоевания "свободного государства с националистическим правительством во главе", непризнание суверенитета Польши над Восточной Галицией, отрицание любых форм федерации как с Польшей, так и в составе СССР, волюнтаризм, апофеоз насилия, стремление к цели любыми средствами – таковы были политический облик и морально-этические установки этой организации. В 1940 г. она раскололась на ОУН-Б и ОУН-М (Мельник), последняя отличалась от фрондировавших бандеровцев своей полной покорностью гитлеровской политике.

В начале 30-х годов ОУН развернула в Восточной Галиции борьбу специфическими средствами, практикуя нападения на владения польских помещиков и колонистов, на государственное имущество. Правительство ответило репрессиями по принципу коллективной ответственности – массовыми избиениями украинцев вплоть до убийств без доказательства вины, разорением жилищ, уничтожением имущества. Лига Наций не реагировала на обращения и жалобы украинцев. Следующим актом трагедии стал индивидуальный террор ОУН против официальных лиц Польши, причастных к правительственным "пацификациям".

Стоит напомнить, что и первые акции УПА в конце 1942 – начале 1943 г., пока перевес Красной Армии над гитлеровцами выглядел более чем проблематичным, а польское политическое подполье не отступало от цели включения в пределы послевоенной Польши Западной Украины и Западной Белоруссии, были направлены на вытеснение польского меньшинства из Волыни и Полесья. И только по мере успехов Красной Армии, а с ними и перспектив советского варианта объединения украинских земель, на первый план в действиях ОУН–УПА вышли антисоветские цели.

Таким образом, при выявлении истоков западноукраинского националистического экстремизма и его волевого или невольного партнерства с гитлеровской Германией нельзя не принимать во внимание того несостоятельного, с точки зрения демократических принципов, способа, каким после первой мировой войны был решен вопрос о статусе Восточной Галиции.

НОСКОВА А.Ф. Говоря о коллаборационизме как явлении, рожденном второй мировой войной, не следует смешивать расчеты, планы, намерения, например, национал-сепаратистских движений и их лидеров, с реальными возможностями решить национальный вопрос "под крылом" гитлеровской Германии. "Партнеры", Гитлер, с

одной стороны, и Недич, Павелич, Тисо, украинские сепаратисты – с другой, были абсолютно неравноправны. И не только потому, что Гитлер считал использование политических коллаборантов нецелесообразным и мало результативным, налагающим на Берлин некие обязательства, но и потому, что цели "сторон" в конечном счете были несовместимы.

Что касается конкретных проблем изучения коллаборационизма на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, России, на Кавказе, то здесь необходимо накопление конкретно-исторического материала из фондов российских архивов. Кроме того, нужны гласность и открытость научной проблемы, затронувшей в разной степени жизни миллионов людей. Пора покончить с замалчиванием, которое создает питательную среду для фальсификаций и мифов, деформирующих общественное сознание и в наши дни.

Позвольте перейти к обсуждению следующей проблемы. После крушения коммунистических режимов в странах Восточной Европы в научной и публицистической печати как в регионе, так и в России был остро поставлен вопрос: что же принес советский солдат в 1944–1945 гг. в Восточную Европу? Было ли это освобождение от фашизма или новая оккупация? Долгие годы в официальной историографии стран советского блока такой вопрос вообще не возникал, хотя в кризисные периоды он иногда ставился; в западной же, особенно эмигрантской, литературе непременно присутствовал тезис о второй оккупации региона после окончания войны. В настоящее время и в историографии стран Восточной Европы, и в нашей литературе налицо стремление некоторых политических кругов "прописать" этот тезис в общественном сознании.

Когда появились подобного рода суждения? Применительно к региону они возникли еще в 1939–1940 гг., когда СССР, находясь в союзе с Германией, расширял свои географические границы за счет ряда государств региона. После нападения Германии на СССР их поддерживали политические партии и движения, например, в Польше, Румынии или Венгрии, для которых СССР и коммунизм оставались врагом № 1.

В момент освобождения и в первые послевоенные годы тезис о второй советской оккупации активно пытались внедрять в массовое сознание те, для кого возможность политического сотрудничества с СССР была или безнадежно утрачена, или неприемлема. После войны – это главным образом нелегальная военно-политическая оппозиция, например, в Польше. Что касается легальной оппозиции новой власти, то, как показывают документы российских архивов, она таким термином не пользовалась.

МУРАШКО Г.П. Что же давало и дает возможность сторонникам "оккупационной" точки зрения так ставить вопрос, трансформируя исторический факт освобождения от фашизма Красной Армией, восстановления государственности и новых границ ряда стран региона при прямом участии СССР? Причем речь здесь идет не о формальной стороне дела (Румыния, Венгрия, Болгария, как и частично Австрия, были под контролем советской оккупационной администрации, не говоря уже о Восточной Германии; в Югославии и Албании, с декабря 1945 г., в Чехословакии советских войск не было вовсе), а о сути всего этапа послевоенного развития.

НОСКОВА А.Ф. На мой взгляд, главное здесь – хронологическое наложение и объединение двух разных процессов – освобождение от фашистской оккупации, в одних случаях, и устранение союзных Германии правительств – в других, т.е. решение главной задачи антигитлеровской коалиции, и установление политических режимов, где преобладающей силой сразу или со временем стали компартии. Советский же Союз разными средствами, в том числе своим военным присутствием, способствовал приходу коммунистов к власти. Представляется, что это процессы разного порядка и применение понятия "оккупация" ко второму из этих процессов, определение роли СССР как оккупационной по меньшей мере спорно. При этом не только сбрасываются со счета аналогичная роль США в Западной Европе, но и те внутривнутриполитические обстоятельства в странах Восточной Европы, которые позволили коммунистам

закрепиться у власти. Развивать аргументацию здесь нет возможности, отошлю интересующихся к нашей книге "Народная демократия: миф или реальность?" (М., 1993).

Вместе с тем отрицать вмешательство советской стороны во внутривосточные процессы стран региона (включая Австрию и Финляндию) было бы научно недобросовестно. Но можно ли это вмешательство идентифицировать с понятием "оккупация"? Не точнее ли были бы иные определения – контроль, давление, патронат, несвобода политического выбора, ущемление национальной независимости, ограничение суверенитета во внутренней и внешней политике, отношения "старшего и младшего братьев". Над этим нужно думать и искать определения, адекватные сути процессов. Причем применительно к 1945–1948 гг. следует "разводить" страны по степени советского контроля и недоверия.

ВАСИЛЬЕВА Н.В. Неясность многих вопросов, особенно в отношении негативных сторон пребывания советских войск в этих странах в военные и первые послевоенные годы, подчас используется различными политическими силами для распространения антироссийских настроений среди населения. Следует признать, что, хотя отечественными учеными в последнее время немало сделано в исследовании данной проблемы, и это позволило отойти от упрощенной мифологизированной трактовки, до сих пор нет полной картины действий Красной Армии, которые именовались освободительной миссией в Европе, и объективной их оценки.

Возможно, пришло время вообще отказаться от мессианского подхода в оценках действий СССР в этот период. Назрела необходимость обсудить целесообразность сохранения в научном обороте самого термина "миссия" применительно ко всем сторонам действий Советского государства и его вооруженных сил на территории зарубежных стран в 1944–1945 гг. Думается, что термин "освободительная миссия" – не научное, а идеологизированное понятие, обозначающее освободительное предназначение первого в мире социалистического государства по отношению к народам других стран, выполнение им "интернационального долга".

Нельзя, конечно, исключать позитивного смысла в этом понятии, прежде всего в оказании помощи народам зарубежных стран в освобождении от фашизма. Не следует в то же время противопоставлять "особую" роль СССР и взаимопомощь других народов, боровшихся против фашизма, не отрицая вместе с тем решающего вклада войск Красной Армии в разгром вермахта и его союзников на советско-германском фронте.

Для того чтобы разобраться в данном феномене и дать оценку сущности и содержания военно-политических и других мероприятий Советского государства и функций Красной Армии на территории зарубежных стран в 1944–1945 гг., видимо, необходимо комплексное изучение всех сторон действий СССР в отношении зарубежных стран по военному, политико-дипломатическому, экономическому направлениям. Нужна их оценка и с точки зрения международного права. При выработке оценочных критериев, конечно, следует подходить дифференцированно к действиям СССР по отношению к странам – союзникам Германии и к оккупированным ею государствам.

Вступление Красной Армии на территорию зарубежных стран происходило в силу военной необходимости и с целью разгрома вооруженных сил фашистской Германии и ее союзников. Трудно представить себе, как развивались события, если бы Красная Армия, выйдя на свои границы приостановила операции против вермахта.

В контексте данной проблемы важен вопрос о соотношении военной целесообразности и политических целей советского руководства. Мы имеем в виду его стремление быстрее распространить свое влияние на страны Восточной Европы, не допустить закрепления там власти неугодных или враждебных СССР политических сил, а также решить военными средствами территориальные проблемы. Иными словами, для советских правящих кругов речь шла о создании "пояса безопасности" вдоль

западных и юго-западных границ СССР. Это была приоритетная цель. Нельзя исключить, что именно приоритет политических мотивов подчас приводил к значительным потерям во время наступательных операций советских войск. Например, известно, что возможности начала освобождения Польши и безостановочного выхода советских войск к Висле обсуждались в Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) 8 июля 1944 г. с участием представителей Крайовой Рады Народовой. Тогда же было решено, что первым городом, где развернет свою деятельность КРН, будет Люблин. Однако Г.К. Жуков в воспоминаниях писал, что тогда же он пытался убедить Сталина в целесообразности нанесения удара на восточно-прусском направлении, с тем чтобы отсечь немецкую группу армий "Север" и захватить Восточную Пруссию. Но Сталин по политическим соображениям хотел быстрее выхода советских войск на Вислу и отверг предложенный Жуковым план, не согласился усилить фронты на восточно-прусском направлении. По мнению Жукова, это было серьезной ошибкой, в последующем повлекшей за собой необходимость чрезвычайно сложной и кровопролитной Восточно-Прусской операции.

Важный аспект проблемы военной целесообразности действий советских войск в 1944–1945 гг. связан с исследованием отношения советского руководства к различным направлениям движения Сопротивления. Известно, что оно не было политически единым и состояло из тех сил, которые ориентировались либо на СССР, либо на западных союзников. Эта проблема нуждается в более глубоком и объективном освещении, особенно с учетом новейших архивных материалов, которые позволяют во многом конкретизировать позицию СССР. Взять хотя бы отношение советского руководства к польскому эмигрантскому правительству и АК. Уже ко времени вступления войск Красной Армии на польскую территорию позиция советского руководства в отношении и правительства, и АК была окончательно определена. Советская сторона не рассматривала возможность военно-политического сотрудничества с этими силами.

Что касается АК, то еще весной 1944 г. данная проблема довольно часто возникала в ходе дипломатических контактов СССР и западных союзников. Например, в письме посла Великобритании в СССР А. Керра В.М. Молотову от 24 марта 1944 г. британская сторона сообщила, что правительство Его Величества озабочено практическим решением вопроса о сотрудничестве между наступающей Красной Армией и польским подпольем, связанным с эмигрантским правительством. Английская сторона задавала вопрос, какие инструкции были даны на этот счет командованию Красной Армии. Хотя советское руководство ответило, что никаких инструкций дано не было, так как Красная Армия не встречала еще отряды АК, уже тогда советской стороной не предусматривалось равноправного военного сотрудничества с последней. Именно в этот день Ставка ВГК направила директиву командующему войсками 2-го Белорусского фронта о том, что совместные боевые действия с формированиями АК возможны только в случае их полного подчинения командованию Белорусского фронта. Если же соотнести эту директиву с военно-политическими указаниями, шедшими от польского эмигрантского правительства командованию АК (допускалось сотрудничество в боевых действиях против гитлеровцев и категорически запрещалось подчинение командованию Красной Армии или вступление в 1-ю польскую армию З. Берлинга), то становится понятной неизбежность конфликта, разразившегося уже в ходе освобождения польских территорий, между Красной Армией (и НКВД) и польским военно-политическим подпольем [36].

14 июля 1944 г. Ставка ВГК отдала директиву командующим фронтами о разоружении польских формирований, подчинявшихся эмигрантскому правительству, а в случае их сопротивления приказывалось применять военную силу. После вступления советских войск на польскую территорию директивой Ставки ВГК от 1 августа 1944 г. предписывалось офицерский состав отрядов АК интернировать, а рядовой и младший начсостав направлять в отдельный запасной батальон армии Берлинга.

НОСКОВА А.Ф. Эти распоряжения Ставки были воспроизведены 2 августа 1944 г. в инструкции представителю СССР при Польском комитете национального освобождения Н.А. Булганину, утвержденной в тот же день Совнаркомом [7. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 551. Л. 3–6].

С военной точки зрения некоторые вооруженные формирования АК могли бы оказать определенное содействие в ходе наступательных операций Красной Армии, хотя серьезно говорить о возможности самостоятельного решения ими задачи освобождения страны от гитлеровских оккупантов вряд ли имеет смысл и основания. Это показали не только участие отрядов АК в освобождении, например, Вильно, но и крупнейшая военно-политическая акция командования АК – Варшавское восстание.

ВАСИЛЬЕВА Н.В. Что касается восстания в Варшаве, поднятого 1 августа 1944 г., и оценок действий советской стороны и конкретно И.В. Сталина, то это сегодня, как известно, предмет ожесточенных научно-политических споров (см., например, [37]).

Доступные в настоящее время советские документы не свидетельствуют о преднамеренном приостановлении наступления Красной Армии во время восстания в Варшаве. Вместе с тем имеются точные сведения о том, что И.В. Сталин отказал западным союзникам в просьбе предоставить советские аэродромы для посадки самолетов, совершавших полеты на Варшаву в августе 1944 г. Остался без ответа и поставленный тогда Великобританией перед советским руководством вопрос о признании за АК статуса воюющей стороны. Общеизвестно крайне негативное отношение И.В. Сталина и В.М. Молотова к самому восстанию и его лидерам. Сегодня очевидно: ни советское руководство, ни польское эмигрантское правительство в силу недоверия друг к другу, приверженности разным идейным воззрениям, различным взглядам на послевоенную судьбу Польши, бескомпромиссной позиции в территориальных вопросах не искали путей к взаимному урегулированию отношений.

Много неясных моментов в связи с действиями СССР во время Словацкого национального восстания. Почему, например, Ставка ВГК накануне восстания 26 августа 1944 г. отдала директиву командующему 4-м Украинским фронтом отложить намеченную операцию по преодолению Восточных Карпат и перейти к жесткой обороне?

Именно несовпадение долгосрочных политических целей советского руководства и тех сил движения Сопротивления в восточноевропейских странах, которые ориентировались на Запад, влияло на ход наступательных операций Красной Армии. Это обстоятельство не позволило использовать все шансы для объединения военных усилий и совместных действий советских войск и сил Сопротивления в 1944–1945 гг., что, конечно, увеличивало потери и огромную цену, которую пришлось заплатить Красной Армии в борьбе за освобождение этих стран. По ныне уточненным данным, общие потери Красной Армии за рубежом составили около 4 млн человек. Итак, с точки зрения военных результатов действия советских войск, без сомнения, носили освободительный характер. Были разгромлены значительные силы вермахта. Болгария, Венгрия, Румыния выведены из войны на стороне фашистской Германии, в ряде этих стран пали прогерманские режимы. Были освобождены территории Польши, Чехословакии и восточные районы Югославии. Таков в общих чертах военный итог операций Красной Армии в восточноевропейских странах. Он соответствовал освободительным целям СССР в войне.

Более сложной и неоднозначной может быть оценка политического характера действий советских войск, если рассматривать их как орудие тоталитарного Советского государства. В определенном смысле был прав Черчилль, когда писал, что "коммунизм поднимает голову за победоносным русским фронтом". Но о 1944–1945 гг. вряд ли можно говорить как о периоде советизации стран Восточной Европы и установления в них доминирующего влияния СССР. Советское руководство проводило тогда гибкую политику и умело использовало благоприятные условия в каждой стране

для осуществления своих внешнеполитических целей – создания в регионе цепи дружественных СССР государств.

Конечно, можно привести множество примеров, когда политика СССР была далека от декларированных обещаний не вмешиваться во внутренние порядки в освобождаемых странах и не стремиться к изменению общественного строя. В странах – бывших союзниках Германии, линия поведения советских войск определялась соглашениями о перемирии и соответствующими постановлениями Государственного Комитета Обороны. В соответствии с нормами международного права советские войска в этих странах прибегли к оккупации. В Румынии – согласно Постановлению ГКО от 10 апреля 1944 г., а в Венгрии – от 27 октября 1944 г. руководство делом организации и контроля за осуществлением гражданского управления на всей освобожденной территории возлагалось на военные советы фронтов. При этом предписывалось сохранять все существующие органы власти, а мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками территории осуществлять через местное управление. В действительности все направления политической, культурной и экономической жизни в этих странах находились под наблюдением Союзных Контрольных комиссий (СКК), деятельность которых до окончания войны была исключительно в компетенции советской стороны, а непосредственный контроль на местах осуществлялся советскими военными комендатурами. Можно привести много примеров того, что в этих странах национальная администрация практически ничего не решала. Так, в докладной записке начальника политотдела одного из соединений 2-го Украинского фронта в ноябре 1944 г. указывалось, что "присланные румынским правительством администрация и полиция нами изгнаны и восстановлена та администрация и полиция, которые были назначены военным командованием". 16 декабря 1944 г. советский политсоветник правительства Венгрии Г.М. Пушкин рекомендовал венграм назначить председателем правительства вместо Сент Петри Белу Куна.

В отношении государств, оккупированных войсками вермахта и его союзников, действия СССР были иными. Советское руководство перед вступлением в эти страны Красной Армии стремилось подписать с представителями левых сил соглашения об отношениях между советским главнокомандующим и администрацией данной страны. Тем самым, как правило, еще до решения проблем с эмигрантскими правительствами (Югославия, Польша) в рамках антигитлеровской коалиции СССР фактически признавал законность лишь представительных органов левых сил. Так, соглашение о вступлении советских войск в Югославию было подписано с председателем Национального Комитета освобождения Югославии Й. Броз Тито в сентябре 1944 г. Эта задача была облегчена тем, что эмигрантское правительство Югославии было скомпрометировано в глазах союзников своей поддержкой четников Д. Михайловича. Аналогичное соглашение было подписано 26 июля 1944 г. с ПКНО, созданным незадолго до этого под контролем советского руководства в Москве. При непосредственной поддержке советской стороны ПКНО стал фактически единственным органом власти в Польше.

Руководство СССР использовало удобный момент, чтобы распространить советскую систему и путем прямых территориальных присоединений. Подписав с правительством Чехословакии 8 мая 1944 г. соглашение об отношениях между советским главнокомандованием и администрацией страны, оно в ноябре того же года после вступления Красной Армии в восточные районы довоенной Чехословакии (Подкарпатская Русь) нарушило пункт данного соглашения о постепенной передаче освобожденной территории чехословацкой администрации. Без соответствующего соглашения с чехословацким правительством был проведен "съезд" представителей народных комитетов края, принявший решение о его воссоединении с территорией УССР под названием Закарпатской Украины.

Эти и подобного рода стороны деятельности советского политического и военного руководства вряд ли можно считать соблюдением прав народов на государственный

суверенитет и национальную независимость. Речь при соблюдении этих прав должна была идти о невмешательстве СССР во внутреннюю жизнь стран, освобожденных Красной Армией от фашизма.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Хотела бы поддержать тезис о том, что советские войска находились на территории стран бывших сателлитов Германии, в частности, в Румынии, в полном соответствии с нормами международного права, соглашениями союзников, с документами о перемирии и мирным договором 1947 г. И все-таки специфические условия выхода Румынии из войны (государственный переворот 23 августа 1944 г. с участием таких политических антиподов, как король и коммунисты) во многом определили режим пребывания здесь советских войск. Наблюдатель событий – бухарестский корреспондент журнала "Тайм" П. Кнаут констатировал несомненные и искренние "просоюзнические настроения в Румынии", изменение отношения румын к СССР "от плохого к лучшему, затем к худшему" [7. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 7. Л. 2]. Установление командованием Красной Армии в Бухаресте военного положения, советские патрули на улицах, стрельба ночью "даже по теням" – это были те знаки войны и поражения, которые, естественно, не могли вызвать удовлетворение населения еще недавно мирного города. Корреспондент, на наш взгляд, нашел убедительные объяснения действий советского командования – экономические трудности, разруха хозяйства, дезорганизация транспорта и иных коммунальных служб, продовольственный, топливный, жилищный кризис, помноженные на глубокое социальное неравенство населения. К этому следует добавить военно-оперативные потребности действующей армии и военно-политические интересы СССР в побежденной Румынии. Да, следует признать, что первые послевоенные месяцы и годы были тяжелым периодом в жизни румынского общества, переживавшего драму поражения в войне, присутствия армии-победительницы и тотального контроля союзниками в лице представителей СССР над всей общественной, в первую очередь политической, жизнью.

Следует также признать и то, что действия советских солдат и офицеров не всегда соответствовали нормам и этике поведения военнослужащих, тем более страны, ведшей борьбу с фашизмом под высочайшими общечеловеческими лозунгами. Были факты грабежей, мародерства, насилия, диктата и неуважения национальных обычаев и традиций. Но можно ли эти весьма негативно оценивавшиеся советской стороной и тогда, и много позже отклонения от норм рассматривать в качестве основного критерия при ответе на вопрос, кто же пришел в Румынию, освободители или оккупанты, навязавшие свой общественный порядок? Документы российских архивов, в особенности материалы советских военных комендатур, содержат сотни и тысячи свидетельств обратного, т.е. характеризующих поведение советских солдат и офицеров Красной Армии в высшей степени положительно.

Значительно важнее сегодня понять, почему советскому руководству в конечном счете удалось удержать Румынию в сфере интересов своей безопасности, почему коммунизм, "не имевший достаточной почвы в Румынии", был все-таки принят румынским обществом почти на полвека.

Здесь мы выходим на проблему массовой базы румынской компартии и роли СССР при утверждении этой партии у власти. Не секрет, что антикоммунистические и антисоветские настроения были в Румынии достаточно распространенными. Но фактом является и другое: леворадикальные силы, представленные в первую очередь коммунистами, которые предлагали скорое решение жизненно важных проблем в условиях послевоенной разрухи, стремительно наращивали свое влияние в стране, обрели массовую базу и некий минимум доверия. Компартия за два-три года выросла в десятки раз. Вместе с тем следует признать, что этого было бы недостаточно для ее "триумфального шествия" к власти и абсолютной победы на выборах. Присутствие советской армии позволяло компартии "чувствовать себя крепче", сыграло для коммунистов, по образному выражению того же П. Кнаута, роль "бича в правительстве, так как в любой момент они способны заклеить его (правительство. – Т.П.) как реак-

ционное, лишая своей поддержки" [7. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 7. Л. 3], а значит и доверия СССР, добавим мы.

Ход событий в 1944–1947 гг. показал, что утверждение коммунистического режима в Румынии произошло при участии и силовом нажиме советской военной администрации, но при массовом коллаборационизме румынских политиков некоммунистической ориентации и поддержке наиболее обездоленной части румынского общества.

ЕРЕЩЕНКО М.Д. О трагедиях, разыгрывавшихся в странах-сателлитах при вступлении Красной Армии, о страданиях гражданского населения существует немало свидетельств и документов (в том числе связанных с наказаниями советских солдат и офицеров органами военной прокуратуры при фронтах). Есть подтверждения, сделанные самими русскими (например, Лев Копелев, бывший старшим инструктором при Политуправлении 2-го Белорусского фронта, описал деятельность политработников среди солдат и гражданского населения в книге "Хранить вечно". Более образно настроения и действия победителей-освободителей изображены в поэме А. Солженицына "Восточно-пруссские ночи"). Нет сомнения, что преобладающими настроениями в армии, оказавшейся после трех лет войны и крови, после разрушенных советских городов и выжженных деревень пусть в бедной, но сытой Румынии с ее праздной публикой в Бухаресте и других крупных городах, естественно, были эмоциональные всплески: "Не забудем! Не простим! Кровь за кровь!"

Что до сих пор помнит старшее поколение румын из общения с солдатами Красной Армии? "Давай часы!", – это из требования солдат. "Давай ковер!" (или машину, сервизы и пр., и пр.) – это из требований офицеров, согласно иерархии [38]. А одним из первых требований советской военной администрации после заключения Соглашения о перемирии в сентябре 1944 г., когда Румыния уже выступала союзницей стран антигитлеровской коалиции, были ультимативно предъявленные условия депортации немцев румынского происхождения, создания концлагерей для них в стране, а затем вывоз немцев и "румын-коллаборантов" целыми эшелонами на стройки социализма в СССР³. Это поведение освободителей или оккупантов?

Думается, советский солдат вступил в Румынию в конце марта 1944 г. освободителем; за освобождение страны от фашизма отдали жизнь около 160 тыс. человек. Но те, кто диктовал свои условия королю о смене правительства в марте 1945 г., проводил депортацию населения, требовал цензуры и в конечном счете отстранения короля в декабре 1947 г., – были уже проводниками режима оккупации, примеряя "сталинский сапог" к освобожденной Румынии.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А. Не могу согласиться с М.Д. Ерещенко. Ознакомившись с рядом фондов в нескольких российских архивах, которые содержат материалы, касающиеся выхода Румынии из войны и первых послевоенных лет, включая и донесения по линии НКВД, я ни разу не встретила констатации такого факта, как преобладание среди красноармейцев чувства мести к румынскому народу. Наверное, среди них были и те, у кого румыны сожгли дом или расстреляли близких где-нибудь под Одессой или Сталинградом и которые готовы были мстить. Но смею утверждать, что не мародеры, насильники и мстители определили в целом линию поведения советских солдат, не они выражали государственную политику СССР. Советские солдаты оказывали самую различную помощь румынскому населению, которое встречало Красную Армию как освободительницу. Здесь и помощь крестьянам в уборке урожая, затем в посевной компании весной 1945 г., и снабжение продовольствием жителей городов, и борьба советских медиков с эпидемиями, в особенности с нередкими тогда венерическими заболеваниями, и действия подразделений НКВД по наведению элементарного порядка на улицах и пресечению банди-

³ По данным НКВД, к началу сентября 1945 г. были депортированы 69 332 человека, из них мужчин – 36 590 человек, женщин – 32 742 [39].

тизма. Обо всем этом свидетельствует масса документов, хранящихся в ЦАМО в Подольске.

Красную Армию встречали в Бухаресте цветами. И это исторический факт. К сожалению, сегодня и в нашей стране, и в Румынии находятся "исследователи", которые хотят представить солдат этой армии прежде всего и главным образом как мародеров. Ссылка при этом на память "старшего поколения" здесь неубедительна. Ведь именно это поколение возводило в Румынии после войны памятники нашим воинам. Позволю себе оспорить и тезис о "сытой Румынии с ее праздною публикой в Бухаресте". Документы четко показывают: у политической элиты были растерянность, тревога, поиск выхода из тупика, в который привело страну участие в войне против СССР, боязнь ответственности за содеянное на советской территории; у обездоленной части общества – эйфория, надежда на быстрое улучшение ситуации в стране. Это последнее и позволило коммунистам достаточно быстро расширить и укрепить свое влияние [7. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 7. Л. 2].

У меня вызывают сомнение и уместность ссылки на Л. Копелева, ибо 2-й Белорусский фронт действовал на территории Восточной Пруссии, и трактовка М.Д. Ерещенко такой сложной проблемы, как выселение немецкого населения из Румынии. Его депортация (и не только из Румынии) проводилась на основе совместного решения глав "большой тройки", а не по требованию советской военной администрации. Кроме того, положение на этот счет содержала статья 2^а Приложения к Соглашению по перемирию с Румынией, подписанному не только СССР, но и США и Великобританией. Осуществлялась же депортация практически уже румынской администрацией.

ВОЛОКИТИНА Т.В. Я бы хотела поддержать Т.А. Покивайлову в главном, с моей точки зрения, вопросе: крайне важно строить выводы на документальной основе, тем более берясь за решение политически важных проблем. А теперь выскажу некоторые гипотетические соображения. Армия является гарантом и олицетворением государственного суверенитета и национальной независимости любой страны. Ознакомление с материалами за 1943–1945 гг. позволяет утверждать, что советская сторона в высшей степени ответственно подходила к созданию на территории СССР военных частей, дивизий, корпусов и даже армий ряда стран Восточной Европы – Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии. Вопрос о практических мероприятиях по формированию этих подразделений прорабатывался с особой тщательностью, вплоть до деталей, и на самом высоком уровне. К сожалению, исследователю пока недоступны документы, отвечающие в полной мере на вопрос о мотивах их создания. Думается, что сразу же можно поставить под сомнение военно-оперативную заинтересованность в них СССР, располагавшего в 1943–1944 гг. стратегической инициативой на советско-германском фронте. Но вряд ли можно исключить из этих мотивов политические, в том числе стремление советской стороны усилить освободительный характер действий Красной Армии в странах региона. Несомненно, имел место и далеко идущий стратегический расчет, связанный с перспективой установления дружественных СССР режимов при участии собственных, национальных воинских формирований. Эти формирования и в плане создания благоприятного политико-психологического климата на территориях, занимаемых Красной Армией, не могли не играть важной роли.

ПУШКАШ А.И. Нетрудно заметить, что нередко одно и то же явление в истории, один и тот же факт в зависимости от политической и прежде всего классовой позиции квалифицируется совершенно противоположными определениями, что по сути дела является нонсенсом, даже абсурдом. Между прочим, конкретное положение того или иного субъекта определено международным правом. Как трактуется в научной литературе понятие "оккупация"? Обычно речь идет о военной оккупации. В международном праве под ней понимают временное занятие вооруженными силами одного

государства территории другого государства (или ее части) и установление на ней власти военной администрации. Всякое иное толкование – есть политическая спекуляция. Нужно добавить, военная оккупация может быть правомерной или неправомерной, однако в любом случае она не влечет передачи суверенитета над оккупируемой территорией оккупирующему государству. Последнее означало бы уже не оккупацию, а аннексию.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, куда вступили советские войска, изгоняя гитлеровские армии, почти везде гражданская власть передавалась в руки образовавшихся временных правительств. Так было в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Болгарии. Но если борьба за Югославию, Польшу, Чехословакию велась как за освобождение союзников по антигитлеровской коалиции и носила ярко выраженный освободительный характер, то применительно к Румынии, Венгрии, Германии на определенном этапе, до тех пор, пока эти страны не были тем или иным способом выведены из войны, шла борьба за уничтожение гитлеровской коалиции. Тем и объясняется, например, такая политико-семантическая деталь в названиях наград, как медаль "За освобождение Праги", но медаль "За взятие Будапешта".

Военный режим, т.е. собственно оккупационный, в данном регионе был временно установлен советской стороной только в Северной Трансильвании и затем в Восточной Германии. Во всех других государствах в текстах перемирий с ними оговаривались условия нахождения Красной Армии на их территории, и затем они были уточнены в Парижских мирных договорах 1947 г.

В международном праве существуют специальные нормы, относящиеся к режиму военной оккупации, который определяется 4-й Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны от 1949 г. (конвенция о защите жертв войны), а также Дополнительными протоколами к ним 1977 г. Согласно этим нормам, оккупирующая держава должна принять все необходимые меры к обеспечению на занятой территории общественного порядка и нормальной жизни, уважая законы и обычаи страны, на территорию которой входят чужие войска. В частности, военная администрация обязана уважать права человека на оккупированной территории, не принуждать ее население к присяге на верность новой власти (и даче иных сведений).

Державе-победительнице воспрещается депортировать гражданское население в свои пределы или на территорию любого другого государства. Запрещено также перемещать собственное население на оккупированную территорию и создавать там какие бы то ни было поселения. Установление режима военной оккупации государством-агрессором не лишает подпавшее под его власть население права продолжать вооруженную борьбу против захватчиков.

Нарушение правовых норм, касающихся режима военной оккупации, является международным преступлением, а лица, несущие за них ответственность, рассматриваются как военные преступники. Именно это было основным в обвинении руководителей не только Германии, но и других стран гитлеровской коалиции, понесших наказание как на основе решений Нюрнбергского процесса, так и народных судов над военными преступниками в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в других частях мира.

ЖЕЛИЦКИ Б.Й. Упомянутые А.И. Пушкашем международные акты – весьма существенные ориентиры при подходе к столь сложной и деликатной проблеме, как та, которую мы теперь обсуждаем. Но необходимо уточнить, что из трех названных документов два были приняты уже *post factum*, т.е. после 1944–1945 гг., и вряд ли в нашем случае на них уместно ссылаться. Действия союзных войск (речь в данном случае идет о советских войсках) в Румынии, Болгарии и Венгрии определились в первую очередь иными международными актами – решениями глав великих держав, соглашениями о перемирии, наконец, мирными договорами 1947 г.

Позвольте напомнить, как "работали" эти документы в Венгрии, как соотносились

они с реальными событиями в этой стране. Развернувшиеся на востоке и юге Венгрии боевые действия Красной Армии воспринимались ее населением прежде всего как неизбежные меры по очищению страны от гитлеровских оккупантов. В то же время эти действия вызывали опасения, страх и беспокойство. Желая избавиться от тягот войны, люди ожидали ее конца, и в этом плане приход Красной Армии для большинства народа объективно означал освобождение от гитлеровцев. Командование Красной Армии в специальном воззвании заверяло венгров, что последняя вступает на венгерскую землю "не как завоевательница, а как освободительница народа от немецко-фашистского ига". Оно подчеркивало, что не преследует иных целей, кроме разгрома гитлеровских войск, что не намерено ломать местные порядки и устанавливать свой режим, гарантировало неприкосновенность собственности. Эти заверения были призваны снять беспокойство, предотвратить массовое бегство жителей на Запад, показать, что советские войска вступили на венгерскую землю не с целью захвата, а освобождения. В какой-то мере это успокаивало население, которое все-таки познано воспринимало появление советских войск в стране.

Вместе с тем реальная практика далеко не всегда соответствовала этим заверениям и обещаниям. В восточных, уже освобожденных в 1944 г. районах имели место действия, которые прямо противоречили им. Был проведен сбор оставшегося дома мужского населения 15–55-летнего возраста, якобы для осуществления "трехдневных" восстановительных работ. На деле это означало депортацию в лагеря и отправку в СССР до 60 тыс. мужчин из гражданского населения, большинство из которых никогда уже не вернулось домой. Весть о насильственной депортации, естественно, проникла через линию фронта и была соответствующим образом использована гитлеровской пропагандой: венгры, остающиеся в "зоне у красных", выселяются в Сибирь. Характерно, что в результате этого около половины населения таких крупных городов, как Сегед, Дебрецен и Ниредьхаза, перед приходом Красной Армии покинуло родные места и эвакуировалось в центральные и западные районы страны.

Перелом в лучшую сторону произошел позже, когда была прекращена дальнейшая депортация и политорганы Красной Армии провели с помощью венгерских политэмигрантов соответствующую пропагандистскую работу. Изменению настроений способствовали также такие события, как выступление регента М. Хорти по радио 15 октября 1944 г., в котором говорилось о подписанном в Москве Соглашении о перемирии и выходе Венгрии из войны, а также образование нового демократического венгерского правительства в Дебрецене. Не менее значительным событием явилось взятие Красной Армией Будапешта 13 февраля 1945 г. Вместе с советскими солдатами в освобождении столицы от гитлеровских оккупантов участвовали и венгры, в частности, перешедший на сторону наступающих Будапештский добровольческий полк. Все это подтверждало освободительный характер боевых действий, и население Будапешта после 108 дней изнурительной блокады с большим облегчением встретило освобождение города.

После изгнания немцев из Венгрии сразу же стали предприниматься усилия по преодолению разрухи. Однако одновременно начался демонтаж фабричного оборудования, которое вывозилось в СССР (на основании Соглашения о перемирии демонтажу подлежала только германская собственность, но на практике это не учитывалось). Характерны в этом отношении слова М. Ракоши, который жаловался в ЦК ВКП(б) Г. Димитрову: "Положение настолько тяжелое, что я хочу обратиться к товарищу Сталину... Оно затрудняется еще тем, что фабрики демонтируются и вывозятся в Советский Союз. Каждый день ко мне приходят рабочие делегации, которые, ссылаясь на то, что они месяцами хорошо работали для Красной Армии, просят оставить по крайней мере часть фабричного оборудования, чтобы иметь возможность продолжать работу" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 784. Л. 173–174]. Лидер венгерских коммунистов опасался того, что подобные методы повредят престижу компартии и помогут гитлеровцам сформировать в массах отрицательную оценку факта освобождения страны.

И в донесениях советских военных аналитиков из ГлавПУРКА высказывались

опасения в связи с меняющимся в худшую сторону настроением населения под влиянием подобных акций, включая "ошибочное выселение и аресты венгров, носящих немецкие фамилии". В одном из таких донесений отмечалось также, что в перемене настроения венгров немалую роль сыграли "неизжитые факты самоуправства, мародерства и насилия со стороны советских военнослужащих". При этом подчеркивалось, что венгерское население все же "ведет себя лояльно, что объясняется осознанием своего бессилия" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 37. Л. 15].

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. В Венгрии действовала Союзная Контрольная комиссия во главе с маршалом К.Е. Ворошиловым, которая нередко диктовала свою волю, грубо вмешивалась в политическую жизнь страны. Кроме того, хотя с подписанием мирного договора в 1947 г. функции СКК прекратились, на территории Венгрии остались воинские соединения СССР, которые после вывода советских частей из Австрии в 1955 г. существенно увеличились. Как известно, все они были выведены из страны только после 1989 г. Это 45-летнее пребывание 65-тысячной группировки советских войск на территории Венгрии воспринималось ее населением как продолжение оккупации.

Все это имеет непосредственное отношение к ответу на вопрос, была в 1945 г. Венгрия освобождена или оккупирована, а точнее: после гитлеровской оккупации (с марта 1944 г.) пришло ли с Красной Армией освобождение страны или началась новая оккупация?

Имеют тут значение и соответствующие политические акты, обстоятельства официального оформления процесса освобождения. В их ряду распоряжение первого послевоенного правительства Венгрии за № 1390 от 1945 г., в силу которого произвольно, без какой-либо мотивировки, 4 апреля было провозглашено праздником освобождения. Это, разумеется, не вызвало тогда возражений. Ведь для широких масс действительно пришло избавление от страха, тягот военного времени. Для демократических партий и их лидеров изгнание нацистов и их приспешников нилашистов означало избавление от преследований. Либеральные буржуазные партии также перестали быть вне закона, что имело место в период оккупации; консерваторы, открыто выражавшие неприятие фашизма и настроенные антигитлеровски, наконец, освободились от необходимости скрываться от гестапо так же, как и коммунисты.

Тем не менее официальный праздник 4 апреля не сразу был одинаково всеми принят. Добавим, что в 1950 г., после ликвидации демократической многопартийности этот день указом Верховного Совета за № 10 провозгласили "самым большим национальным праздником, днем венгерского освобождения и нерушимой советско-венгерской дружбы". И в таком качестве он отмечался вплоть до конца 80-х годов.

По мнению нынешнего молодого поколения, возведение 4 апреля 1945 г. в ранг самого большого и к тому же национального праздника означало "вассальное раболепие и приверженность Советскому Союзу". Сегодня, конечно, отдается дань солдатам, павшим за свободу Венгрии, но считается, что за освобождением состоялась новая оккупация страны – оставались и прибывали новые воинские части (а в 1956 г. целые армии), в стране был насажден тоталитарный режим советского образца, от которого она избавилась лишь в конце 80-х годов. Как писала одна из газет, в апреле 1944 г. в Венгрию была привнесена "не свобода, а диктатура, освободители быстро превратились в оккупантов и под маркой социализма пытались навязать кровавую колониальную систему". Считается, что все эти факторы позволяют говорить только "о мнимом историческом и политическом освобождении" Венгрии в 1944–1945 гг. [40].

Нет сомнений, что Венгрия, как страна, оказавшаяся в войне на стороне Германии, подлежала оккупации. Однако в соответствии с международными правовыми нормами эта оккупация не должна была быть постоянной, затянувшейся почти на полвека и десятилетиями ущемлявшей суверенитет страны.

ЗУДИНОВ Ю.Ф. Какова была роль СССР, Красной Армии в отношении Болгарии в 1944 г.? Ведь положение этой страны было весьма специфическим.

ВАЛЕВА Е.Л. Действительно, Болгария была союзницей и сателлитом гитлеровской Германии, но в войне против СССР ее армия участия не принимала, не была она и оккупирована нацистами. К моменту вступления на болгарскую территорию частей Красной Армии немецких войск там уже не было. Само же болгарское правительство не представляется возможным рассматривать в качестве фашистского. Образование 30 августа 1944 г. кабинета К. Муравиева можно квалифицировать как попытку разрешения внутривластного кризиса в соответствии с планами буржуазно-либеральной оппозиции режиму, дискредитированному сотрудничеством с Германией. Правительство К. Муравиева, главная роль в котором отводилась БЗНС, было буржуазно-демократическим. Так что "освободить" болгарский народ было, собственно говоря, не от кого.

МУРАШКО Г.П. Вступление Красной Армии в Болгарию, конечно же, было мотивировано важнейшими военно-оперативными и политическими задачами антигитлеровской коалиции. Не случайно вопрос о Болгарии обсуждался на встречах лидеров "большой тройки" с той же тщательностью, что и будущее других сателлитов Германии – Италии, Финляндии, Венгрии, Румынии. Советские войска, однако, вступали на территорию союзника (пусть, как оказалось на поверку, ненадежного) гитлеровской Германии, участника фашистской коалиции. Вспомним и оккупацию югославской Македонии и то, что "разрешение, – по словам Е.Л. Валева, – политического кризиса в стране" есть не что иное, как попытка отмежеваться от Германии, хотя бы в последнюю минуту. Так что тезис "освободить было не от кого", думаю, малоубедителен и исторически недостоверен, хотя, конечно, действия СКК в Болгарии существенно отличались от методов работы советской военной администрации в Венгрии, где дополнительные "краски" к этой работе давали довольно распространенные в Венгрии антисоветские настроения, особенно в деревне.

ВАЛЕВА Е.Л. Нет сомнения, что, вступая на территорию Болгарии, советские войска выполняли свою главную задачу – дальнейшее преследование гитлеровских войск. В реплике Г.П. Мурашко, на мой взгляд, не содержится аргументов, опровергающих мою точку зрения.

НОСКОВА А.Ф. Хотелось бы еще раз остановиться на проблеме поведения советских военнослужащих и отношения к Красной Армии в странах Восточной Европы. Вопрос этот сложный и плохо изученный. В массовом сознании и в нашей науке действуют некие стереотипы: в Болгарии – отношение было хорошим, в Польше – плохим. Сегодня с уверенностью можно говорить как о множественности этих настроений и оттенков в них в каждой конкретной стране, так и о существенных различиях в положении дел в бывших оккупированных Германией государствах (Чехословакия, Польша, Югославия) и бывших странах-сателлитах. В этих последних особый отпечаток на отношение населения к Красной Армии и СССР накладывала переживаемая трагедия национальной катастрофы, ущемленное поражение в войне чувство национального достоинства. Но и такую группировку стран нельзя абсолютизировать: участие Болгарии в фашистской коалиции не поколебало традиционных симпатий рядовых болгар к России, а среди поляков, спасенных Красной Армией от физического уничтожения, в значительной мере сохранялись устойчивые антисоветские настроения.

Вместе с тем историческим фактом является массовый энтузиазм, с которым встречали Красную Армию почти во всех странах Восточной Европы в 1944–1945 гг. В той же Польше сотрудники НКВД СССР отмечали, сколь искренне радостными были приветствия советских солдат жителями Варшавы и Лодзи (например, [36]). 5 мая 1945 г. М. Ракоши писал в ЦК ВКП(б) Г. Димитрову о праздновании 2 мая в Венгрии, где, как известно, также был достаточно высоким "порог антисоветизма": "Характерно, что без какого-либо указания свыше русские госпитали были буквально засыпаны

сотнями букетов цветов, коробками с папиросами и продовольственными посылками... Настроение было радостное и праздничное... Всюду, где появлялись представители Красной Армии, их встречали очень тепло" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 784. Л. 167].

Но было бы профессионально недобросовестным на этом ставить точку, ибо действительно имели место факты недостойного и противоправного поведения советских солдат и представителей военной администрации, что усложняло ситуацию, особенно в таких странах, как Польша или Венгрия, где антисоветские настроения были значительными, но не всеобщими. Приведем примеры опять же из венгерской истории. 7 января 1945 г. И. Реваи, один из лидеров компартии Венгрии, писал находившемуся в Москве М. Ракоши: «...Если Красная Армия будет и впредь продолжать уничтожение скота, то наступит голод... что касается отправки (в СССР согласно решению "большой тройки". – А.Н.) трудоспособного населения... снова имели место перегибы, которые привели к панике и среди венгров... говорят, что это то же самое, что сделал Гитлер с евреями» [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 52–53].

Особо острую реакцию населения Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии вызывали демонтаж специальными советскими трофейными командами промышленного оборудования и вывоз его в СССР. Хотя и это делалось, как правило, в соответствии с согласованными решениями союзников, реакция населения была столь негативной, что дело доходило до забастовок рабочих, например, в Польше, Венгрии и Румынии, и серьезно осложняло положение коммунистов.

Резко отрицательной была реакция населения стран Восточной Европы на реквизиции продовольствия в пользу Красной Армии. Например, 7 апреля 1946 г. 7-е Управление ГлавПУРККА сделало такой вывод: "В случае военных действий на территории Венгрии Красная Армия в промышленных районах страны найдет поддержку рабочего класса, находящегося под влиянием компартии и социал-демократов, в сельских же местностях Красная Армия должна будет действовать во враждебной стране, так как большая часть венгерского крестьянства... враждебно настроена к Красной Армии и Советскому Союзу" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 914. Л. 205]. Естественное возмущение мирного населения вызывали мелкие и крупные бытовые преступления советских военнослужащих. Все это не могло не оказывать негативного воздействия на политико-психологическую атмосферу в странах пребывания частей Красной Армии.

ВОЛОКИТИНА Т.В. Как показывают материалы комендатур, советское командование принимало строжайшие меры наказания за превышение полномочий, мародерство, хулиганство. Архивные документы свидетельствуют и о том, что проблема эта обсуждалась на самом "верху", в Кремле. Например, в конце марта 1945 г. ее поставила чехословацкая правительственная делегация (Э. Бенеш, К. Готвальд и др.) в ходе доверительной беседы со Сталиным и получила извинение последнего: "Красная Армия в своем победном наступлении допускает иногда излишние перегибы. Прошу Вас простить и не держать зла. Я прошу Вас извинить за то, что на Вашей территории дело может дойти до некоторых непристойностей. Психология воина Красной Армии объясняет это. Этот воин прошел от Сталинграда до Германии и сейчас ощущает себя на вершине своей победной славы. Каждый из них считает себя героем и полагает, что ему как герою все позволено и все будет прощено" [41. Т. 100/24. BR. 172. А. j. 1534]. И тем не менее, хотя имели место факты нападения, избиения и даже уничтожения советских военнослужащих, например, в Польше, Румынии, Венгрии, по поводу чего в Москву шла информация по линии НКВД и НКВД, массового движения за вывоз советских войск, с чем некоторые политики Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии связывали расчеты на поворот во внутриполитическом развитии, не возникло. И это вовсе не было случайным, ибо с пребыванием Красной Армии ассоциировались, по крайней мере среди либерально ориентированных слоев и неимущей части общества, идеи разгрома нацизма и послевоенного мирного и безопасного развития.

НОСКОВА А.Ф. Именно об этом шла речь в уже упоминавшейся доверительной беседе И.В. Сталина и чехословацкой делегации во главе с Э. Бенешем. Тогда советский лидер так изложил свое видение будущего Восточной Европы, точнее – славянских стран этого региона: "Славянские народы всегда были жертвой германской экспансии и вообще несли тяжесть европейских войн... И в этой войне Франция, когда на нее пошли немцы, сложила оружие. Англичане остались на своих островах... Наибольшие потери имели мы, мы – русские, поляки, чехи, югославы. Только болгары хотели вылезти сухими из воды. Поэтому мы, славяне, должны объединиться против германской опасности. И если я говорю объединиться, это значит создать прочный союз самостоятельных, независимых, славянских государств, связанных договорами в целях защиты общей свободы.

Нам неважно, какой режим выберут отдельные славянские народы. Мы хотели только, чтобы это были режимы демократические, а в остальном мы тому препятствовать не будем. И если это будут режимы плохие сами за это заплатите" [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 914. Л. 10].

И.В. Сталин развивал эту тему, искусно увязывая германскую опасность и необходимость новой системы союзов с ориентацией на СССР. "Мы немцев в этой войне разобьем, а что будет дальше, мы не знаем. Возможно, что наши западные союзники, как и после прошлой войны, будут в каком-то виде опять помогать Германии... Мы должны считаться с тем, что немцы поднимутся и будут желать развязать новую войну против нас. Поэтому славянские государства должны быть сильными и должны готовиться к этой войне". Э. Бенеш поддержал "славянскую концепцию" Сталина. "Значит, мы пойдем рука об руку", – подвел черту советский лидер [5. Ф. 17. Оп. 128. Д. 914. Л. 10].

КОСТЮШКО И.И. Исследования в области исторической науки обычно основываются на опубликованных данных и архивных источниках. При этом сведения, содержащиеся в этих источниках, часто принимаются и воспроизводятся безоговорочно как отражающие реальное состояние. Однако хорошо известно, что любой документ или материал всегда заключает в себе субъективное отношение автора, которое определяется в одних случаях степенью знания, в других – предназначением. Поэтому использование источника предполагает глубокий и всесторонний анализ его данных, позволяющий установить их достоверность, сомнительность или фальсификацию. К сожалению, источниковедческая работа над документами в особенности послеоктябрьского времени далеко не соответствует требованиям научного исследования.

ВОЛОКИТИНА Т.В. И.И. Костюшко абсолютно прав в своем беспокойстве за умение наших историков работать с документами эпохи социализма в первую очередь. Но, думается, следует учитывать объективную сторону дела: десятилетиями нас отлучали от этих документов, наглухо захлопнув двери отечественных архивохранилищ. И сегодня, когда архивы приоткрылись, конечно, не избежать порой только эмоционального восприятия, порой недостатка профессиональных качеств, включая и некритическое отношение к некоторым материалам, порой предвзятости и откровенного стремления "подогнать" документы под заранее сконструированную схему. Мне приходилось, например, сталкиваться с такими "аргументами" коллег: "Сталин, Готвальд и Тито так говорили, но они так не думали!" или "Важна концепция, а не факты".

Что касается вышеупомянутой беседы И.В. Сталина, то с позиций сегодняшнего дня, наших современных знаний, понимания и оценок пройденного исторического этапа советский лидер может восприниматься как великий мистификатор. Но задумаемся. Что-то из высказанного тогда Сталиным вскоре стало реальностью. Например, план Маршалла, экономическое и политическое возрождение Германии, германского реваншизма, германской опасности, как она выглядела и воспринималась в 40–50-е годы, породив массовое движение сторонников мира. Уже в 1945 г. реальностью стал и союз

славянских государств (СССР, Чехословакия, Польша, Югославия), позднее скрепленный и идеологической общностью.

Не оправдался прогноз относительно установления демократических режимов в странах региона. Заметим, что тогда, в 1945 г., демократия толковалась не менее широко, чем ее антипод – фашизм, а тоталитарное государство – СССР, противостояло фашистской Германии вместе с западными демократиями, естественно вписавшись в антигитлеровскую коалицию. Так что и в этом случае Сталин вряд ли лукавил, ощущая себя носителем советской демократии. В той же беседе, кстати, он заявил еще и об отказе от "большевизации Европы", которую сам столько лет провозглашал. Но, опять же в 1945 г., на вооружении коммунистов была концепция национального пути к социализму, в основе которой лежала идея социальных компромиссов, а не социальной конфронтации, как у большевиков в СССР. Это факт истории, подтверждающийся огромным количеством архивных документов.

Сталин здесь выступает как политик-прагматик. Даже если учесть, что беседа состоялась 28 марта, в тот день, когда в Польше органами НКВД было обманным путем арестовано руководство военно-политического антисоветского и антиправительственного подполья, то и это не дает оснований для уличения Сталина в откровенной лжи насчет демократии.

Не хочу, чтобы меня поняли таким образом, что я защищаю или оправдываю Сталина. Отнюдь! Но считаю, что историзм должен остаться принципом исследовательской работы и в условиях смены политической конъюнктуры.

СЕРАПИОНОВА Е.П. Хотела бы на чехословацком материале развить затронутый в ряде выступлений вопрос о создании системы безопасности в Восточной Европе. Известно, что проекты послевоенной европейской реконструкции занимали умы политиков и оставались в центре внимания мировой прессы на протяжении всех лет войны. Вопрос о том, как обезопасить мир от новой войны, обеспечить надежный противовес фашизму, реваншизму, с одной стороны, и распространению коммунизма – с другой, серьезно волновал западных политических лидеров. Межвоенный опыт убеждал их в том, что созданная после первой мировой войны Версальская система оказалась непрочной, небольшие государства Центральной и Юго-Восточной Европы не смогли противостоять экспансии германского рейха. На первом этапе войны весьма распространенной стала идея нежизнеспособности малых стран. Исходя из этой посылки, британский Форин Офис разрабатывал проекты послевоенной объединенной Европы. Сама идея объединения Центральной Европы не была нова. Планы Срединной Европы были обнародованы немецкой дипломатией еще в годы первой мировой войны. Более того, эта идея имела сторонников и в самих малых странах. Парадоксально, но факт, что даже первый президент ЧСР Т.Г. Масарик еще в 30-е годы высказывался за объединение Австрии, Чехословакии и Венгрии (см.: [42]).

Во время войны на Западе широко обсуждались планы создания Центральноевропейской федерации. Предполагалось, что первым этапом ее формирования станут двусторонние объединения государств, в начале хотя бы в форме конфедераций. Чехословакия занимала в этих планах одно из ведущих мест. Образованный первоначально во Франции, а затем перебравшийся в Лондон Чехословацкий национальный комитет во главе с президентом ЧСР Э. Бенешем испытывал прямое давление со стороны британской дипломатии с тем, чтобы чехословацкая и польская стороны договорились об основах будущего конфедеративного объединения. Неофициальные переговоры сторон начались уже с осени 1939 г. [43]. Э. Бенеш был вынужден идти на переговоры с польским эмигрантским правительством, хотя между Польшей и Чехословакией существовал ряд спорных проблем, одной из которых являлся вопрос о территориальной принадлежности Тешинской области. Этот давний спор возник еще во время образования независимой Польши и Чехословакии и был компромиссно решен Советами посланцев в 1920 г. Однако этим решением не была удовлетворена ни одна из сторон. Сразу же после Мюнхена министр иностранных дел Польши Ю. Бек, заручив-

шись поддержкой Германии, ультимативно потребовал передачи всей Тешинской области Польше. В октябре 1938 г. она была оккупирована польскими войсками.

На переговорах о конфедерации выяснилось, что вопрос о чехословацко-польских границах имеет принципиальное значение. Чехословакия настаивала на восстановлении домюнхенских границ (так как для нее было главным добиться отказа от мюнхенских соглашений), Польша – на восстановлении границ государства на начало войны (т.е. 1 сентября 1939 г.), доказывая, что она не может выйти из войны победителем, уменьшившись территориально [44]. Таким образом, вопрос о Тешине становился камнем преткновения.

Несмотря на то, что согласованных позиций на переговорах добиться не удалось, благодаря нажиму Великобритании в ноябре 1940 г. была обнародована декларация о польско-чехословацкой конфедерации [41. PMR-L. С. j. 394/duv/40]. Э. Бенешу удалось использовать переговоры с польским правительством для признания Чехословацкого национального комитета в качестве временного правительства Чехословакии со стороны Великобритании.

После вступления СССР в войну Э. Бенеш 18 июля 1941 г. заключил с ним соглашение, что означало полное признание чехословацкого временного правительства в качестве официального представителя Чехословакии. В тот же день правительство Великобритании вынуждено было также заявить о признании. Однако в британской ноте содержалась существенная оговорка, что Великобритания не берет обязательств признавать или поддерживать установление будущих границ в Центральной Европе [45]. Политика западных держав, приведшая к Мюнхену и фактическому уничтожению Чехословацкой республики, означала для Бенеша крах всей европейской системы безопасности, над созданием которой он трудился как на посту министра иностранных дел, так и в качестве президента страны. В годы войны он решил отойти от одностороной ориентации на Запад, выдвигая идею Чехословакии в качестве "моста между Западом и Востоком". Опираясь на Советский Союз, он рассчитывал восстановить Чехословакию в ее домюнхенских границах (что однозначно обещал ему И.В. Сталин). Сохраняя же тесные отношения с Западом, он надеялся предотвратить распространение коммунизма на территорию республики и восстановить в послевоенной Чехословакии либерально-демократический режим.

Эта двойственная ориентация, с одной стороны, проявлялась в продолжении переговоров с польской стороной и заключении в январе 1942 г. договора о конфедерации, что имело своим последствием отказ Великобритании от мюнхенского соглашения, а с другой – предвидя рост международного влияния СССР после войны, Э. Бенеш первым из лидеров восточноевропейских стран подписал договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом в декабре 1943 г. В дальнейшем отрицательная позиция СССР по вопросу о будущей польско-чехословацкой конфедерации явилась основной причиной прекращения переговоров.

На заключительном этапе войны Э. Бенеш встал перед дилеммой: идти ли ему на более тесное сотрудничество с СССР и переговоры с заграничным руководством КПЧ, созданным в Москве, либо оказаться в политической изоляции в эмиграции, не имея возможности вернуться на освобождаемую родину. Начало освобождения территории Чехословакии с востока решило вопрос. Э. Бенеш принял участие в переговорах с чешскими и словацкими коммунистами и делегацией Словацкого национального совета в Москве в марте 1945 г. по вопросу о создании нового правительства и одобрил Кошицкую правительственную программу, провозглашавшую последовательную ориентацию на союз с СССР. Однако полностью восстановить домюнхенские границы Э. Бенешу не удалось. И.В. Сталин, ссылаясь на прежние заявления самого Э. Бенеша о желательности общей границы с Советским Союзом, настаивал на воссоединении Украины и включении Закарпатья в состав СССР. Бенешу удалось лишь оттянуть официальное соглашение по этому вопросу до июня 1945 г. [46], так как для Чехословакии принцип домюнхенских границ был важен при урегулировании вопросов о ее границах с Германией, Венгрией, Польшей. Сталин фактически дал согласие поддер-

жать планы Бенеша о выселении немцев и венгров с территории республики и восстановлении домюнхенских границ на этих участках в обмен на принципиальное решение вопроса о Закарпатской Украине. Договориться о границах с Польшей оказалось значительно сложнее, решение было принято лишь в конце 50-х годов.

НОВОПАШИН Ю.С. Приступаем к обсуждению проблемы послевоенного мирного урегулирования. Казалось бы, она не новая, но планы советского руководства на этот счет известны лишь в самых общих чертах. В настоящее время появилась возможность познакомиться с ними, опираясь на оригинальные материалы российских архивов, хотя я согласен с И.И. Костюшко, что эта опора должна быть осознанной, а сведения не раз перепроверены, прежде чем делать на их основе те или иные выводы. Напомнить об этом меня подвигло, в частности, цитирование Т.В. Царевской докладных записок Сталину от высших чинов наркоматов внутренних дел и госбезопасности СССР о выявлении и обезвреживании их агентурой в 1944–1945 гг. различных групп и организаций в Белоруссии антикоммунистической, антисоветской направленности. В самом факте существования такого рода групп и организаций ничего удивительного, конечно, нет, но удивительная изобретательность упомянутых силовых ведомств по "высасыванию из пальца" многочисленных "дел" внутренних и внешних врагов народа тоже хорошо известна. То есть элемента фальсификации, попыток подачи результатов своей оперативной работы в значительно лучшем виде, чем она была на самом деле, исключать в чекистских докладных записках, информационных материалах даже на самое высокое имя никак нельзя. Понятно, что это касается не только данного конкретного примера, но и многих других ставших ныне известными архивных материалов, в том числе и по проблеме послевоенного мирного урегулирования.

МУРАШКО Г.П. Как известно, в ходе второй мировой войны большая часть славянских народов оказалась жертвами агрессии держав гитлеровского блока, что породило в общественном сознании этих народов своеобразный "синдром" – боязнь воссоздания после войны своих государств как многонациональных. Это проявлялось в стремлении избавиться от национальных меньшинств (прежде всего от немцев и венгров, сыгравших роль пятой колонны) и оформить послевоенные государства в качестве мононациональных или государств родственных славянских народов – например, Чехословакия как государство двух славянских народов: чехов и словаков. Любопытно, что в программах политических партий Чехословакии к выборам в Национальное собрание в 1946 г. не ставился вопрос об обеспечении прав национальных меньшинств.

Этот своеобразный синдром на фоне ярко выраженных антинемецких настроений не мог не придать особую остроту проблеме национально-территориального размежевания в Восточной Европе. Здесь центральное место занимал вопрос о перемещении немцев как с территории государств, подвергшихся агрессии, так и с территории бывших стран-сателлитов. При этом переселение немцев было выведено на уровень международно-политических решений Потсдамской конференции и осуществлялось под контролем "большой тройки".

Но кроме немецкого вопроса в Восточной Европе существовали и другие "горячие точки", связанные с послевоенным национально-территориальным размежеванием. Например, можно назвать уже упоминавшуюся проблему Тешинской Силезии, ставшую предметом длительного спора между Чехословакией и Польшей; проблему выселения венгерского населения из Словакии, весьма осложнившую не только межгосударственные отношения Венгрии и Чехословакии, но и отношения между КПЧ и ВКП; проблему Трансильвании, по которой шло острое противостояние между Румынией и Венгрией. Болезненным был и вопрос о присоединении Подкарпатской Руси к СССР. Все эти "горячие точки" мы тщательно обходили в своих прежних работах, поскольку они не увязывались с априорной идеей формирования международных

отношений нового типа, основанных на принципе пролетарского, социалистического интернационализма.

Ставшие в последние годы доступными (хотя, безусловно, не в полной мере) документы российских архивов позволяют увидеть названные конфликтные ситуации как бы в нескольких плоскостях. Можно проследить положение на местах в спорных районах и настроения населения здесь; раскрыть дипломатические маневры конфликтующих сторон на разных уровнях: через обращения к советской стороне в качестве арбитра и по официальным дипломатическим каналам, и через партийные инстанции – прежде всего в Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б).

Нужно сказать, что сегодня уже появились и первые результаты изучения этих документов. Я имею в виду статью Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой "Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией", напечатанную в сборнике "Очаги тревоги в Восточной Европе. Драма национальных противоречий" (М., 1994). Их исследование свидетельствует, что советская сторона, выступая как арбитр в этом противостоянии, использовала "национальную карту", чтобы оказывать прямое давление на происходящие в регионе общественные процессы. Материалы по Тешинскому чехословацко-польскому конфликту, по проблеме венгеро-чехословацких отношений 1945–1948 гг., история присоединения Закарпатской Украины подтверждают, что решение "национального вопроса" в процессе послевоенного размежевания не являлось для советского руководства, как и для руководства других стран, самоцелью. Оно, как правило, сопрягалось и подчинялось решению на том или ином этапе более крупных стратегических задач.

Вопрос о Закарпатской Украине: с идеей присоединения этой области к СССР в сентябре 1941 г. выступил Э. Бенеш в Лондоне в беседе с советским послом И.М. Майским. Он был озабочен тем, чтобы послевоенная Чехословакия имела общую границу с СССР. В октябре 1941 г. посол при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов сообщал в Москву: "Не доверяя Польше и разочаровавшись в ослабевшей Франции, Бенеш готов уступить нам Карпатскую Русь..." Бенеш сказал, – пишет Богомолов: "Ни полякам, ни венграм я не отдал бы Закарпатской Руси, а Вам отдам".

В конце июня 1944 г. Бенеш вновь возвращается к вопросу о Закарпатской Украине и заявляет, что он не будет возражать против ее присоединения к СССР, но хотел бы разрешить этот вопрос после освобождения всей Чехословакии и переезда правительства в страну [7. Ф. 07. Оп. 5. П. 50. Д. 198. Л. 1–3].

Заграничное руководство КПЧ, в частности, К. Готвальд, в этот период придерживалось несколько иной позиции. По согласованию с Г. Димитровым, возглавлявшим ОМИ ЦК ВКП(б), К. Готвальд дал следующую рекомендацию политорганам чехословацкого корпуса: "...Необходимо сосредоточить все усилия на борьбу против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу" [5. Ф. 495. Оп. 74. Д. 556. Л. 13].

Однако в процессе разработки проекта Кошицкой программы коммунисты несколько трансформируют свою позицию. В варианте проекта программы, представленном К. Готвальдом в ОМИ ЦК ВКП(б) [5. Ф. 495. Оп. 74. Д. 554. Л. 41–65], вопрос о Закарпатской Украине уже стоял по-иному. В частности, в гл. VI проекта говорилось, что правительство будет стараться, "чтобы как можно скорее был разрешен вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением этой области. Уважая волю карпато-украинского народа, который демократическим путем высказался за объединение с Советской Украиной, правительство создаст все условия для осуществления этой воли" [5. Ф. 495. Оп. 74. Д. 554. Л. 49].

Этот пункт вызвал замечания как со стороны Г. Димитрова, "рецензировавшего" проект программы по линии ЦК ВКП(б), так и со стороны НКВД. В.М. Молотов, знакомившийся с проектом, однозначно подчеркнул необходимость немедленного включения Закарпатской Украины в состав УССР. На переговорах Э. Бенеша в

Москве в марте 1945 г. во время двух встреч с В.М. Молотовым был окончательно отрегулирован механизм передачи Закарпатской Украины СССР [7. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9].

Это пример, пожалуй, наиболее "мягкого", "безболезненного" решения национально-территориального вопроса. Однако вопросы о Тешине, о судьбах венгерского меньшинства в Словакии, о Трансильвании еще длительное время оставались объектом жестких двусторонних споров.

БЕЛЕВИЧ Е.В. Позвольте, основываясь на недавно открытых документах Архива внешней политики Российской Федерации, привлечь внимание к конкретному вопросу об участии Народного комиссариата иностранных дел СССР в проведении подготовительной работы по программе послевоенного устройства мира. Документы свидетельствуют о напряженных усилиях нкидовцев в этом направлении. Они сосредоточены в основном в фонде Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавлял заместитель народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинов. К сожалению, в работах, посвященных Великой Отечественной войне, имеются лишь весьма краткие упоминания об учрежденных советским правительством в период войны специальных комиссиях, которые разрабатывали вопросы послевоенного урегулирования и установления прочного, справедливого и длительного мира. Не исключено, что этим обстоятельством объясняется сложившееся у определенной части исследователей ложное представление, что только правительства США и Великобритании, создав специализированные учреждения, активно разрабатывали программу послевоенного устройства мира.

Однако Советский Союз, несмотря на тяжелейшее военное и экономическое положение, уже в начальный период войны уделял особое внимание вопросам послевоенного устройства мира. В начале января 1942 г., когда советские войска разгромили на подмосковных полях ударные соединения немецко-фашистских войск, заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский сообщал из Куйбышева, где в то время находилась часть эвакуированного НКВД, В.М. Молотову свои соображения по поводу подготовки к проведению послевоенной мирной конференции. Лозовский предлагал как можно быстрее создать Политическую комиссию, что, по его мнению, явилось бы первым шагом в подготовке к предстоящей мирной конференции. "Главное, – говорилось в его письме, – уже сейчас создать ряд подкомиссий, которые приступили бы немедленно к разработке всех, хотя бы важнейших, вопросов, которыми наша делегация должна будет заниматься на мирной конференции" [7. Ф. 0512. Оп. 2. П. 8. Д. 12. Л. 47]. Он ссылался на опыт Франции, Англии и Соединенных Штатов, которые незадолго до окончания первой мировой войны начали готовиться к мирной конференции.

28 января 1942 г. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по подготовке дипломатических материалов. Для выполнения разработанного обширного плана привлекались все отделы Наркоминдела. Однако половина намеченных планом тематических докладов не была выполнена, а часть из них отложена. В течение года состоялось только два заседания комиссии, на которых были рассмотрены три доклада: заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского, упомянутого уже С.А. Лозовского и члена комиссии, бывшего посла СССР в Турции, Германии и Франции Я.З. Сурица. Члены комиссии, отмечая неудовлетворительную подготовку информационно-справочных материалов, отличающихся "исключительной пестротой", объясняли это, в первую очередь, различными подходами к выполнению заданий отделами НКВД. Это различие сказывалось на объеме, качестве и свежести справок. Так, в феврале 1943 г. Я.З. Суриц в своем письме А.Я. Вышинскому, касаясь работы комиссии и качества подготовленных материалов, писал: "В отдельных случаях мы имеем пространные объемистые монографии, а в других – несколько беглых страничек. Одни составители использовали самые свежие статистические данные, другие оперировали сведениями, почерпнутыми из старых энциклопедических словарей". И далее он

отмечал: "Болезненно сказались отсутствие свежих справочных пособий, библиотек, карт и, главное, квалифицированных специалистов" [7. Ф. 0512. Оп. 2. П. 8. Д. 11. Л. 6–6об.].

В связи с предстоящей в Москве в октябре 1943 г. конференцией министров иностранных дел СССР, Великобритании и США серьезно встал вопрос о реорганизации работы Комиссии по подготовке дипломатических материалов и разработке в кратчайший срок аналитических справок по актуальным вопросам. В июле 1943 г., буквально в первые дни по возвращении с поста посла СССР в США, М.М. Литвинову было предложено разработать план организации новой комиссии, условно названной Комиссией по подготовке вопросов мирной конференции.

3 августа, отвечая на предложение Молотова, Литвинов поддержал мнение наркома о деятельности комиссии и изложил свои соображения о ее работе и составе. "Означенная Комиссия, – писал он, – должна состоять из людей, которые будут фактически в ней работать, а не только заседать". Кроме того, Литвинов считал, что в комиссию должны войти только люди, которые могут отдать ее работе все свое время. Не отвечающие этому условию должны привлекаться лишь в качестве консультантов, получающих определенные поручения. "Указанные принципы, – говорилось далее в письме, – сами по себе определяют немногочисленность Комиссии, каковой фактор лишь повысит работоспособность Комиссии и скорость разработки вопросов" [7. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 4]. Основной задачей комиссии, по мнению Литвинова, должна быть "подготовка к изучению материалов, на основе которых правительство должно будет прийти к определенным выводам по одним вопросам, и подготовка записок и меморандумов для представления мирной конференции в обоснование заранее принятых правительством решений по другим вопросам" [7. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 7].

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 4 сентября 1943 г. была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. В ее состав вошли: М.М. Литвинов (председатель), Я.З. Суриц, ответственный сотрудник НКВД, бывший посол в Италии Б.Е. Штейн, член Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский, С.А. Лозовский, профессор Е.В. Тарле. 8 сентября состоялось первое заседание. Литвинов представил подготовленный им список вопросов, которыми должна заниматься комиссия, пояснив при этом, что она должна "давать краткую справку по истории вопроса, представлять материал о тех течениях и мнениях, которые по данной проблеме имеются за границей, а также делать выводы и предложения – в одном или нескольких вариантах" [7. Ф. 0512. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 1].

В результате обсуждения списка вопросов в него были дополнительно включены еще два раздела: оккупация после перемирия и мирная конференция. Таким образом, утвержденный на первом заседании список состоял из 34 разделов, практически каждый из которых, в свою очередь, состоял из нескольких подразделов.

Главной целью второго заседания комиссии, состоявшегося 23 сентября, было ускорение работ по тем темам, которые могут встать на предстоящей конференции трех министров иностранных дел, "чтобы иметь наготове материал, который может понадобиться нашим представителям на конференции". Были определены основные темы и принято решение в десятидневный срок представить работы по вопросу о Германии, Франции, о международной организации по охране мира и безопасности, а также по проблеме создания федеративных объединений малых европейских государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Этот вопрос, как известно, был включен в повестку дня будущей конференции по инициативе правительства Великобритании, под покровительством которого эмигрантские правительства в Лондоне разрабатывали проекты создания конфедераций в Европе. Подготовленные ретроспективные справки, обзоры печати, выдержки из выступлений общественных и политических зарубежных деятелей убедительно показывали, что создание такого рода объединения есть ни что иное, как попытка реанимации антисоветской политики

"санитарного кордона". Позиция комиссии нашла свое отражение в заявлении "Будущее Польши, дунайских и балканских стран, включая вопрос федерации", в котором советское правительство однозначно высказалось за восстановление независимости и суверенитета малых стран как одного из важнейших условий прочного мира в послевоенной Европе.

О том, какое значение придавалось послевоенному устройству в странах Восточной Европы, свидетельствует о многообразии материалов, которые были подготовлены комиссией: это и объемные справки по отдельным странам, так называемые справки по схеме; это и тематические справки, такие, например, как о позиции политических партий Венгрии в вопросе о будущем устройстве Венгрии, послевоенном устройстве на Балканах, о румынских планах выхода из войны, об английских планах послевоенного устройства в Европе, о высказываниях дипломатов о послевоенном переустройстве Европы и мира. Из последнего названного документа хотелось бы привести одну короткую цитату. В октябре 1941 г., беседуя с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым, представитель Чехословакии в Турции Ханак сказал: "Я всегда утверждал и утверждаю сейчас, что рассматриваю борьбу, которую ведет Ваша страна, как борьбу, от которой зависит судьба всех европейских стран. Только Россия может спасти от поражения все остальные страны Европы. Если Россия выиграет войну, то это будет означать и восстановление независимости Чехословакии, Югославии и всех остальных европейских стран. Если же Россия будет разбита, то можно считать, что мы все погибли... Россия, и только Россия, может спасти все европейские страны от порабощения" [7. Ф. 0512. Оп. 2. П. 6. Д. 59. Л. 11].

Важно изучение не только многочисленных материалов, но и протоколов заседаний комиссии, на которых подвергались тщательному разбору представленные записки и доклады. О дальновидности и высоком профессионализме лиц, принимавших участие в разработке и исполнении программы комиссии в сложнейших условиях 1943–1945 гг., говорит тот факт, что подготовленные в кратчайший срок материалы и сделанные комиссией выводы явились базой для определения позиций советского правительства на международных конференциях и совещаниях. В результате своей деятельности за 1943–1945 гг. комиссией были подготовлены около 400 докладов, справок, записок, обзоров и других материалов, несомненно представляющих огромный интерес для исследователей. В их разработке участвовали не только члены комиссии и сотрудники НКВД, но и привлеченные специалисты – историки, правоведы, экономисты, имена которых хорошо известны: Е. Варга, И. Грабарь, С. Голунский, Е. Рубинин, А. Трояновский, В. Хвостов и др.

15 ноября 1945 г. на очередном заседании был заслушан отчет Литвинова о деятельности комиссии. В протоколе этого заседания даны краткие объяснения по всем разделам, предусмотренным программой. Подводя итоги деятельности комиссии, председатель отмечал, что намеченная и одобренная в 1943 г. программа в целом выполнена, за исключением некоторых вопросов, которые либо попали в компетенцию других комиссий, отделов НКВД, либо же оказались неактуальными, т.е. не предполагалось их обсуждение на международных совещаниях и конференциях.

М.М. Литвинов констатировал, что программа комиссии была составлена с исчерпывающей полнотой и что в различных совещаниях и переговорах, относящихся к вопросу послевоенного урегулирования, "не вставал ни один вопрос, который не был бы охвачен программой ... по основным вопросам выводы и предложения были намечены правильно, ибо это подтвердилось последующими событиями".

19 ноября М.М. Литвинов направил протокол заседания комиссии В.М. Молотову и в сопроводительном письме поставил вопрос о "ликвидации Комиссии, как выполнявшей в поставленных ей пределах возложенные на нее задачи".

Рассекреченные материалы этой комиссии – еще один источник, серьезное исследование и осмысление которого позволит по-новому увидеть проблему послевоенного урегулирования в Европе.

СМИРНОВА Н.Д. Вопрос о планах советского руководства по послевоенному урегулированию в Восточной Европе является одним из самых слабоизученных и спорных в мировой историографии. Декларации о стремлении установить прочный мир в единой, освобожденной от фашизма и реакционных режимов Европе, о праве самих народов строить свое будущее и т.п. были фасадом, скрывавшим дипломатическую кухню, на которой готовились эти проекты. По всей вероятности, генерального плана, охватывающего весь обширный регион от Балтики до Эгейского моря, не существовало. Однако ориентации по основным направлениям, несомненно, вырабатывались, что показывают материалы комиссий Наркоминдела и оперативные материалы, поступавшие в адрес высшего руководства страны и исходившие от него, о чем говорила Е.В. Белевич.

Остановлюсь подробнее на проблеме Балкан. Для каждой державы, а особенно великой, постановка задачи обеспечения национально-государственных интересов исходит из необходимости создания системы безопасности, состоящей из расположенных по периметру ее границ дружественных государств. Балканы традиционно, еще с царских времен, входили в сферу государственных интересов России. В межвоенный период только Турция занимала в целом благожелательную позицию в отношении СССР. Румыния и Югославия были звеньями в цепи антисоветского "санитарного кордона", а остальные страны стояли на нейтральных позициях. Во второй половине 1940 г. СССР заявил о явной заинтересованности в балканском регионе и предпринял закончившуюся неудачей попытку согласовать свою политику с Италией и Германией. В послевоенный период интерес возродился, но в уродливой форме. А именно – стала создаваться закрытая система, состоявшая из однородных в социально-политическом отношении государств, тоталитарные режимы которых безоговорочно подчинялись кремлевскому руководству.

В исторической литературе и публицистике приняла устойчивую форму представления, согласно которым "захват" Сталиным Восточной Европы стал возможен благодаря соглашению о разделе сфер влияния на Балканах между ним и Черчиллем в октябре 1944 г. и пребыванию там советских войск. Дескать, освободили для того, чтобы насадить коммунизм. Представляется преувеличенным значение, которое придается вышеперечисленным факторам, якобы приведшим к советизации Балкан. Самый жесткий тоталитарный режим советского типа установился в Албании, где не было ни одного советского или другого иностранного солдата, участвовавшего в освобождении. Чисто символическое участие британских командос в боях за Саранду в 1944 г. не изменило картины. В Австрии Советская Армия находилась до 1955 г., но "народная демократия" там не утвердилась, хотя определенные надежды на это в Москве питали. Раньше всех социалистическую перспективу выбрала Югославия, хотя участвовавшая в освобождении Советская Армия покинула страну сразу же после завершения своей миссии. Но вот в Румынии советское военное присутствие сыграло, по-видимому, решающую роль в определении будущего общественно-политического строя.

"Процентное соглашение" о Балканах и Венгрии, предложенное Черчиллем Сталину 9 октября 1944 г. на встрече в Москве, предвзятой конференции "большой тройки" в Ялте, не фиксировало раздела сфер влияния между двумя державами. Как писал Черчилль в VI томе своих военных мемуаров и в письмах Рузвельту (одно из них согласовывалось со Сталиным) по ходу московского совещания, речь шла "о разделении обязанностей" сторон в конкретных условиях военного времени. В неотправленном послании Сталину он писал о "цифровых символах" как о временном руководстве к действиям на Балканах, в то время как окончательное урегулирование должно быть согласовано всеми великими державами после окончания войны [47].

Довольно безразличная реакция Сталина на небольшой листок бумаги, на котором Черчилль наскоро набросал процентное соотношение между преимущественными интересами Англии и СССР на Балканах, свидетельствовала о понимании им условности предложения, сделанного британским премьером. Действительно, что такое 90%

преобладания Англии и США в Греции и отведенные России 10%? Это не могло относиться ни к численности солдат, которых тогда в Греции еще не было, ни к количеству дипломатических и экономических представителей. Не измеряется цифрами и политическое влияние. Как предположил один из комментаторов соглашения, речь могла идти о том, что СССР не будет оказывать никакой поддержки греческим коммунистам. Аналогичные вопросы можно поставить и в отношении других балканских стран. Однако это не означает, что планов.блоковых перегруппировок, проектов раздела сфер влияния не существовало. Этим занимались все дипломатические службы "большой тройки". Просто двусторонние соглашения в тот период не имели практической ценности.

Введение в научный оборот ряда архивных материалов позволяет проследить, по каким направлениям шла разработка советских проектов послевоенного урегулирования в Восточной Европе. Еще во время войны, а именно в 1943 г., в Наркоминделе была создана Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым. О ее работе говорила Е.В. Белевич. Однако хотелось бы обратить внимание на один документ, подписанный самим Литвиновым и составленный через месяц после московской встречи. Он называется "О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества". Исходя из существования англо-американских противоречий, Литвинов предлагает вариант двустороннего советско-английского соглашения на базе "полюбовного разграничения сфер безопасности" в Европе по принципу ближайшего соседства. "Своей максимальной сферой интересов, – пишет Литвинов, – Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию. В английскую сферу безопасности безусловно могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция (цит. по [10. С. 54–71]). В нейтральную зону включались Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия, с которыми предполагалось сотрудничество обеих стран на равных.

Только ностальгическими воспоминаниями о временах лондонской эмиграции можно объяснить, но лишь отчасти, эфемерность плана Литвинова. Включить в английскую зону безопасности Францию, традиционного соперника Великобритании на континенте в то время, когда Франция стала четвертым членом Европейской консультативной комиссии, мог только политик, утративший чувство реальности.

Умозрительный характер носит та часть записки, которая посвящена Балканам. "Можно полагать, – пишет Литвинов, – что, поставленная перед лицом фактов, Англия примирится с разделом сфер влияния на Балканах. Закрепив за собой контроль над средиземноморским побережьем балканского полуострова, т.е. включив в зону своего влияния Грецию, а если возможно и Югославию, Англия, вероятно, не откажется признать преобладающее влияние СССР в Румынии и Болгарии, стремясь лишь к тому, чтобы никому не уступить контроль над выходом из Балкан в Эгейское и Адриатическое моря. С этой целью она будет, вероятно, противиться предоставлению Болгарии выхода к Эгейскому морю и будет добиваться включения в свою сферу влияния Албании, непосредственно или путем присоединения ее к Греции".

По всей вероятности, Литвинов не знал о "процентных предложениях" Черчилля. Иначе он не поднимал бы "потолок", рассуждая об эвентуальных английских претензиях. Но помимо всего прочего, он игнорировал обязательства, взятые Советским Союзом, по восстановлению независимости поработанных фашизмом стран. В записке говорится о разделе сфер влияния, а по сути дела об учреждении директората двух держав, и даже о ликвидации независимости Албании. Англия, которая никогда не могла и мечтать об Адриатике, получала ее.

Балканская тема не исчерпывалась ноябрьской запиской Литвинова. В феврале 1945 г. Г.Я. Суриц, в то время участвовавший в работе комиссии как сотрудник центрального аппарата Наркоминдела, представил довольно обширную записку об Албании, в которой приводились проекты раздела страны между ее соседями, т.е. обосновывал сказанное в записке Литвинова. Предложений по послевоенному урегу-

лированию на Балканах было много, особенно по территориальным вопросам. Можно привести также отрывок из политического письма В.М. Молотову посла СССР в Италии М.А. Костылева от 6 января 1945 г. о советской линии в отношении Италии, а по сути дела о политике в восточном Средиземноморье. В документе территориальные проблемы региона рассматриваются исключительно с точки зрения интересов Советского Союза. Исходя из этого, предлагалось поддержать югославские претензии на Истрию и прилегающие острова, входившие в состав Италии, вернуть Греции Додеканесский архипелаг, а Албании – остров Сасено (Сазани) в проливе Отранто, "так как этот важный в стратегическом отношении островок при всех обстоятельствах выгодно иметь в руках маленькой Албании, чем в руках Италии. Особенно в этом заинтересована Югославия" [7. Ф. 68. Оп. 27. П. 12. Д. 159. Л. 30–32].

Балканское направление советской внешней политики формировалось, конечно, с известным учетом интересов самих стран региона, но в зависимости от их близости к Советскому Союзу и от степени соответствия общим задачам послевоенного урегулирования. Однако до сих пор неясны механизмы их согласования и мотивация принятия того или иного решения по территориальным проблемам. Определенные сложности возникали в связи с подписанием мирных договоров, в принятии решений по которым участвовало несколько заинтересованных сторон.

Делались попытки изменить сложившиеся к началу войны границы, ссылаясь на вклад в общую антифашистскую борьбу. Наиболее характерным является случай с Югославией. Речь идет о беседе Сталина с югославской делегацией 9 января 1945 г. Документ был впервые введен в научный оборот В.К. Волковым и полностью публикуется в готовящемся к изданию сборнике "Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1948". Глава югославской делегации А. Хебранг представил советскому руководству список территориальных претензий Югославии к Италии, Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции. Как свидетельствует протокольная запись, Сталин ответил, что "создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобное положение" [7. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 20].

В заключение следует сказать, что исследование процесса принятия решений по мирному урегулированию на Балканах только начинается. Существенный вклад в изменение наших представлений о пружинах механизма, приводившего в движение сложную систему согласования, увязывания, компромиссов, а чаще всего волевых действий, должны сделать новые документы.

НОВОПАШИН Ю.С. Наша встреча получилась плодотворной с точки зрения новизны и многих суждений, и документальной базы, с помощью которой эти суждения аргументировались, хотя, к сожалению, не удалось одинаково предметно затронуть все намечавшиеся к обсуждению сюжеты. Возьмем, например, проблему Сопротивления. Та ее часть, которая касается антифашистского Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, разработана более основательно, в том числе и сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН. Другой частью этой проблемы, т.е. организованным антисоветским Сопротивлением в странах Балтии, на землях Западной Белоруссии, Западной Украины, Польши, отечественные историки в силу недостаточности архивных материалов, цензурных ограничений, трудности публикации и т.п. почти не занимались. И в ходе нашего обмена мнениями, хотя вышеупомянутые причины вроде бы отпали, удалось затронуть вопрос об антикоммунистическом Сопротивлении, например на белорусской и польской территориях, только вскользь, в то время как он заслуживал, конечно, более обстоятельного разговора.

Участники "круглого стола" высказались почти однозначно по вопросу о характере действий Красной Армии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы – она освобождала эти страны от немецко-фашистских захватчиков, а не оккупировала их. Позволю себе все же заметить, что есть некая трудность с определением роли

советских войск, ибо их пребывание на чужих территориях затянулось на целых 45 лет. Разумеется, задним числом были заключены соглашения о правовом статусе этих войск, включая их численность на территории ГДР, ВНР, ПНР и ЧССР [48].

Но не в формальной стороне тут дело. Советские воинские соединения, дислоцированные в названных странах, а также в Румынии, откуда они были выведены в 1958 г., являлись частью (хотя, разумеется, главной) сложной системы кремлевского контроля за внутренним развитием этих стран. Не раз их "пускали в дело", т.е. они участвовали в подавлении антитоталитарных выступлений народных масс. Кстати, я проходил в ГДР срочную службу в 1953–1956 гг. в танко-самоходном батальоне одной из наших частей, которой 17 июня 1953 г. был отдан приказ выйти из селения Планкин (места летних лагерей) в г. Магдебург, где отмечались большие скопления митинговавших горожан, с тем чтобы рассеять их и принять участие в поддержании мер чрезвычайного положения, продлившегося до 12 июля. Я имею в виду 62-й полк 19-й гвардейской Краснознаменной Гнезненской Ордена Суворова III степени механизированной дивизии, входившей в состав еще существовавшей тогда 3-й Ударной армии.

Таким образом, советские войска, выполнявшие на протяжении десятилетий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы откровенно полицейско-репрессивные функции, превратились из главного орудия разгрома в регионе сил национал-социализма (правый тоталитаризм) в главное же орудие поддержания господства сил интернационал-коммунизма (левый тоталитаризм). То есть они превратились из освободительного механизма в совсем иной, который, как представляется, вполне может быть назван и оккупационным. Во всяком случае, лично мне больше импонирует по этому вопросу мнение Б.И. Желицки и М.Д. Ерещенко, хотя его и не поддержали большинство участников встречи.

Разумеется, "круглый стол" никоим образом не претендовал на всесторонний охват темы "Славянские народы и вторая мировая война". Фактически за скобками состоявшейся дискуссии остался такой ключевой вопрос, как, например, причины огромной самоотдачи советских людей на фронте и в тылу, самоотдачи подчас поистине немислимой и удивительной для других участников антигитлеровской коалиции. Во время празднования 50-летия победы в Великой Отечественной войне об этом факторе не забыл упомянуть ни один докладчик, а некоторые отечественные историки пропели просто-таки осанну беззаветной преданности делу, организационным способностям таких "капитанов сталинской индустрии", как Ваников, Лихачев, Мальшев, Устинов, Тевосян и других, назвав их деятельность одним из важнейших факторов эффективного функционирования экономики СССР в годы войны и, стало быть, победы в ней. Но почему-то никто не обратился к такому, тоже бывшему в числе важнейших, фактору, как репрессивно-террористические методы управления страной, от которых большевистское руководство отнюдь не отказалось в те годы.

Так что, говоря об истоках огромной самоотдачи советских людей, нельзя ограничиться только ссылками на всплеск патриотизма и веру значительной части населения в светлое коммунистическое будущее, на пути осуществления которого встал жестокий враг. Надо иметь в виду и другое – в качестве подстегивающего средства к эффективной боевой и трудовой деятельности постоянно выступал страх перед весьма разнообразными, изощренными и безжалостными репрессиями власть предержащих. Подростком, проживая в годы войны в сельской местности на Урале, я достаточно насмотрелся на мытарства колхозников, ничего зачастую не получавших на трудодни и не умиравших с голоду только благодаря личным приусадебным участкам, но никак не тому так называемому обобществленному хозяйству, к которому они были приписаны и где находились под неусыпным контролем оперуполномоченных НКВД. Именно страх перед представителями этих вездесущих "органов" гнал селян (в основном женщин, стариков и даже детей) на колхозные поля и фермы, ибо в противном случае можно было легко "загреть" на лесозаготовки в края не столь отдаленные. Этот глубоко укоренившийся страх составлял неотъемлемую, хотя,

конечно, не единственную, психолого-поведенческую черту не только управляемых, но и управляющих, в том числе военачальников.

О последних я упомянул не случайно, а в связи с поднимавшейся в моем вступительном слове проблемой огромных военных жертв нашего народа, включая и военнопленных. В гитлеровской армии до организованной частью генералитета попытки покушения на фюрера в 1944 г. не наблюдалось кровавых расправ с военачальниками, выигрывали они или проигрывали сражения на Восточном фронте, восхваляли или критиковали государственное руководство. У нас же политико-идеологические критерии являлись куда более жесткими, и властям ничего не стоило, скажем, расстрелять командующего фронтом Павлова, а также генералов Климовских, Григорьева, Клича, Челихова, Галактионова и других за якобы плохо организованный отпор врагу, хотя в катастрофических провалах первого периода войны повинна прежде всего московская высшая военная и гражданская номенклатура. И приведенный пример – отнюдь не единственный случай репрессивной в своей основе большевистской политики. На настроения и поведение советского генералитета это не могло не оказывать влияния в смысле утверждения безынициативности, слепого подчинения любым приказам сверху. Вот и получалась в результате этого та самая трагическая арифметика, когда все четыре года вооруженного противоборства Красной Армии с гитлеровским вермахтом на каждого убитого немецкого военнослужащего приходилось в среднем по 7–8 советских.

Я, видимо, несколько ушел в сторону в своем заключении от основной канвы "круглого стола", однако высказанные соображения не будут, думаю, лишними при освещении разнообразных аспектов нашей темы. Оно завершилось разговором о планах послевоенного урегулирования, вынашивавшихся руководством СССР. Эти планы надо, думается, связывать со стратегической целью марксистско-ленинской внешней политики, т.е. с курсом на создание социалистического лагеря, на поддержку везде коммунистической агентуры, рассчитанную на дальнейшую экспансию "нового строя" в его советском варианте. Связь эта из предлагаемого читателю текста прослеживается еще мало и станет, очевидно, предметом рассмотрения новой встречи специалистов. Быть может, это произойдет при обсуждении весьма интересного, документально насыщенного сборника статей, подготовленного в ИСБ, «У истоков "социалистического содружества". СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.» (М., 1995).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайтина Ю., Черепанов М. Победа: счастье и позор // Московский комсомолец. 1994. 7.V; Хайтина Ю. Миллионы погибших не похоронены со времен Великой Отечественной войны // Московский комсомолец. 1995.22.V.
2. История второй мировой войны 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 151; Социалистическая мысль и практика. 1975. № 3. С. 24.
3. Коренюк Н. Советские генералы между Сталиным и Гитлером // Демократическая Россия. 1991. № 13. С. 5.
4. Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 255–279.
5. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).
6. Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, 1947.
7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
8. Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokraticke revoluce. Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. S. 133.
9. Гиблянский Л.Я. Балканский узел // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 86–108.
10. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–72.
11. Исусов М. Сталин и България. София, 1991.
12. Архив Президента РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 177.
13. О лживом сообщении агентства "Гавас" // Правда. 1939.30.XI.
14. СССР – Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле–сентябре 1939 г. Нью-Йорк, 1983. Т. 1.

15. Грамши А. Избранные произведения. М., 1957. С. 159; Verbale della Commissione politica per il congresso di Lione // Critica marxista. Roma, 1963. S. 1. № 5/6. P. 313, 320, 306–307.
16. Gramsci A. Sul fascismo. A cura antarelli. Roma, 1973.
17. Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 135.
18. Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995. С. 62–88, 153–177.
19. Исусов М. За някои съвременни оценки на най-новата история на България // История и обществознание. 1990. № 2. С. 10.
20. Ковпак С.А. От Путивля до Карпат. М., 1945. С. 122.
21. Руднев С.В. Щоденник про Карпатський рейд. Київ, 1949. С. 69.
22. Репринцев Ф.С. Революционные связи и боевое содружество советского и венгерского народов. Киев, 1979. С. 89–90.
23. Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 257.
24. Juhász Gy. Magyarország külpolitikája, 1919–1945. Budapest, 1987. 248. old.
25. Vllei-Reviczky A. Német háború – orosz béke. Budapest, 1993. 96. old.
26. Horthy Miklós. Emlékirataim. Budapest, 1990. 250. old.
27. Constantiniu Fl., Duju Al., Retegan M. România în război. 1941–1945. București, 1995.
28. Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu. Am făcut război sfârșit împotriva bolșevismului. Campania anului 1941. Oradea, 1994; Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939–1945. Iași. 1995.
29. Troncoia Cr. Eugen Cristescu. Asul serviciilor secrete românești. București. 1994. P. 55, 11.
30. Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 492. Д. 17. Т. 1.
31. Arhivele Statului. Foudul Președinția Consiliului de Miniștri.
32. Ciobanu M. Convorbiri cu Mihai I al României. București, 1991. P. 19.
33. Frunze V. Istoria Stalinismului în România. București, 1990. P. 125.
34. Madajczyk Cz. Faszyzm i okupacja. 1938–1945. Poznań, 1984. T. 1–2.
35. Государственный архив РФ. Ф. 9401.
36. НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.
37. Czubiński A. Najnowsza historia Polski. 1918–1989. Warszawa, 1994; Paczkowski A. Pól wieku dziejów Polski. 1939–1989. Warszawa, 1995.
38. Arhivele Statului București. Fond Presedintia Consiliului de Miniștri, Cabinetul Militar Sănătescu-Rădescu. Dos. 1421/1944–1945. F. 3–5; Fond inspectoratul General al Jandarmeriei. Teritoriu. Dos. 60/1944–1945. F. 11. Dos. 47/1945. F. 1–2.
39. Новое время. 1994. № 43. С. 17.
40. Uj Magyarország, 1994.5.IV; Népszabadság, 1994.5.IV.
41. Státní Ustrědní Archiv Česke Republiky. T. 100/24. BR. 172, a.j. 1534.
42. Турок В.М. Очерки истории Австрии 1929–1938. М., 1962. С. 336.
43. Borodovčak V. Polský národ a národy Československa na dejinnej križovatke (1939–1948). Bratislava, 1982. S. 106.
44. Korespondencja w sprawie polsko-czechosłowackiej konfederacji 1940–1943 // Studia z najnowszych dziejów powszechnych. Warszawa, 1963. T. 4. S. 261, 283.
45. Historické udalosti-druhá světová válka. Malé encyklopedie. Praha, 1979. Sv. 7. S. 174.
46. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1988. Т. 5. С. 78–79.
47. Churchill W.S. The Second World War: Triumph and Tragedy. New York, 1962. P. 227–228, 231.
48. Бахов А.С. Организация Варшавского договора (правовые аспекты). М., 1971. С. 90–91.

© 1996 г.

ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В центре внимания участников "круглого стола" были такие проблемы: новые подходы к изучению "белых пятен" в литературе этого времени, полнота освещения литературного процесса, переоценка роли различных идейных и художественных течений; роль военного периода в изменении менталитета писателей, их политических взглядов и поэтики; степень исторической достоверности непосредственных литературных свидетельств, созданных по горячим следам событий.

БУДАГОВА Л.Н. При всей точности словарно-энциклопедической датировки границ периода вопрос этот допускает разночтения, ответ на него для всех литератур неоднозначен. Для Польши война началась 1 сентября 1939 г. Для Югославии – 6 апреля 1941 г., роковая дата для советского народа – 22 июня 1941 г. Чехословакия почувствовала ужас войны гораздо раньше: даже не 15 марта 1939 г., когда войска Третьего рейха вошли в Прагу, и над старым Градом взметнулся флаг со свастикой, а фактически осенью 1938 г., после подписания Мюнхенского соглашения – именно тогда республика испытала драму отторжения исконно чешских земель в пользу Германии и других пограничных государств.

Другая проблема связана с предметом исследований. В прежние годы наиболее основательно анализировалось антифашистское направление; к нему и сводилась практически вся литература периода второй мировой войны. Теперь стало ясно, что внимания требует творчество не только антифашистов, но и коллаборационистов (как принципиальных, хотя таких было меньшинство, так и невольных), творчество писателей, находившихся в подполье, тюрьмах, партизанских бригадах, и писателей, печатавшихся в дозволенных цензурой изданиях. Только так можно показать многомерность трудно протекаемого, но не остановленного войной литературного процесса и его идеологическую доминанту: неприятие фашизма истинными художниками, где бы они ни жили – в оккупации, эмиграции, в странах, воевавших с Гитлером или оказавшихся в союзе с ним. Таких разных писателей, как И. Андрич, И. Томан, М.

¹ В работе "круглого стола", состоявшегося 25.V.1995 г., приняли участие сотрудники группы славянских литератур Института славяноведения и балканистики РАН: д-р филол. наук Л.Н. Будагова, д-р ист. наук В.В. Марьина, д-р филол. наук С.В. Никольский, канд. филол. наук О.Р. Медведева, д-р филол. наук Г.Я. Ильина, канд. филол. наук Т.И. Чепелевская, канд. филол. наук В.В. Николаенко, канд. филол. наук А.А. Гугин, канд. филол. наук Ю.В. Богданов, канд. филол. наук Н.В. Шведова, аспирантка И.А. Андрияка, канд. филол. наук Н.С. Осипова, канд. филол. наук Н.М. Куренная, а также сотрудник МГУ, канд. филол. наук А.Г. Шешкен и канд. (СПбГУ) филол. наук Бершадская М.Л. В некоторых выступлениях затрагивались проблемы румынской и венгерской литератур.

Фигули, Ф. Галас или Я. Есенский связывал общий антифашистский пафос (открытый или скрытый). И в этом смысле расширение исследовательского материала не опровергает известный тезис о ведущей роли антифашистского направления в искусстве военных лет, а дает лишь более убедительную и надежную аргументацию, его подтверждающую.

К материалу, требующему рассмотрения, относятся и произведения, писавшиеся "в стол" или даже "в неизвестное" – с надеждой, но без уверенности, что они увидят свет. Обнародованные лишь после войны, они принадлежат литературе военных лет. Еще не ставшие достоянием читателей, они уже были достоянием культуры. "Книга становится книгой, не когда ее напишут, а когда прочтут", – заметил однажды И. Волькер. Но было это в сравнительно безмятежные 20-е годы. Экстремальные условия, в которые ставила человека оккупация и война, позволяют считать рождением книги уже само возникновение текста.

Огромную роль в период войны и сопротивления играл, как известно, фольклор. Он заслуживает повышения статуса, т.е. рассмотрения в качестве полноправной ветви национальной культуры, к которой относится "доморощенное", наивное, искреннее творчество непрофессионалов. В условиях войны активизируется связь литературы и фольклора: народное творчество использует литературные образы и сюжеты, что весьма характерно для "третьей культуры", для примитивного искусства, новой разновидностью которого вполне уместно считать самые элементарные варианты военного и партизанского фольклора. Кроме того, народное творчество в целом – это напоминание о корнях и истоках искусства, моделирование в условиях XX в. стародавнего процесса его зарождения в разнообразии свойственных ему функций. Давая эмоциональную разрядку, выход настроениям людей, находящихся в экстремальных "пограничных" ситуациях, народное творчество воспроизводило – в "ускоренном виде" – процесс становления словесного искусства, обычно растянутый во времени.

Литературное творчество военных лет заслуживает рассмотрения в диахронном аспекте, как звено в цепи развития литературы XX в. Оно аккумулирует в себе жизненный и творческий опыт, который сказывается как на отношении к прошлому, так и на послевоенных судьбах национальных литератур. Духовная консолидация с давно ушедшими поколениями укрепляет связь с традиционным искусством, ослабленную концепциями авангарда, что в целом усиливает роль традиционных приемов в послевоенной литературе. Стрелка на барометре творчества сдвигается в сторону "ясности", крепнут связи с общественной, политической реальностью. Реальностью становится и превращение "аполитичного" художника в "сына эпохи многотрудной", что прекрасно выразил Ю. Тувим в своих "Политических ямбах".

Опыт антифашистского сопротивления, в ходе которого росла роль компартий, внушавших надежды на справедливое переустройство послевоенного мира, укрепил позиции революционного искусства. Путь от литературы антифашистской к литературе социалистической (пусть для кого-то она была лишь эпизодом творчества, как, например, для чешского поэта В. Голана), становится довольно типичным для середины века.

Именно эта перспектива определяла систему ценностей в прежних исследованиях литературы военных лет. Писатель, поддержавший народно-демократический строй в своей стране, удостоивался большего внимания, чем те антифашисты, которые не спешили принять ни новый порядок, ни просоциалистическую ориентацию послевоенной литературы. Показательно отношение к В. Черному, видному чешскому писателю, критику, издателю популярного журнала "Критики мнесьчник" (1938–1942; 1945–1948). Активный участник Сопротивления, редактор антифашистских сборников и альманахов, составлявшихся в условиях оккупации, он практически не упоминается в советских исследованиях чешской антифашистской литературы. Причина – в его послевоенной позиции: он всячески предостерегал национальную культуру от безоговорочной ориентации "на Восток", напоминая, что она всегда также была ориенти-

рована "на Запад". Разумеется, ликвидация этих пробелов не должна сопровождаться дискредитацией былых кумиров, как это нередко происходило в посткоммунистическом мире, в частности, в Чехословакии по отношению к Ю. Фучику. Недавняя публикация полного текста "Репортажа с петлей на шею" (Прага, 1995) кладет конец разного рода подозрениям, бросающим на его автора тень. В подобных случаях на помощь науке о литературе приходит история. В нашем случае стоит обратиться к книге ученых ИСБ [1], в которой стержневой процесс второй мировой войны проанализирован острее и глубже, чем во многих аналогичных работах советского периода, и в то же время достаточно объективно, без новых крайностей. Так, не отвергая активную роль компартий в Сопротивлении, авторы показывают неоднозначность этой роли – она менялась в зависимости от обстоятельств, то способствуя консолидации антифашистов, то – раскалывая движение, отпугивая его участников перспективами советизации послевоенного мира. Авторы констатируют эволюцию отношения масс к коммунистам, все более доброжелательного по мере приближения конца войны, что подтверждает и литература.

Решение проблемы коллаборационизма в оккупированных странах, отделение коллаборационизма вынужденного – ради спасения жизни и куска хлеба – от коллаборационизма добровольного – "по идейным мотивам или корысти ради в целях утверждения установленного нацистами и их союзниками режима" [1. С. 532] позволяет дифференцированно подойти и к писателям, публиковавшимся в легальных изданиях или занимавших официальные посты в профашистских государствах.

Литературный материал давно заставлял задуматься о месте церкви в борьбе с фашизмом. Отмечая в свое время барочные тенденции в чешской антифашистской поэзии, опиравшейся на религиозные мотивы и образы, которые всегда жили в народном сознании, мы задавали себе вопрос: какую роль играла чешская церковь в борьбе с фашизмом, какую занимала позицию? А какую роль играла церковь в Словацком клерикальном государстве, получившем "свободу" из рук Гитлера? Новый труд историков дает на них ответы [1. С. 542].

Вряд ли уместно проводить прямые аналогии между жизнью и литературой, по-своему интерпретирующей реальность. Историки, например, констатируют идейную дифференцированность Сопротивления, политические и национальные разногласия внутри него, разные представления о послевоенном будущем. Но вряд ли такую же дифференциацию мы найдем в антифашистской литературе, отражавшей не то, что разделяло, а то, что связывало людей. В чешских антифашистских сборниках, создававшихся как до, так и во время оккупации (см., например, "Плач короны чешской", издан в 1940 г. во Франции), выступали поэты левой и общедемократической ориентации, люди, мечтавшие о революционных переменах или о восстановлении довоенной республики (В. Голан, Ф. Галас, Я. Сейферт, К. Томан, Р. Медек). В Чехословакии эта творческая консолидация поддерживалась широким народным фронтом Сопротивления. Политические разногласия остаются и за пределами творчества поэтов Польши, несмотря на их остроту. Исследования последних лет высветили все противоречия и интриги, которые предшествовали Варшавскому восстанию 1944 г., сопровождали его и позволили захлебнуться в крови. Это не отразилось на повстанческих стихах К. Бачиньского или поэзии Боровского, высветивших бесспорное – героизм народа. Образ Варшавского восстания в поэзии – чище, романтичнее, благороднее, чем тот, что вырисовывается в исторических исследованиях. Искусство, поэзия отражают жизнь по своим законам.

Рассматривая движение Сопротивления в Югославии, историки приходят к примечательному выводу о том, что "на начальном этапе и еще довольно длительное время" сопротивление там оккупантам "было не общегославским, а сербским по национальному составу его участников ввиду проводившегося захватчиками и их пособниками геноцида по отношению к сербскому населению", что миф "об общегославском сопротивлении ...непрестанно поддерживался национально-коммунистической историографией Югославии" [1. С. 534]. Но он также поддерживался и

анализом антифашистской литературы, представителями которой были как сербы (Б. Чипико, Д. Чосич, черногорец Р. Зонович и др.), так и хорваты – В. Назор, И. Горан-Ковачевич, прославившийся жестокой поэмой "Яма" (начало 1943 г.) и своей гибелью в бою. Память об участии словенцев в освободительном движении хранят сборники партизанских песен и маршей, которые поют и сегодня. Анализ литературных произведений иногда дает иную картину, чем та, что вырисовывается в исторических исследованиях, и обе они, вступая в негласный спор между собой, где правы и та и другая, так как каждая исходит из "своего" объекта анализа, – дополняют и корректируют друг друга, придавая общей картине периода стереоскопичность.

Вероятно, не только литературоведам многое открывают исторические труды, но и историкам – литература и литературоведение. В исследовании литературы второй мировой войны есть не только научный, но и большой нравственный, а еще и практический смысл. Подобные произведения – живая память истории, где отклики на реалии второй мировой войны – самые непосредственные, еще не размытые временем и не отредактированные, как это нередко бывало впоследствии, в угоду моде или конъюнктуре разного толка.

В интенсивных поисках "новой исторической правды", или "новой правды истории", которыми отмечено наше время, литература может сказать свое веское слово, дать свои аргументы "за" или "против" многих суждений, в частности, о роли Советской Армии в этой войне. Вставший в последние годы вопрос "оккупанты или освободители?" во время войны, если судить по литературе и фольклору, не возникал. А если и возникал, то оставался где-то в стороне от искусства. Там утвердился образ Советской Армии – освободительницы:

В слезах изнемогала Прага...
Вдруг, как живительная влага,
К нам доступ музыка нашла.
Как будто бы открыли шлюзы, –
Так из Советского Союза
К нам помощь братская пришла...

(В. Голан. "Благодарность Советскому Союзу",
16–17.V.1945.
Перевод Н. Подгоричани).

И не вина советского солдата, что образ этот разрушался после войны, окончательно рухнув в августе 1968 г. Советские танки на улицах европейских городов перестали символизировать весну освобождения, как это было в мае 1945 г.

Вокруг второй мировой войны ведутся споры, но главный итог войны невозможно оспорить – полная и безоговорочная капитуляция фашистской Германии, победа, решающая роль в которой принадлежит советскому народу. Это давно осознала и выразила литература военного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.

МАРЬИНА В.В. К лету 1944 г. Красная Армия вышла к предвоенным границам страны и готовилась вступить на землю оккупированных Польши, Чехословакии и Югославии, а также союзников Германии в войне – Болгарии, Венгрии и Румынии. Во всех этих странах в годы войны возникло и существовало три течения: прогерманское, прозападное и прорусское (внутри последнего выделялось еще и просоветское).

Соотношение между ними в ходе войны постоянно менялось: ослабевала первая и усиливались вторая и третья ориентации. Картина соотношения этих сил к концу войны в каждом из указанных государств определялась положением страны в годы войны, традициями взаимоотношений с Западом и Востоком.

Термины "оккупация", "новые оккупанты" появились уже тогда, в частности, в Польше, где население неоднозначно относилось к Советскому Союзу и приходу "русских", видя в нем продолжение российских, а затем советских имперских тенденций в отношении Польши. Немало антисоветски настроенных людей, опасавшихся засилья коммунистов и грядущей "большевизации", было и в других странах, особенно в неславянских Венгрии и Румынии.

В годы "холодной войны" термины "оккупация", "оккупанты" по отношению к Красной Армии были характерны для эмигрантской антисоветской публицистики и историографии. После антитоталитарных революций в странах бывшего советского блока эти термины стали "украшать" лексикон не только политиков этих стран, но и появились на страницах научных изданий. Они явно сужают и искажают значение миссии Красной Армии, вступившей на землю стран Восточной Европы. Действия Красной Армии в тот период абсолютно не подпадали под международно-правовое определение этого явления (за исключением территории фашистской Германии). На территорию некоторых стран (Албания) Красная Армия вообще не вступала, из других (Югославия) ушла сразу же, из третьих (Чехословакия) – через полгода. В прочих она оставалась в силу международных договоренностей. Поэтому современные рассуждения об оккупации стран Восточной Европы, конечно же основанные на толковании особенностей их полувекowego развития после войны, не что иное как модернизация истории, а значит, и ее фальсификация.

У стран Восточной Европы была альтернатива. Они могли продолжать нести бремя нацистской оккупации или зависимости от гитлеровской Германии. Ни одна из них не могла добиться освобождения собственными силами. Даже Югославия, где вооруженная борьба велась достаточно интенсивно, не могла окончательно расправиться с оккупантами собственными силами.

Примерно то же можно сказать о Соппротивлении польском (Армия Крайова, Армия Людова) и словацком (армия и партизаны в Словацком национальном восстании).

Почти безоружные участники чешского Майского восстания 1945 г. все надежды также возлагали на помощь извне. Еще менее правомерна постановка вопроса о возможности освобождения собственными силами от германской зависимости Венгрии, Румынии и Болгарии. Вступление советских вооруженных сил на территорию этих стран способствовало их включению в советское политическое пространство, в перспективе – установлению режимов советского образца. Этому способствовала Красная Армия и популярность социалистических идей.

Присутствие Красной Армии создало внешне благоприятные условия для установления власти антифашистских, более или менее демократических правительств народных и национальных фронтов, где коммунисты заняли сразу же или занимали постепенно важные, зачастую ключевые позиции. Однако это вовсе не означало, что советские лидеры выступали за немедленное установление советского строя на территориях, куда вступала Красная Армия.

В одном из интереснейших советских документов конца войны, Записке, подготовленной Комиссией при НКВД СССР во главе с И.М. Майским и касавшейся вопросов послевоенного мирного урегулирования, в разделе "Государственный строй вражеских и ныне оккупированных государств" говорилось: "СССР заинтересован в том, чтобы государственный строй этих стран базировался на принципах широкой демократии в духе идеи народного фронта" [1. С. 57]. При этом обращалось внимание на то, что главная угроза миру и спокойствию может исходить от преждевременных революций: "Если первый послевоенный период приведет к развязыванию в Европе пролетарской революции, то отношения между СССР, с одной стороны, США и Англией – с другой, должны будут принять напряженный и даже острый характер" [1. С. 58].

Развитие событий во второй половине 40-х годов привело к свершению социалистических революций и установлению просоветских режимов. Но в 1944–1945 гг. столь быстрого развития событий не предусматривалось. Напротив, Москва сдерживала леворадикалистские тенденции компартий стран региона. В качестве примера можно привести рекомендации Г. Димитрова, тогда заведовавшего Отделом международной информации ЦК ВКП(б), высказанные им на встрече с представителями Загранбюро КПЧ в Москве в декабре 1944 г.: "Вопрос советизации в Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это – не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат (идея Советской Словакии, ее присоединения к Советскому Союзу была достаточно широко распространена среди словацких коммунистов и в конце войны. Не чужда она была, в частности, и Г. Гусаку. – В.М.), должны быть попридержаны. Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции" [2]. Сравним: в упомянутой Записке Комиссии И.М. Майского срок превращения европейского континента в социалистический определялся в 30–50 лет [1. С. 56].

Возможность длительного, мирного перехода к социализму связывалась советскими лидерами с идеей раздела сфер влияния в Европе, т.е. с тем, что ранее решительно отвергалось в отечественной историографии.

Таким образом, вступление Красной Армии на территорию стран Восточной Европы мыслилось как первый шаг на пути длительной работы по их превращению в "союзников по классу", создающих надежный защитный пояс на западных границах СССР и входящих в блок просоветски настроенных государств.

Миссия советских вооруженных сил, следовательно, имела двойкий характер: будучи освободительной, она в то же время преследовала великодержавные цели распространения советского влияния – с перспективой (более или менее отдаленной) установления при опоре на внутренние леворадикальные силы, и прежде всего коммунистов, советского строя – в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Итак, события, происшедшие при вступлении Красной Армии на территорию стран Восточной Европы в 1944–1945 гг., можно охарактеризовать как освобождение и, одновременно, начало новой вассализации вследствие их включения в советское политическое пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
2. Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945, díl 4. Praha, 1965. S. 17–18.

НИКОЛЬСКИЙ С.В. В Великой Отечественной войне участвовал весь духовный потенциал народа, все области культуры, в том числе литература, притом не только современная. Заметна была актуализация целого ряда образов, созданных в прошлом. Весьма показательна в этом отношении, в частности, судьба образа Йозефа Швейка, который в переосмысленном и преображенном виде обрел во время войны новую жизнь и исключительную популярность. В переработанном виде он был тиражирован в разных вариантах в огромном количестве экземпляров – в газетных и книжных публикациях, в радиопередачах, в кинофильмах, в театральных постановках, в графике. При этом сохранялся основной типаж, но он переносился в новые условия, изображался в столкновении с гитлеровской военной машиной. Сочинялись новые и

новые похождения Швейка, во время которых находчивый и неуязвимый герой Гашека водил за нос и дурачил гитлеровских фельдфебелей и офицеров или прямо сражался с ними. В чем-то все это напоминает бытование фольклорных образов, когда вокруг той или иной художественной находки или полюбившегося персонажа возникают новые и новые версии. Главную роль, несомненно, играло то обстоятельство, что образ Швейка у Гашека направлен против германского милитаризма и несет в себе сильный сатирический заряд. Это оказалось по-особому привлекательным для советских сатириков военного времени. Обращает на себя внимание (и это интересная проблема для исследователей литературных связей), что актуализация в данном случае коснулась образа не отечественной, а зарубежной литературы. Правда, литературный тип Швейка еще с конца 20-х годов вошел в сознание советских читателей, особенно русских, украинских, белорусских, и в некотором смысле сделался "своим".

Обращение к образу Швейка во время войны носило массовый характер, и инициатива возникала или же охотно подхватывалась в разных концах страны. Уже на 16-й день войны в Севастополе, в газете черноморского флота "Красный черноморец" капитан-лейтенант А.В. Баковиков начал публиковать главы "Новых походов Швейка". Всего появилось 13 глав. Кстати говоря, в первой же из них автор пророчески предсказал устами Швейка, что Гитлеру придется покончить с собой: "Этот идиот Гитлер объявил Советам войну, – говорит Швейк в начале повести. – Не иначе, как он решил покончить самоубийством. Живым он из этой войны не выйдет" [1; 2]. В июле 1941 г. главы Баковикова читали по московскому радио для бойцов, командиров и политработников действующей армии в программе "Слушай, фронт!". По-видимому, эти передачи могли инициировать появление и некоторых других повествований о Швейке. Около двадцати новых рассказов о нем было опубликовано в 1941–1943 гг. в газете Юго-западного фронта "Боевой удар" (авторы Л.М. Кацнельсон и Ф. Бедин). Осенью 1941 г. в газете "На защиту Ленинграда" появилось несколько рассказов о новых похождениях Швейка, написанных Л.И. Раковским. С сентября 1941 г. по 1944 г. включительно в газете Западного фронта "Красноармейская правда" М.Р. Слободской печатал главы повести "Новые похождения Швейка" (всего около 90 глав). Кроме того, Прессбюро агитации и пропаганды Главпура Красной Армии, начиная с сентября 1942 г., издавало повесть по главам и рассылало для перепечатки во фронтовых, окружных и армейских газетах. Шесть раз сериал Слободского выходил и книжными изданиями. В 1942 г. Слободской сделал инсценировку повести в виде комедии-памфлета. Тогда же ее поставил в Москве Театр сатиры, а на Урале исполняла драматическая труппа Эстонского художественного ансамбля. Кинорежиссер С. Юткевич снял два фильма о новых похождениях Швейка. Наконец, в 1944 г. в Москве вышли на чешском языке два сборника сатирических рассказов под названием "Швейк 20 лет спустя". Их сочинили чешские авторы, оказавшиеся в Москве (по-видимому, среди них был и друг молодости Гашека В. Борек). Эти рассказы передавались на Чехословакию радиостанцией "За национальное освобождение", действовавшей на территории СССР.

Повышенный интерес к герою Гашека на протяжении нескольких военных лет явно отражает существовавшую в тех условиях потребность в такого рода образах. Не случайно в те же годы появляется в чем-то родственный, хотя на этот раз уже не имеющий ничего общего с вторичными литературными обработками и глубоко оригинальный образ Василия Теркина, вошедший в число классических достижений русской литературы. Кстати говоря, при всем различии этих героев, сами их литературные судьбы в годы войны в чем-то соприкасались и переплетались. Повесть Слободского о новых похождениях Швейка публиковалась в той же фронтовой газете, где сотрудничал и печатал стихи о Василии Теркине А. Твардовский. Более того, существуют воспоминания А. Кондратовича, будто бы и окончательный замысел "Василия Теркина" в котором "строфы, жившие вразброс", объединились бы в некую общую целостность, сформировался у Твардовского не без влияния его разговоров со Слободским о Швейке Гашека (см. подробнее: [3, 4]).

Феномен образа Швейка в период второй мировой войны заслуживает специального исследования. База для этого в значительной мере подготовлена ныне покойным коллекционером П.М. Матко, собравшим уникальный материал по этой теме, включая публикации в армейских газетах, сохранившихся в ряде случаев в единственном экземпляре (коллекция П.М. Матко в настоящее время передана его вдовой Г.С. Матко во Всероссийскую библиотеку иностранной литературы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матко П. Швейк помогал воевать // Советский солдат. 1983, 21 апреля, № 91. С.4.
2. Matko P. M. Postava Švejka v soudobé literatuře u letech Velké vlastenecké války// Mezinárodní konference Dílo Jaroslava Haška v boji za mír a pokrok mezi národy. Praha, 1983. S. 312–314.
3. Кондратович А. Великий памятник военных лет // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 244–245.
4. Nikolskij S. Literatura jako oblast tvůrčí spolupráce// Čeština jako cizí jazyk. Praha, 1990. D. III. S. 173–176.

МЕДВЕДЕВА О.Р. Вторая мировая война для польской культуры – период колоссальных потерь. В литературе скорбный перечень погибших открывают блестящие поэты Кшиштоф Камиль Бачиньский и Тадеуш Гайцы. За ними – целая плеяда: Здзислав Строньский, Вацлав Боярский, Анджей Тшебиньский... Всем им было по двадцать с небольшим. Их короткая жизнь прошла в предчувствии смерти.

"Tak się dorasta do trumny
Jakaśmy w czasie doróśli", –

писал в стихотворении "Поколение" (1941) Кшиштоф Камиль Бачиньский. "Смерть", "умереть", "могила", "остывшие сердца", "последний сон", "ночь" – вот ключевые слова поэзии дебютантов сороковых годов. В конце концов они встретились со смертью лицом к лицу, и она их одолела.

Их стихотворения – это стихотворения убитых поэтов. Этим все сказано. Война оборвала жизни таких признанных писателей и деятелей культуры как Б. Шульц, Т. Бой-Желеньский, И. Фик, Я. Корчак... Возможно, Польша потеряла и других первоклассных прозаиков – их имена уже никогда не узнаем. Молодым просто не хватило времени заявить о себе, ведь проза вызревает медленнее, чем поэзия.

Погибли не только мастера слова – убивали само Слово. Горели книги, рукописи, архивы, библиотеки. В каталоге Польской Национальной библиотеки то и дело наталкиваешься на издания и архивные материалы, помеченные особым знаком: уничтожены в годы войны. Эти знаки – словно кресты на могилах книг. Те писатели, что выжили, молчали или скрывались в подполье. Кто-то оказался на чужбине, в вынужденном или добровольном изгнании: в Европе, в Америке, на Ближнем Востоке, в России... Пряталась, таилась и литература: сундуки и корзины с рукописями, заваленные ветошью, лежали в подвалах, на чердаках, в тайниках.

Одни писатели – участники и очевидцы страшных событий – опубликовали свои произведения об оккупации сразу после войны, словно желая освободиться от тяжелого военного груза, другие, прошедшие через фашистские и сталинские лагеря, познавшие горечь скитаний, в силу обстоятельств хранили до поры свои ненаписанные произведения о войне в памяти. Записаны и изданы они были много позже. За прошедшие после войны десятилетия свидетельства превратились в воспоминания. Иной жанр – иное время, иной читатель.

Произведения о войне во множестве появляются и сегодня. Это прежде всего исторические романы, с большей или меньшей степенью точности воссоздающие события того времени, а также рассказы выживших, для которых война и поныне остается

фактом их существования, психологической реальностью.

Этот обширный, многообразный пласт польской литературы отчасти даже заслонил собственно военную литературу – ту, что создавалась в годы войны. Но вот редкий случай: уцелела, выжила книга, точнее рукопись. С нею история ворвалась в современность. Зазвучал живой голос из прошлого...

Однажды Корчак уже заставил послевоенного читателя вернуться в кошмар войны: в 1958 г., когда был опубликован его "Дневник". Для читателя тех лет война была еще рядом, "вчера". И вдруг снова – теперь для поколения, для которого война стала весьма отдаленной историей, Корчак произносит обнаженное, пылающее слово правды о войне.

В 1988 г. были найдены и спустя некоторое время опубликованы неизвестные тексты Януша Корчака [1]. 200 страниц, написанных Корчаком в оккупированной Варшаве и в гетто. Тридцать девятый, сороковой, сорок первый, сорок второй... Самый поздний текст помечен 27 июля 1942 г. – буквально за неделю до депортации. Письма, записки, отчеты, статьи, эссе, сказки-притчи, как всегда у Корчака, обращенные одновременно к детям и к взрослым. Среди сохранившихся документальных текстов – послания Корчака в разные инстанции с просьбой, мольбой, требованием помочь детям, не дать им умереть. Среди текстов художественных – статьи Корчака в еженедельную стенную газету Дома сирот: своеобразные эссе о добре и зле, о высоком и низком, о необходимости взаимопонимания, терпимости и примирения. Понимая неотвратимость, неминуемость гибели, Корчак продолжает говорить с детьми о смысле жизни, о рабстве и воздухе свободы, о чувстве одиночества и его преодолении, о любви и к тем, кого трудно любить, о бессмертии любви... Впрочем, вряд ли стоит разделять эти тексты на документальные и художественные – по крайней мере с позиции сегодняшнего дня.

Спустя полвека документ, зафиксировавший тот или иной исторический факт, обретает значение обобщающее, более того, литературное, художественное. Ибо в этом тексте есть свой сюжет – драматическая борьба за жизнь детей. Есть своя мораль, мораль на все времена, вопреки жесточайшим обстоятельствам – непоколебимо верить в справедливость и выбирать добро. Есть свой герой – измученный, усталый, но несломленный. Есть свой язык – для современного читателя несколько архаичный и, кажется, будто намеренно стилизованный. Наконец, есть в этих документальных текстах недосказанность, незавершенность (конечно, если на миг забыть о трагическом конце...).

Что же касается отсутствия в них собственно литературной условности или кропотливой работы над словом, то их сполна компенсирует предельная достоверность, которая сама по себе становится художественным знаком. Стиль, форма, жанр исчерпываются подлинностью, правдой, добытой не книжным знанием, не воображением, не интуицией, не прозрением творца, а опытом, жизнью, судьбой.

И напротив – художественные тексты, созданные Корчаком в гетто, при всей их универсальности (некоторые обращены к библейской традиции) могут восприниматься как документальные – в том смысле, что косвенно запечатлели поступок художника, который приговорен к смерти и все же продолжает творить.

Последнее заслуживает особого внимания в связи с существованием так называемой легенды Корчака. За полвека, прошедшие после его трагической гибели, его фигура и его наследие обросли множеством интерпретаций с неизменной доминантой – подчеркнуть героизм его последнего поступка: добровольного решения идти на смерть с детьми-сиротами, в то время как он мог спастись. Легенда эта имеет под собой глубочайшие основания – это самоотверженная деятельность Корчака на благо сирот на протяжении всей его жизни. Однако есть еще один, отнюдь не менее важный фактор возникновения легенды: писательство Корчака. Как писатель, он сам при жизни творил свою легенду (подробнее см.: [2]).

Найденная "новая" старая книга, позволившая освободиться от штампов восприятия его творчества, еще более укореняет в мысли о своеобразной закономерности

появления легенды Корчака как легенды писателя.

Ад войны поглотил многие жизни, многие таланты. Невероятно, но из этого ада к нам и сегодня являются выжившие, уцелевшие книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Janusz Korczak w getcie. Nowe źródła. Warszawa, 1992.
2. Медведева О.Р. Легенды Януша Корчака: структура, истоки // Памяти Корчака. М., 1992.

БЕРШАДСКАЯ М.Л. Годы второй мировой войны вошли в историю сербского народа как освободительная, антифашистская борьба не только за национальную и социальную свободу, но и за сохранение национальной культуры. На страницах партизанской печати постоянно звучала мысль о неразрывном единстве борьбы за свободу и национальную культуру, об ответственности деятелей искусства за судьбу своего народа. "В лесу сегодня собирает силы свобода, чтобы отсюда начать свой победоносный поход по всей стране. В лесу нашла свое прибежище и культура", – говорилось в передовой статье газеты "Посавски партизан", первый номер которой (машинописный) вышел 28 августа 1941 г. Вся статья проникнута верой в то, что в годы вооруженной борьбы культура не останется в стороне, что партизанские леса станут "центром культурной жизни", что подлинно народной может называться литература, создаваемая в непосредственной связи с народно-освободительной борьбой.

Наиболее "оперативно" откликнулась на военные события сербская поэзия. Первый небольшой сборник партизанской поэзии – "Антифашистские песни", выпущенный 7 ноября 1941 г., состоял из массовых советских и первых партизанских народных песен. Тогда же рождаются произведения многих сербских поэтов, вошедших в литературу в канун второй мировой войны: Б. Чопича, Й. Поповича, Ч. Миндеровича, С. Куленовича, Р. Зогиича, Д. Костица, М. Баневича, Я. Джоновича и др. К ним присоединились совсем юные поэты, написавшие свои первые "взрослые" стихи на войне. Многие из них, как например, Р. Копарец, с войны так и не вернулись.

Значение сопротивления фашизму, героизм участников народно-освободительной борьбы – вот основные смыслы сербской военной поэзии. Она была исполнена веры в то, что народ "любую боль переболеет, любую силу одолеет" (Й. Попович). Веру эту поддерживали далекие "победы под Москвой" (Р. Зогиич), чувство причастности к героической истории народа.

Один из самых популярных партизанских поэтов и прозаиков – Б. Чопич. В предвоенные годы он был известен как автор рассказов о жизни боснийского крестьянства, в годы войны раскрылся его поэтический талант. Многие стихотворения (из его военных сборников "Огненное рождение отчизны" (1944) и "Стихи" (1945)) стали народными песнями; без них (например, "Песня мертвых бойцов Пролетарской бригады", "Звезды", "Козарский хоровод", "Причитание матери над орлом-сыном") немислима ни одна антология сербской поэзии.

С. Куленович, заявивший о себе еще в 1927 г. циклом сонетов "Отцветшие примулы", в годы войны пережил творческий взлет; он написал три поэмы: "Стоянка, мать из Кнежеполья" (1942), "Письма Йовы Станибука" (1942) и "Жаворонок" (создана в 1943 г., опубликована в 1952 г.). Особой известностью пользовалась первая – героический плач-причитание матери, потерявшей на войне трех своих сыновей. Художественный строй этой поэмы необычайно близок традициям героического сербского эпоса, с одной стороны, и народным плачам (тужбалицам) – с другой.

Нельзя забывать и о вкладе в антифашистскую литературу тех поэтов, которые, оставаясь на оккупированной территории и не публикуя ни строчки в официальной печати того времени, создавали произведения, отражавшие судьбу захваченной, но не

порабощенной родины. Среди этих поэтов и один из патриархов сербской поэзии В. Петрович, и широко известная к началу войны Д. Максимович, и совсем юная М. Алечкович. В годы войны Д. Максимович создала "Песню о порабощенном хлебе", а также всемирно известный шедевр "Кровавая сказка" о массовом расстреле фашистами учеников и учителей гимназии в г. Крагуеваце.

Литература антифашистского Сопротивления в Сербии выросла на традициях "социального реализма" 20–30-х годов XX в. Однако и среди его представителей были не только реалисты, но и экспериментаторы в области художественной формы. К их числу следует отнести Ч. Миндеровича, которого называют "модернистом среди социальных писателей" (Й. Деретич).

Однако долгое время литературоведы и критики даже не упоминали о модернистских тенденциях в литературе периода народно-освободительной борьбы, хотя несколько смягченные авангардные тенденции характерны для стихотворений как предвоенных сюрреалистов, так и для тех, кто писал во время войны. Стихотворение Матича "Колыбельная для погибших, которые не дожили до двадцати лет" является одним из наиболее ярких и оригинальных по своей поэтике произведений сербской поэзии военного периода. Заметным влиянием сюрреализма отмечены стихотворения М. Дединаца из книги "Стихи из дневника заключенного номер 60211", отразившие жизненный опыт поэта, испытавшего ужас фашистских концлагерей.

В годы войны с необычайной силой возродилась народная песенная традиция, были созданы многочисленные партизанские песни, стихи, баллады. (В архиве Института этнографии Сербской академии наук их более 20 000.) Особенно широкое распространение получили те из них, которые были посвящены конкретным историческим событиям, например, "На Кордуне могила к могиле".

Трудно провести четкую границу между подлинно народными песнями и теми авторскими произведениями, которые вошли в фонд народной культуры. Это произошло, например, со многими стихами Б. Чопича, со стихотворением черногорского поэта М. Баневича "Партизанский командир Сава". С другой стороны, сильное влияние фольклора на авторскую поэзию вызвало к жизни такие подлинно народные произведения, как "Стоянка, мать из Кнежеполя" С. Куленовича.

Даже краткий обзор сербской поэзии военного периода позволяет сделать вывод о ее тематическом и жанрово-стилевом разнообразии.

ИЛЬИНА Г.Я. После поражения Югославия была поделена между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. Эти области, названные провинциями и губерниями, находились под управлением оккупационных властей, даже если в них и существовали марионеточные правительства. Культурная жизнь там, практически, замерла; наиболее значительные писатели, художники, актеры отказались сотрудничать с завоевателями.

Совершенно иная ситуация сложилась на части территории Хорватии и Боснии и Герцеговины. Здесь 10 апреля 1941 г., как только гитлеровские войска вошли в Загреб, хорватские фашисты (усташи) с ведома Гитлера и Муссолини провозгласили "Независимое государство Хорватское" (Независна Држава Хрватска – НДХ), фактическим правителем которого стал глава усташской партии Анте Павелич. Вновь созданное государство обладало всеми внешними атрибутами независимого и было признано Германией, Италией и их союзниками. По своей сути оно было фашистским, националистическим, о чем открыто заявляли его адепты: там преследовались не только политические противники, антифашисты, демократы и либералы, но почти с первых же дней его провозглашения начались массовые гонения на сербов, их насильственное обращение в католичество, шло сознательное разжигание межэтнической и межконфессиональной розни в Боснии и Герцеговине.

Все это сказывалось самым прямым образом на культурной политике, школьных программах, репертуаре театров, на установлении культурных связей. Выходив-

шие в НДХ газеты и журналы были откровенными проводниками националистической культурной политики. Так, на их страницах широко публиковалась информация о взглядах министра просвещения, главного идеолога усташской партии писателя М. Будака на отечественную литературу, ее историю; он же предлагал программы ее развития, призывал художников слова быть лояльными в отношении событий в НДХ.

Это не было удивительным для государства такого типа. Удивительным было другое – многие видные деятели культуры, кроме, естественно, коммунистов и антифашистов, которые сразу были объявлены вне закона, пошли на сотрудничество с властными структурами, особенно в первые два года, до 1943 г. Сотрудничали, конечно, по-разному. Задача исследователя и состоит в выяснении того, в какой мере литературе этого времени удалось сохранить достоинство гуманного искусства. Среди писателей националистической ориентации, кстати, практически не было ни одной значительной фигуры, кроме упомянутого уже М. Будака, автора нескольких почвеннических романов, в том числе романа "Очаг" (1938), весьма популярного еще до войны. В НДХ по этому произведению делались инсценировки для театра и кино; роман, как, впрочем, и другие произведения Будака, переводился на немецкий, болгарский, словацкий и другие языки. Среди критиков отметим имя Л. Маракевича, правоверного католика, но обладавшего широтой эстетических взглядов и проявлявшего лояльность по отношению к левой литературе, о чем свидетельствовали, в частности, серьезные статьи о революционной литературе экспрессионизма, о творчестве писателей коммунистической ориентации М. Крлежи и А. Цесарца. Однако со второй половины 30-х годов он занимает все более правые позиции, становится сотрудником журнала "Hrvatska revija" (1928–1945), продолжавшего свое существование и в годы фашизма. Между тем в легальных изданиях, в том числе и органах усташской партии, печатались и такие известные хорватские писатели, как В. Назор, В. Калев, Д. Тадиянович, С. Шимич, О. Делорко, критики А. Барац, М. Комбол, С. Ежич. На сцене Хорватского государственного театра шли спектакли Б. Гавеллы, известного своими постановками пьес М. Крлежи, их оформлял художник Л. Бабиц, автор обложек журналов М. Крлежи "Plamen" и "Književna republika".

Изучение всего периода существования НДХ и его культуры в социалистической Югославии было просто запрещено, замалчивались факты сотрудничества с режимом тех деятелей культуры, которые впоследствии приняли участие в антифашистском Сопروتвлении или сразу после освобождения страны от фашизма активно признали новую Югославию. Только с 60-х годов стали появляться сведения о том, что в 1941–1942 гг. издавали свои книги В. Назор и В. Калев, вскоре ушедшие к партизанам, что И.Г. Ковачич был одним из основателей газеты "Književni tjednik", что печатали свои произведения Г. Крклец и Д. Тадиянович.

Впервые о существовании этой литературы открыто сказал известный хорватский поэт и литературовед, участник антифашистского сопротивления Ш. Вучетич. В своей статье "Хорватская литература времени народно-освободительной борьбы", опубликованной в год 30-летия победы над фашизмом, он назвал некоторых авторов и их произведения, увидевшие свет в официальных изданиях военного периода и сделал попытку найти общее между тремя ветвями литературы того времени – той, что выходила легально в НДХ, той, что писалась в стол и той, что создавалась в партизанских условиях. В смелом для тех лет утверждении Ш. Вучетича, что и "в кислинговских периодических изданиях появлялись знаки свободной мысли" [1], безусловно, есть доля истины. И в них, и в книгах, таких, например, как "Загребские новеллы" (1942) В. Назора или сонеты Г. Крклеца "Дары для безымянной" (1942) и "Темница времени" (1944), выражалось чувство тревоги, защищалось добро и отвергалось насилие. Начинание Ш. Вучетича было чрезвычайно важным, но оно, к сожалению, не получало продолжения до 90-х годов.

Лишь после возникновения Республики Хорватии в ней стал проявляться откровенно повышенный интерес к государству военной поры, его культуре и литературе.

В одном из первых проектов Хорватской Академии наук и искусств – "Документация хорватской литературы XX в." [2] – в качестве приоритетного направления выделено изучение именно периода НДХ. Осуществление проекта решено начать с публикации аннотированной библиографии периодических изданий той поры. Открывает ее «Библиография статей по культуре (литературе, театру, музыке, живописи и кино) в ежедневной газете "Hrvatski narod" (10 апреля 1941 – 6 мая 1945)». Эта газета была органом усташской партии.

Вероятно, это самый правильный путь, дающий возможность узнать о действительной литературной жизни того времени и ее участниках. А углубленное изучение самих текстов уже поможет выявить были ли какие-то проявления свободной мысли в легальных публикациях. Видимо, тогда можно будет аргументированно ответить и на вопрос, препятствовало ли появлению значительных творческих достижений и незащищенной критической мысли следование политическим и идеологическим схемам. По мнению составителя библиографии И. Матичевича, следование подобным схемам препятствием не являлось. Мне же кажется, что в столь категоричном утверждении находят выражение новые идеологические схемы. Ведь даже простое знакомство с описанием статей, рецензий, выходявших в этом органе, с информацией о государственных премиях, о поездках в Германию на встречи фашистских писателей (так они называли себя сами) и т.п., вызывает большие сомнения в свободе выражения мысли и тем более действия в тех условиях.

Как раз о нежелании мириться с такой "свободой", о накапливавшихся сомнениях, приведших к освобождению от иллюзий о возможности создания независимой Хорватии даже руками фашистов (а такие иллюзии, особенно на первых порах, были свойственны многим представителем творческой интеллигенции), свидетельствовал тот факт, что после 1943 г. немало писателей, актеров, художников ушли к партизанам. Среди них были и те, кто недавно еще публиковали свои произведения на страницах таких изданий как "Hrvatski narod", участвовали в писательских съездах фашистских стран, принимали государственные премии из рук М. Будака или были его заместителями в Обществе хорватских писателей, как С. Колар.

Итак, хорватская литература этого времени была сложной, многослойной и разнонаправленной. Ее невозможно оценить только в черно-белых тонах, как невозможно, порой, провести границу между партизанской и легально выходявшей в НДХ литературой. Практика показывает, что часто и та и другая создавались одними и теми же авторами, так как и та и другая были частями одной литературы трагического для народа Хорватии периода. Ее максимально объективное изучение имеет огромное значение для формирования современного общественного и художественного сознания хорватов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vučetić Š. Hrvatska književnost u vrijeme narodno-oslobodilačke borbe // Republika. Zagreb, 1975. № 10.
2. Jelčić D. O projektu "Documentacija o hrvatskoj književnosti XX stoljeća" // Kronika. Zagreb, 1995. № 2.

ЧЕПЕЛЕВСКАЯ Т.И. После распада Югославии весной 1941 г. территория Словении в течение нескольких апрельских дней была занята и разделена между тремя странами. Большая часть словенских земель отошла Германии, которая сразу же начала проводить политику германизации. С первых дней оккупации официальным языком общения был признан немецкий, закрылись все словенские школы, прекратили выходить многие печатные издания, последовательно уничтожались книги на словенском языке во всех публичных и многих личных библиотеках.

Если на территориях, занятых немецкими и венгерскими войсками, вплоть до

освобождения, замирает политическая и культурная жизнь словенского населения, то в так называемой Люблянской покраине с центром в Любляне (к ней относились территории Нижней и часть Внутренней Краины), оказавшейся под властью Италии, сохранились некоторые признаки политической и культурной самостоятельности: сохранились позиции словенского языка – он использовался как официальный наряду с итальянским, продолжали работать словенские начальные школы, в Любляне действовали оперный и драматический театры, выходило несколько журналов, печатались книги на словенском языке (хотя сразу была введена цензура).

Благодаря особому статусу Люблянской покраины именно здесь происходит консолидация революционных и консервативных сил Словении. 27 апреля 1941 г. в Любляне по инициативе компартии, при участии других демократических слоев был создан Освободительный фронт словенского народа (ОФ), политическая и общественная организация, провозгласившая начало борьбы за освобождение и будущее политическое переустройство страны. Действия лидеров старых политических партий, занявших компромиссную позицию по отношению к новой оккупационной власти и все активнее выступавших против социально-политической программы ОФ, создавали условия для развития гражданской войны. С особой силой она разгорелась в 1943 г. после капитуляции Италии и захвата Германией значительной части территорий бывшей Люблянской покраины.

Уже в начале оккупации деятели словенской культуры (на тайном Пленуме культуры ОФ в сентябре 1941 г.) провозгласили лозунг так называемого "молчания культуры". Однако слово протеста против фашистского террора сказали почти все крупнейшие писатели всех поколений: от старшейшины словенской поэзии О. Жупанчича до самых молодых, только вступающих в литературу. Многие писатели уходили в партизаны, становились бойцами, политработниками, издателями боевых листов, журналов, альманахов. Другие (О. Жупанчич, С. Шали и др.) оставались на оккупированной территории, их произведения печатались как в легальных, так и нелегальных изданиях.

Словенская литература 1941–1945 гг. – это, в первую очередь, так называемая партизанская поэзия, проза, драматургия, народное творчество, а также произведения, созданные в лагерях, тюрьмах, в изгнании. Помимо нелегальной в этот период существовала и легальная литература. Ее авторами, которые в большинстве своем печатались в Любляне, были люди самых разных взглядов: от тех, кто поддерживал ОФ или сохранял нейтралитет, до писателей, открыто выступавших против освободительного движения. Особую группу составляют произведения, которые были созданы в эти годы, не вышли сразу в свет и появились позднее.

Партизанская литература занимает в этот период центральное место. Литература народного Сопротивления явилась не только важной составной частью культурной жизни народа, но и историческим документом того времени. В 1941–1945 гг. происходит существенная жанровая перестройка литературы. Наибольшее развитие получает поэзия, особенно гражданская лирика. В прозе и драматургии преобладают малые формы: повести, новеллы, рассказы, одноактные пьесы-"скетчи"; в публицистике – репортаж и очерк. В Любляне в начальный период войны словенские подпольщики издавали газету ОФ "Slovenski rogočevalec" ("Словенский корреспондент"). Здесь же зимой 1941 г. был напечатан альманах "Slovenski zbornik" (со стихами О. Жупанчича, М. Бора, статьями Б. Зихерла, Э. Коцбека и др.). В начале 1942 г. появляется первая книга стихов Матея Бора (псевдоним В. Павшича) "Одолеем бурю". Его стихотворения, своеобразные гимны освободительной борьбе, отличались особым ритмом, а некоторые из них можно отнести к ритмизованной прозе. Он широко использует новые метафоры, образы, рожденные временем. Сборник сразу получил широкий читательский отклик и в том же году был переиздан, дополненный новым циклом "На партизанской вахте". В 1944 г. М. Бор издает свой второй сборник, куда вошли три цикла стихов ("Мосты надежды", "Сожженные долины", "Нине"). Его партизанская лирика патетична. В стихах звучат не только призывы к борьбе, но и слова

скорби и боли, обращенные к матери, любимой, землякам, страдающим в изгнании, тюрьмах и лагерях. Но вместе с тем он полон уверенности в грядущую победу. Если М. Бор – "придворный поэт ее величества революции", а его агитационные стихи – "песнь огненного рождения" (О. Жупанчич), то К. Дестовник-Каюх – в первую очередь поэт-лирик. Его поэтический сборник, напечатанный на гектографе в 1943 г., сразу же принес ему широкую популярность. В него вошли и агитационные стихи, и произведения, в которых молодой поэт-партизан размышлял о судьбе своего малочисленного народа, обреченного фашизмом на уничтожение. "Мы не былинки / Нас град нещадный не побьет / И мы не просто цифры счета / Мы – народ" (перевод А. Суркова) [1], – писал он в стихотворении "Словенская песнь", где отчетливо проявились следы влияния поэзии В. Маяковского. Особое место в его поэзии занимают стихи, посвященные дружбе между народами ("Мосты", "Советским героям"). Однако вершиной творчества Каюха явился написанный в 1943 г. в тюрьме цикл лирических стихотворений, созданных в форме писем к возлюбленной. В них переплелись любовные переживания и мысли о необходимости продолжать борьбу. По своей тональности к этому циклу примыкают произведения, посвященные матери поэта ("Где ты, мама?") и всем страдающим словенским матерям ("Матери павшего партизана").

Особую роль в эти годы сыграла поэзия О. Жупанчича. Появившееся в самом начале войны стихотворение "Чтишь, поэт, свой долг?" сразу стало восприниматься как призыв к деятелям культуры сказать свое слово в защиту народной борьбы. Его произведения – эпиграммы на политических деятелей, стихотворения, посвященные жизни разоренных словенских деревень ("Горенская идиллия 1941–1942", "Реквизиция"), воспевающие дружбу русского и других славянских народов ("Туда мы найдем путь", ода "Освободителям") – это не только отклик на реальные события, но и плод зрелых размышлений.

Наряду с сочинениями Ф. Прешерна, которые распространялись в виде листовок и звучали как боевой призыв, произведения О. Жупанчича, М. Бора, К. Дестовника-Каюха оказали воздействие на развитие партизанской поэзии – в них нашли наиболее полное отражение главные, созвучные времени и общему настроению воюющих, темы и мотивы. В стихотворениях поэтов-партизан И. Корошеца, Т. Селишкара, П. Левица, И. Минатти, В. Брест, сонетах Й. Удовича, И. Чампы, Ф. Космача звучали не только призывы к борьбе, но и темы боевого братства, памяти и ненависти к врагам. Но сквозной, объединяющей являлась тема родной земли, ее будущего.

В партизанской публицистике заметное место принадлежит репортажу и очерку. Их авторами были и известные, и молодые писатели: Б. Фландер (Ключос Йож), М. Бор, Л. Светко, М. Ярц, Ф. и Й. Козаки и др. Документальные свидетельства о событиях и людях переплетались в них с личными переживаниями авторов. Стремясь избежать шаблонов агитационной литературы, они подчас создавали художественный образ главного героя повествования, тем самым раздвигая границы жанра, приближая его к короткому рассказу.

В прозе этого периода господствовали короткий психологический рассказ и повесть, продолжающие линию словенской крестьянской прозы XIX в. Произведения Б. Фландера (сборники "Герои Верхней Крайны", "Батальон"), рассказы К. Грабельшека-Габера, И. Потрча, В. Зупана, А. Инголича, Й. Брейца и других отражали развитие партизанской борьбы, распространения идей освободительного движения среди масс, в первую очередь, среди словенских крестьян.

В период оккупации на сцене Люблянского Драматического театра, наряду с пьесами итальянских и немецких авторов, а также шедеврами мирового классического репертуара, ставились произведения словенских драматургов (А.Т. Линхарта, В. Левстика, И. Цанкара, Ф. Говекара, И. Тавчара и др.). Были осуществлены постановки четырех пьес современных авторов. Эти пьесы не содержали в открытой форме элементов критики властей, но, сохраняя словенские театральные традиции, несли народу живое словенское слово.

Деятельность партизанских театров была иной. Небольшие театральные группы

создавались на освобожденных от фашистов территориях, в партизанских бригадах, в малых и крупных соединениях. В первый, самый трудный, период войны особой популярностью среди партизан пользовались так называемые "пестрые" программы или сценические монтажи (отдельные номера, связанные единым конферансом, и исполнявшиеся во время митингов, часто в перерывах между боями). С появлением профессионалов театр перешел к постановке одноактных пьес-"скетчей", а затем (после создания постоянно действующего Словенского национального театра в г. Черномле, 14. I. 1944 г.), – пьес классического словенского репертуара (А.Т. Линхарт. "Жупанова Мицка"; И. Цанкар. "Король Бетайновы") и произведений авторов-партизан.

Заметную роль в развитии партизанской драматургии сыграло творчество М. Бора, автора любимейшей пьесы словенских партизан "Оборванцы". Не меньшую известность среди партизан не только Словении, но и Хорватии и Сербии приобрела пьеса М. Клопчича "Мать". Она была сыграна более 200 раз.

В одном из партизанских соединений, на базе типографии "Триглав", усилиями группы энтузиастов во главе со скульптором Л. Лавриным был создан кукольный театр [2]. Действующими лицами его первых представлений (1944) были как традиционные куклы (гимнаст, клоун, моряк, распеваящий с красавицей куплеты на мотив шлягера "Дили Марлен"), так и куклы-символы военного времени: Гитлер, Муссолини, эсэсовец Фриц, итальянский фашист Бенито, белогвардеец Янез, а также партизан Павлиха (герой, во многом напоминающий нашего Василия Теркина). После первых спектаклей и успеха в программу была включена короткая пьеса "Юрчек и три разбойника", написанная самими исполнителями на основе предвоенного музыкального кукольного спектакля.

В годы народно-освободительной борьбы переживает расцвет устное народное творчество. Значительная часть произведений, созданных простыми бойцами, жила по законам фольклора – теряла имя своего автора, варьировалась, становилась в конце концов произведением коллективного творчества. В них аккумулировалась энергия малочисленного славянского народа, защищающего свою культуру, свой язык, свою независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поэзия Словении. XX век. М., 1989. С. 159.
2. Gerlovič A. Partizansko lutkovno gledališče. Ljubljana, 1979.

ШЕШКЕН А.Г. Перед войной деятели национальной культуры и литературы считали первостепенным вопрос о создании македонского литературного языка. В 1938–1941 гг. в Македонском литературном кружке в Софии (Д. Митрев, Н. Вапцаров, Г. Абаджиев и др.), существовавшем нелегально, эта задача была признана одной из главных. Исключительную роль здесь сыграл К. Рацин (поэт ярко выраженной революционной направленности, активный сторонник борьбы за социальное освобождение своего народа и за независимость Македонии) и его сборник "Белые рассветы" (1939) – первый поэтический сборник на македонском языке, запрещенный как в Болгарии, так и в Югославии.

Национальная литература, национальный литературный язык македонцев в буквальном смысле завоевывались в борьбе. Поэтому – как ни парадоксально это звучит – для македонской литературы война не стала экстремальной фазой в истории. И до войны национальная культура и литература македонцев существовали в условиях близких к экстремальным. Война не нарушила естественный процесс развития их литературы, как это произошло у других народов. Напротив, македонская литература получила возможность развиваться в партизанской печати. Военные годы – это время

накопления творческого потенциала, годы первых литературных опытов для известных впоследствии македонских поэтов А. Шопова, С. Ивановского, В. Малеского и др. Правда, и потери были огромны. Погибли К. Неделковски (1942), М. Богоевски (1942), погиб и один из основателей македонской литературы К. Рацин (1943), оказавший на рождающуюся в огне и боях македонскую литературу решающее влияние.

Господство поэзии в македонской литературе военного периода объясняется не только особенностями времени, но и естественным состоянием этой молодой литературы, где прозаические жанры еще практически не сложились. И в поэзии, и в фольклоре основными были мотивы борьбы против фашизма и за "свободную Македонию". В народных песнях того периода преобладает героический пафос, выражается готовность идти за нее на смерть.

Македонские поэты сыграли важную роль в собирании этих песен. Их первым собирателем и издателем был К. Рацин. По возвращении из Пиринской Македонии, куда он был интернирован, он возглавил партизанскую типографию им. Г. Делчева. Он отредактировал и издал двадцать им же самим записанных партизанских песен ("Македонские народно-освободительные песни". Сборник I, 1943). Вскоре К. Рацин погиб, не успев издать второй сборник, который отредактировал и выпустил В. Малески, ныне известный македонский писатель. Несмотря на то, что песни считаются народными, авторами многих из них были впоследствии получившие популярность македонские поэты, в частности, В. Малески и А. Шопов. В. Малески написал слова к "Песне македонских партизан", "Денес над Македонија...", ("Сегодня над Македонией..."), "Маршу 1-й македонско-косовской ударной бригады". А. Шопов – автор слов к "Маршу 3-й македонской бригады", К. Чашуле – к "Маршу македонской молодежи".

Многие из этих песен помнят и сегодня. Так, по мнению исследователей фольклора, песня В. Малеского "Сегодня над Македонией..." получила характер национального гимна.

А. Шопову удалось издать в 1944 г. в Белграде сборник "Стихи", в котором молодой поэт воспевает героический подвиг своего народа в борьбе с фашизмом. Близость к народной поэзии в этом сборнике очевидна: автор использует ее выразительные средства, зачины, постоянные эпитеты, образность, размеры. В стихотворениях сборника преобладает романтический пафос, обозначена оппозиция любовь-смерть, связанная с мотивом гибели юношей и девушек в бою.

Таким образом, народно-освободительная борьба – важный этап в развитии македонской литературы. После войны, когда были созданы условия для свободного существования македонской национальной культуры и языка, когда македонский народ обрел государственность в рамках Югославии, македонская литература стала развиваться ускоренными темпами, используя и опыт литературы военных лет.

НИКОЛАЕНКО В.В. Последние пять лет в восточноевропейских странах – время переосмысления национальной истории. Это относится и к политической истории, и к истории культуры, и к проблеме "литература и война". Я попытаюсь наметить круг вопросов, которые встают перед болгаристом. Эти вопросы – как представляется – могут остаться и без ответа. Они намечают структуру следующих исследований истории, мифа и культуры.

Прежде всего – это вопрос литературоведа и историка болгарской культуры к историкам. Действительно ли режим, правивший в Болгарии 1930–1940-х годов, можно назвать фашистским, и если да, то почему? Ведь несомненно, что этот режим (безусловно, не образец демократии) был куда мягче и нацистского, и советского. То, что Болгария была союзницей Гитлера, ничего не доказывает: Англия была союзницей Сталина, не став при этом "советской".

Действительно ли партизанское движение было столь мощным, как это считалось ранее? В какой мере оно было самостоятельным, а в какой – направлялось из

Москвы? Насколько болгарская интеллигенция сохраняла свои традиционные "левые", русофильские и антиправительственные настроения? Наконец, было ли начало войны вообще столь уж резким переломом в болгарской истории – достаточно резким, чтобы отсчитывать от него новый ее этап?

Другой круг вопросов можно задать литературоведам и историкам культуры. Во-первых, нам надлежит исследовать – и, по возможности, *sine ira et studio* – обе противоборствовавшие в то время идеологии. На какие традиции национальной культуры опирались социализм и консервативный патриотизм? Вероятно, фашиствующий Й. Бадев и коммунист Н. Вапцаров оба имели в виду настроения и ценности, уже присутствующие в культуре. Так нацизм использовал мотивы национальной мифологии: любви к родине, а большевизм – миф о справедливости; дьявол не изобретателен, всякое зло есть лишь искаженное добро.

В первую мировую войну вспышка шовинизма спровоцировала и целый ряд попыток углубленного национального самопознания. Не произошло ли чего-нибудь подобного и в начале сороковых? Не связаны ли с такого рода настроениями, например, мотивы "крови" ("биологии", если угодно) и "почвы" в поэзии Е. Багряны (что вовсе эту поэзию не скомпрометировало)? Не была ли критическая антология Н. Райнова "Вечное в нашей литературе" такой же попыткой ввести официозный патриотизм в культурные рамки?

Не только ключевые вопросы исследований болгарской литературы и истории, но и восстановление истинных пропорций должно интересовать нас сегодня. Если их исправить, то творчество Н. Вапцарова и В. Андреева, вероятно, перестанет представлять весь период в целом – подобно тому, как для нас символами определенного времени перестают быть лишь Горький и Маяковский. Зато некоторые фигуры (А. Вутимски или В. Петров), вероятно, потребуют большего места в культуре, чем то, которое им до сих пор отводилось. Так на наших глазах вырастают фигуры Мандельштама и, скажем, А. Платонова. Избежать при этом новых перекосов и новых "вычеркиваний" – дело научной добросовестности.

ГУГНИН А.А. Серболужичане как коренное славянское меньшинство в Германии вступили в конфронтацию с национал-социализмом задолго до начала второй мировой войны. Националистические идеи в Германии возникли не вдруг и не на пустом месте и, не касаясь здесь их истории, напомним лишь, что еще в 1920 г. в правительстве Веймарской Республики был создан так называемый "Вендский отдел" ("венды" – одно из немецких обозначений серболужичан), который располагался в Будишине (Баутцене) и просуществовал до 1945 г. Этот "отдел" по сути предназначался для "поощрения растворения вендов в германстве", как гласят инструкции в его сохранившихся архивах.

Реваншистские и шовинистские силы в Германии стремились не только к восстановлению немецкого государства в границах 1914 г., но и к созданию "Великой Германии" ("Großdeutschland"). Для обоснования своих геополитических притязаний немцы стремились использовать в том числе Конгрессы европейских национальных меньшинств, которые с 1925 г. ежегодно собирались по инициативе проживавших вне Германии немцев.

В дискриминационной политике национал-социалистов по отношению к серболужичанам отчетливо различаются два этапа: с 1933 г. до 18 марта 1937 г. и с 1937 г. до мая 1945 г. На первом этапе нацисты, действуя в основном через "Вендский отдел", стремились добиться мирного "растворения" серболужичан в "германстве"; когда же это не удалось, то начался период репрессий. Самой крупной и влиятельной национальной организацией серболужичан была Домовина (родина, отчизна) – Союз серболужичанских обществ, основанный еще в 1912 г. и пользовавшийся огромным авторитетом среди лужичан. Отказавшаяся выполнять требования "Вендского отдела", стремившегося открыть в эту организацию доступ немцам, Домовина была запре-

цена 18 марта 1937 г. Были распущены и другие серболужицкие общественные организации, арестованы архивы, в том числе архив Матицы серболужицкой; многие бесценные памятники, ценнейшие рукописи, документы были уничтожены или бесследно исчезли. Были закрыты все газеты и журналы на лужицких языках, начались массовые аресты и выселения. Различного рода репрессиям подверглись и некоторые деятели лужицкой культуры, в том числе такие крупные писатели как Я. Скала, П. Недо (председатель Домовины в 1933–1937 гг.).

Рано оборвался творческий путь Ю. Хежки (1917–1944), заявившего о своем таланте в журнальных публикациях (в том числе поэтических переводах К.Г. Махи), в рукописной газете "Гмейска гейя" (1937–1938), которая стала своеобразной хроникой фашистского террора в Сербской Лужице, и в обнаруженных посмертно рукописях, наиболее важной из которых является подготовленный самим поэтом сборник "На пути к другой родине", впервые опубликованный его другом, чехом М. Кречмаром, в 1961 г. Сам Ю. Хежка, который с 12 лет постоянно жил в Праге, и в 1938 г. начал хлопотать о предоставлении ему чехословацкого гражданства, был арестован нацистами в 1939 г., переправлен из Праги в дрезденскую тюрьму, а затем призван в вермахт. Он погиб осенью 1944 г. на Балканах при попытке перебежать к югославским партизанам. Поэзия Хежки – более, чем у кого-либо из лужицких поэтов первой половины века, – возвращена стилевыми течениями XX в.: прежде всего поздним экспрессионизмом в его наиболее продуктивной жанровой модификации, получившей обозначение "натургедихт" (О. Лёрке, Г. Айх, П. Хухель), и чешским сюрреализмом. Глубокая укорененность в трех культурных традициях (лужицкой, немецкой и чешской), тоска по родине и нежелание возвращаться в нацистскую Германию, ненависть к фашизму и глубокое осознание трагедии, уже разразившейся на его родине, но надвигающейся и на всю Европу – вот основные "компоненты" лирики Хежки, значение которой для развития серболужицкой поэзии XX в. вряд ли можно переоценить.

Особо важную, незаменимую роль в процессе национальной консолидации перед лицом фашистского террора сыграло понятное и общедоступное по форме и содержанию творчество писателей, достигших всенародной известности уже в межвоенное двадцатилетие. В их числе необходимо в первую очередь упомянуть М. Навку (1885–1968), Ю. Велю (1892–1969), М. Новака-Нехорнского (1900–1990). Ю. Веля, выступивший как прозаик еще до первой мировой войны, вошел в историю лужицкой литературы и антифашистского сопротивления прежде всего как автор социально-критических и антифашистских пьес "Хозяин и работник" (1931), "Дракон" (1936), а также пьес на народно-мифологические ("Загубленная невеста", 1935) и исторические ("Наш дом", 1937) сюжеты. Событием общенационального значения стала пьеса "Дракон", в сюжет которой Веля, используя христианскую легенду о Георгии Победоносце, заложил весьма злободневную аллегория о необходимости сопротивления фашизму и о его неизбежном крушении. Одна из последних постановок "Дракона" состоялась в августе 1936 г. на традиционной встрече лужицких студентов, ей не смогли помешать и специально посланные туда группы нацистов. Но еще в апреле 1937 г. удалась последняя публичная постановка пьесы Ю. Веля "Наш дом", исторической драмы на сюжеты Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. (с аллегорической антифашистской подоплекой). Это стало по существу последней массовой антифашистской демонстрацией в Сербской Лужице.

С 1937 г. оставшиеся на свободе члены Домовины приступили к организации антифашистского сопротивления, в котором активное участие принимали и писатели, в том числе молодые Ю. Брезан и Ф. Метшк, сыгравшие после 1945 г. выдающуюся роль в восстановлении и развитии серболужицкой культуры. Вплоть до ареста в 1939 г. продолжал активную антифашистскую деятельность М. Новак-Нехорнский, талантливый прозаик и переводчик, репортер и художник, чье творчество на всех названных направлениях составило целую эпоху в серболужицкой культуре. Развенчивая нацистскую идеологию еще задолго до 1933 г., он использовал самые различные жанровые формы. Большой резонанс, например, вызвала его аллегорическая сказка

"Аист, король лягушек" (1929), где проводилась мысль о том, что лужицкий народ не станет безвольной жертвой тоталитарного фашистского государства, но найдет в себе силы, мужество и волю для духовного сопротивления. Как определить ту роль, которую сыграла подобная литература в поведении лужичан в годы нацистского террора? К примеру, летом 1939 г., когда при переписи населения необходимо было ответить на вопрос о родном языке (из чувства страха и самосохранения, конечно, многие тогда предпочли написать "немецкий"), достаточно большое количество жителей Сербской Лужицы назвали своим родным языком "серболужицкий", что в секретных отчетах гестапо совершенно недвусмысленно было расценено как антифашистская политическая позиция. С 1933 г., когда цензурные условия ужесточились, Новак-Нехорнский стал выступать под псевдонимом "Бобак" (пугало, чучело), обучился "эзопову языку" и особенно искусно пользовался им в жанре путевых заметок и репортажей. Ему удалось издать книги "В царстве Душана Сильного" (1936, о Югославии) и "По лужицким дорогам" (1937), которые, правда, быстро были распознаны, запрещены и конфискованы нацистами. Свои дальнейшие репортажи ("Мазурские картины", "Пруссия вдоль и поперек") писатель размножал на гектографе и распространял нелегально вплоть до упомянутого уже ареста в 1939 г.

Необходимо упомянуть и о трагической судьбе крупнейшего верхнелужицкого прозаика первой половины XX в. Я. Лоренца-Залеского (1874–1939), с 1920-х годов и до самой смерти занимавшего активную гражданскую, а затем и антифашистскую позицию. В 1938 г. Лоренц-Залеский был арестован нацистами и умер при невыясненных обстоятельствах. Жестокий фашистский террор привел к тому, что антифашистское сопротивление на территории самой Сербской Лужицы к началу второй мировой войны было практически подавлено. Но мужество, проявленное Домовиной, лужицкой интеллигенцией при поддержке заметной части населения в 1933–1939 гг., несомненно, способствовало консолидации и духовному возрождению серболужичан поле разгрома фашизма в 1945 г.

БОГДАНОВ Ю.В. В созданной в 1992 г. самостоятельной Словацкой республике в центре оживленной дискуссии оказалась многообразная проблематика самоутверждения национальной государственности, обоснования ее жизнеспособности. Особенно жаркие споры завязались вокруг такого государственно-политического феномена, каким была возникшая под патронатом нацистской Германии Словацкая республика (1939–1944) на главе с президентом, католическим священником Й. Тисо, лидером клерикально-националистической Глинковской словацкой народной партии, давно добивавшейся от Праги политической автономии. После 1945 г. ее было принято однозначно расценивать как сугубо эфемерное, конъюнктурное образование, именуя не иначе, как клеро-фашистское, "так называемое" словацкое государство. Связанная союзническими, а по существу вассальными отношениями с гитлеровской Германией, Словацкая республика должна была в соответствии с договором выстраивать свою внешнюю политику "в тесном взаимодействии с германским правительством"; за внутриполитическую ситуацию в стране отвечали словацкие власти, находившиеся, однако, под неусыпным надзором германского посольства в Братиславе. Мечта многих поколений словацких патриотов о достижении национальной свободы обернулась по иронии истории опытом сомнительной государственной самостоятельности, основанной на вынужденном компромиссе с агрессивной тоталитарно-расистской доктриной.

В 50–80-е годы исследователи акцентировали (и абсолютизировали) очевидные негативы авторитарного режима Словацкой республики, обходясь без должного учета реальной исторической ситуации и как бы не замечая угрозы раздела, которая нависла над Словакией в марте 1939 г. Между тем не случайно в ту пору большинством творческой интеллигенции провозглашение и образование "своего" государства воспринималось, особенно на первых порах, сквозь призму теории меньшего зла: при полном

запрете антиправительственной политической деятельности, жесткой идеологической цензуре и практике национальной нетерпимости словацкие земли все-таки избежали оккупации (за исключением территорий на юге, отошедших к хортистской Венгрии), здесь – в отличие от Чешских земель – не свирепствовало гестапо, поддерживался декорум патерналистского "христианского солидаризма" ("все словаки – братья!"). Образ мирной, процветающей Словакии, растиражированный официальной пропагандой, стал стремительно меркнуть после нападения Германии на Советский Союз и вынужденной отправки на Восточный фронт двух словацких дивизий. После 1942 г. все активнее давало о себе знать движение сопротивления, кульминацией которого стало Словацкое национальное восстание (29 августа – конец октября 1944 г.).

В современной словацкой историографии и политологии в последнее время участились попытки максималистской реабилитации Словацкой республики, вплоть до перечеркивания исторического смысла Словацкого национального восстания, символизирующего вклад словацкого народа в борьбу с фашизмом. Преобладают, однако, тенденции к спокойному, объективному рассмотрению всех сложностей исторической ситуации, к выявлению ранее замалчиваемых фактов динамичного экономического развития Словакии в годы войны, роста материального благосостояния населения, заметных достижений в сфере образования и культуры. Речь идет о фактах, удостоверяющих способность словаков к оптимальной самоорганизации и продуктивному суверенному существованию. В круг подобных исследований вписываются и появляющиеся работы, посвященные "новому прочтению" литературы этого периода.

Нельзя не согласиться с мнением современных словацких исследователей, что литература военных лет в Словакии после 1945 г. и, в особенности, после 1948 г. изучалась крайне неравномерно, выборочно и главное – тенденциозно. Резко отрицательное отношение к клерикально-националистическому режиму Словацкой республики так или иначе переносилось и на литературу, на художественные произведения, легально издававшиеся в то время. Шлейф недоверия и подозрительности сопровождал на протяжении десятилетий очень многих, если не большинство авторов таких произведений. Политическая конъюнктура то вычеркивала их имена из литературы, то частично – редко полностью – возвращала им творческий статус. Так было с ведущими поэтами межвоенного двадцатилетия Я. Смерком и Б. Лукачем, редактировавшими в годы войны журналы "Eran" и "Tvorbа" ясно выраженной общедемократической ориентации, или с В. Беньяком, возглавлявшим "Общество словацких писателей", из которого не были исключены в те годы даже писатели-коммунисты Л. Новомеский и Я. Поницан, продолжавшие выступать в печати со своими произведениями; немалые сложности испытали поэты из плеяды сюрреалистов ("надреалисты"); почти полному ostrакизму была подвергнута поэзия словацкой католической модерна и т.д. Под строгим запретом, естественно, оставались писатели, эмигрировавшие после 1945–1948 гг. на Запад, среди них Й. Цигер-Гронский, Р. Дилонг, А. Жарнов.

Обо всем этом действительно долго умалчивалось или говорилось крайне скупое, с постоянной оглядкой на идеологические инстанции. Активно разрабатывалась лишь тематика, непосредственно связанная с отражением в литературе антимилитаристских и антифашистских настроений, причем круг имен и произведений, привлекаемых для анализа, медленно, но неуклонно расширялся. М. Баторова, автор монографии о литературе военных лет "Годы страха и отпора" (1992) пишет о существовавшем в те годы "творческом полифонизме и мыслительском плюрализме". По ее убеждению, вся культура периода Словацкой республики была "гуманистически и антифашистски ориентирована". Несмотря на очевидную полемическую заостренность подобной формулировки, общая направленность исследовательской мысли представляется вполне правомерной.

Ведь именно об этом, не о разрыве, а о продолжении гуманистической традиции в

литературе говорилось, в частности, в докладе Л. Новомеского на первом съезде деятелей науки и культуры Словакии (1945). Иное дело, что впоследствии аналитический подход был подменен огульным отбрасыванием художественных ценностей этого периода.

ШВЕДОВА Н.В. Военная (по времени и по проблематике) поэзия Павла Горова (1914–1975) представляет собой весьма значимое явление в словацкой литературе XX в. и в творческом развитии самого писателя. Первые его книги – "Предательские воды грунтовые", "Ниобея мать наша", "Возвращения" – выходят в 1940–1944 гг. Поэтика раннего Горова отчасти близка словацкому сюрреализму (надреализму). Вместе с тем творчество поэта нельзя однозначно отнести к какому-либо авангардному течению. Новое художественное мышление и новые приемы, открытые авангардом, получали в нем сугубо индивидуальное преломление и переплетались, "срастались" с традициями.

Проблему "авангард и традиции" рассмотрим на примере сборника "Ниобея мать наша" (1942). Одна авангардная черта – отсутствие пунктуации – характерна для всего военного творчества Горова. Отдельные части книги заметно различаются по своей поэтике. Однако они объединены не только антивоенным, гуманистическим пафосом, ощущением глобальной катастрофы и невозможности потерь, но и многими сквозными образами, приобретающими символическое значение. Один из них – монета, как воплощение жизненных ценностей, ложного или истинного богатства человека. К ним же принадлежит и заглавный образ "Матери Ниобеи", ставший также названием включенной в книгу поэтической композиции.

Сборник открывает стихотворение "Что тебе осталось?". Уже в нем видно переплетение поэтик: традиционной, идущей от романтизма и переосмысленной на рубеже веков, и авангардной – сюрреалистической. Разная степень приближения к традиции или к авангарду проявляется и в приемах стихосложения. Поэт с одинаковой легкостью использует и верлибр, и силлабо-тонику, рифмованный и нерифмованный стих; чем больше у Горова экспериментальной образности, тем свободнее метрическая и строфическая организация стиха, и наоборот. Своего рода антиподами становятся ассоциативная, фрагментарная, написанная верлибром "Ниобея мать наша" и сонетный цикл "Надписи на могилах", строгой форме которого соответствует более традиционная образность, нередко созвучная символизму. Распадающийся, хаотичный мир, взорванный войной и субъективно запечатленный, – и философское размышление об этом мире, не лишенное экспрессивной яркости, – такая двуплановость и обуславливает разные стилевые особенности. Это тем более заметно при сопоставлении сходных или тождественных образов (крики "слава!" в алогичном, как кошмарный сон, контексте "Ниобеи" и в последовательно разворачивающейся образной ткани сонетов). "Надписи на могилах" самой формой сонетного цикла указывают на традицию "Кровавых сонетов" Гвездослава (1914), откликнувшегося на первую мировую войну.

Центральный символ Горова – безумная Ниобея, мать погибших; она появляется и в сонетах. Сквозные мотивы – монета-подаяние с портретом "старого" или "нового" короля, взлетающие стаи птиц, крики и тишина, склоны, по весне набухающие кровью, образ бессильного, но протестующего поэта – в разных контекстах приобретают дополнительные смысловые оттенки, обрастают "кругами" ассоциаций или вписываются в развитие образов, проясняющих символический план. Эти мотивы подчеркивают "синтетичность" поэтики Горова, как бы "соединяя" в себе разные художественные течения.

Мотив монеты с портретом короля – "мертвого" и "будущего", соответственно "фальшивой" и "настоящей", – развивается в стихотворениях цикла "Трещиной крови", составляющего третий композиционный "блок" книги и своеобразно "синтезирующего" разнонаправленные начала "Ниобеи" и сонетов. Горюк использует здесь и

свободный стих, и силлабо-тонические размеры, нередко экспериментируя с рифмовкой, вводя "песенные" рефрены. Образность также сочетает в себе спонтанную "предметность" авангарда и символистскую мистическую недосказанность – даже в рамках одного стихотворения.

Оптимистические ноты, появляющиеся в этом цикле, тоже связаны с основными мотивами. Языческий образ Ниобеи неявно трансформируется в близкий христианству образ скорбящей матери, женщины-утешительницы, заступницы, или женщины, несущей откровение ("Уже идет"). Возрождение человечества, красоту и мечту Горюв настойчиво связывает с женщиной – грядущей "королевой", повелительницей "нищих и детей", "обделенных"; ее портрет отчеканен на монете, которую только поэт сможет достать "из грязи" ("Вопреки всем"). Символом будущего становятся мечтательные, беззаботные дети – условно говоря, "внуки Ниобеи", приходящие на могилы отцов. Особо значимо в цикле одно из лучших стихотворений Горюва: "И все ж останешься".

Вводное стихотворение книги называется "Что тебе осталось?"; ответ был – угли и пепел. Во втором стихотворении "остается" и "длится вечно" то таинственное и прекрасное женское начало, которое осознается как животворное и воскрешающее. Этот намеренно неясный, "неназываемый" символ, неумиряющая "ты", сродни символистскому "Дева, Заря, Купина" (Блок) – Вечной Женственности. И вновь звучат в этом произведении – с его изысканно традиционной строфикой и рефреном-эхом – ключевые мотивы: "Как подаенье нищему во тьме блистаешь / Взлетаешь над грозой как будто птичья стая" (перевод мой. – *Н.Ш.*).

Связь с традициями помогла поэту, чуткому к авангардным веяниям, уловить и передать катастрофичность времени и смятение человека, не потеряв при этом почвы под ногами. Тяга к традиции, соотносимой с вечными ценностями, не случайно усиливается. Целостное гуманистическое мировоззрение и органичное слияние разных тенденций в рамках индивидуальной поэтики позволили П. Горюву занять одно из наиболее значимых мест в словацкой литературе военных лет.

АНДРИЯКА И.А. Мы остановимся на предвоенных произведениях Людо Ондрейова (1901–1962): сборнике стихов "Обман", 1936; цикле приключенческих очерков "Африканский дневник", 1936; "В горах Суматры", 1936; "Приключения в диких лесах", 1940, и, особенно, на поэтическом сборнике "Кабацкие песни", увидевшем свет в 1941 г.

В поэтическом сборнике "Обман", изданном в 1936 г., когда уже витали в воздухе призраки грозных событий (наступления фашизма, новой войны), чувствуется явный скептицизм. Для Ондрейова-поэта в то время характерны декадентские настроения, уход в себя, чувства безнадежности, разочарований. Духовные искания приводят Ондрейова к ощущению раздвоенности: поэт мечется между необходимостью активного протеста и невозможностью этого в силу многих объективных обстоятельств. Некоторые произведения Ондрейова и стали выражением пассивного протеста, повлекшего за собой бегство автора в мир детства – мир, где можно еще сделать что-то хорошее из маленького человека.

От действительности Ондрейов пытался укрыться на безымянной сказочной планете ("О золотой пещере", 1935), где живут карлики, перенося самые обыкновенные человеческие истории в фантастический мир.

Избежать на какое-то время соприкосновения с действительностью, необходимостью ее анализировать помогло Ондрейову и обращение к теме природы экзотических стран в приключенческом цикле о путешествиях. Ондрейов никогда не выезжал за пределы Европы, но жажда неведомого, непознанного, мечта о путешествии в далекие страны не покидала писателя. Создание "путевых заметок" стало результатом внутренней потребности автора перенестись хотя бы мысленно в дикие джунгли, первозданные леса, попасть в мир нетронутой природы, встретиться и пообщаться с

людьми, не испорченными цивилизацией, тем более, той, что породила фашизм.

Поэтический сборник "Кабацкие песни" (1941) выходит в разгар второй мировой войны. Сильно изменилась общественно-политическая ситуация и на родине писателя. Чехословакия уже не существует. В результате Мюнхенского сговора (1938) произошло ее раздробление на Протекторат Чехия и Моравия и Словацкое государство. В 1939 г. мир втянут в войну. Однако на территории Словакии, ставшей сателлитом Германии, жизнь течет спокойно и размеренно. И все же реакция общества, пусть даже пассивная, не замедлила себя проявить – в словацкой литературе наблюдается массовый уход от реальности, от современности. Историю писатели предпочитают настоящему, сюрреальность – реальности. В прозе тех лет процветает натурализм, в поэзии – надреализм с его погружениями в подсознание.

Ондрейов выражает себя иначе: он тоже ищет забвения, но ищет его в корчме, где за бокалом вина можно пересидеть, переждать смутные времена: "сичу сегодня я в корчме покинутый", "завтра меня, возможно, здесь уже не будет... ну, что ж – исчезнет лишь один ненужный человек". Корчма представляет для поэта некое утрированное средоточие "словацкого", стержень, за который еще можно держаться, единственно приемлемый мир, вокруг которого мрак, "студеные бесконечные ночи". Вино у Ондрейова – не одурманивающий алкогольный напиток, помогающий забыть, а живой сок винограда, почерпнувшего свои силы из Земли, эликсир Жизни, подаренный людям Матерью-Природой.

Время, история наложили тяжелый отпечаток на творчество поэта, на его сознание, душу, прибавили грусти поэзии. Л. Ондрейов теперь мало думает о смысле жизни. В сборнике "Кабацкие песни" он лишь констатирует: "Я – сын ужасного времени", "шатаюсь по жизни". Его мучает один вопрос: "Что... делать?".

Рассмотрение творчества писателя в аспекте его отношения к войне и фашизму позволяет заключить: вопреки известному общепринятому мнению о том, что прогрессивным считается лишь активно протестующий художник, можно высказать и иное. Таким примером пассивного антифашистского протеста в словацкой литературе и стали некоторые произведения Л. Ондрейова.

ОСИПОВА Н.С. Обращение к румынской литературе периода второй мировой войны, ее опыту и урокам позволяет говорить о сходстве литературных процессов в славянских и неславянских странах.

В определенных кругах специалистов принято считать, что диссидентов в румынской литературе последних двух третей XX в. было мало, а оппортунистов, послушных слуг тоталитарных режимов – предостаточно. Рассмотрение темы "литература и война", нашедшей отражение в писательской публицистике, вносит в это утверждение серьезные коррективы.

Как известно, в межвоенные годы, годы существования "великой Румынии" художники были расколоты непримиримостью правозащитных, демократических и левоэкстремистских движений и течений. Серьезные различия в идейно-эстетических позициях, в понимании места и роли искусства и средств художественного воплощения действительности существовали и внутри демократических сил культуры.

Воздействие реальности военных лет сказалось в том, что представители различных направлений в демократическом искусстве – и прежде всего в литературе – проявляют все большую готовность устранить прежние разногласия для объединения и противостояния экстремистскому режиму, насилию.

Нельзя при этом не упомянуть о позициях румынской компартии, которая в платформе-программе от 6 сентября 1941 г. заявляла об отказе – во имя упрочения Единого национального фронта, выступающего против фашизма, – от любого лозунга или действия, которые могли бы оттолкнуть другие политические силы, участвующие в акциях фронта. Именно в этом ключе и создавали свои новые произведения писатели-коммунисты М. Бенюк, Э. Жебеляну, М.Р. Параскивеску и другие, часто отка-

звываясь от разного рода экспериментов и добиваясь доступности слога. Некоторые из них – бывшие левые авангардисты (Дж. Богза, Э. Жебеляну и др.) стремились крепить связи с последователями других литературных течений. В недрах румынского авангарда все более прочными становятся позиции поэтов, связывавших процесс раскрепощения личности с социально-политическим обновлением общества (В. Теодореску, Дж. Наум, И. Пэун и др.). Бунтарским антифашистским содержанием наполняются страницы дважды запрещенного цензурой журнала "Albatros". "Анти-поэзию", которую пропагандировал журнал ("за эстетическое, но против эстетизма"), авторы трактовали как открытый вызов фашистским одам и песнопениям "прислужников вождя Антонеску".

Значительным событием первых лет войны было и письмо молодых литераторов, членов "Сибиуского кружка", знаменитому критику Э. Ловинеску¹, в котором они обосновывали необходимость и жизненность тезиса автономии. В годы засилия правозкстремистских догматов он звучал как эстетический. Ответ мэтра был восторженным и чрезвычайно лестным. Впрочем, все движение "синхронистов", приверженцев синхронного развития румынской литературы с литературами Запада, возглавляемое Э. Ловинеску, находило в эти годы различные возможности поддержать подлинные ценности культуры и ослабить позиции крайне правых, экстремистских движений.

Заметные изменения происходят и в воззрениях неосэмэнэтористов ("сеятелей") и неопопоранистов (народников)², занимавших в довоенные годы прочные позиции. Вождь "сеятелей", знаменитый историк и литератор Н. Йорга буквально за несколько дней до гибели от пуль фашистских убийц писал: "Оторвать человеческий дух от его фундаментальных истин, от правды и свободы, невозможно" (цит. по: [1. Р. 197]). М. Раля, яркий представитель неопопоранистов, выступает со статьями, в которых отвергает идеологию пессимизма, насаждаемую сторонниками правозкстремистских движений в румынской культуре. В статье "Данные для возрождения европейской культуры" М. Раля утверждает: "Печаль стала эстетическим критерием: фильмы, книги, театральные постановки нравятся лишь в случае, если они по сути своей трагичны... Человека надо поднять из руин. Надо возродить и восстановить в правах человечность..." [1. Р. 281]. Средством для этого виделось ему "созидательное миссионерство" деятелей культуры.

Во имя этого "созидательного миссионерства" и работали, преодолевая препоны военной цензуры, самые крупные художники слова Румынии. М. Садовяну, скрывавшийся в горах от преследований "бригад смерти", публикует роман "Остров волков" (1941) о дружбе людей в многонациональной Добрудже, затем завершает историческую трилогию об эпохе Штефана Великого "Братья Ждерь" (1935–1942) и приступает к автобиографической повести "Годы ученичества" – подлинному гимну любимой Молдове и ее обитателям. Т. Аргези выступает с памфлетом "Барон" (1943), направленным против всеильного германского посла в Румынии Киллингера, за что попадает в концентрационный лагерь. Дж. Кэлинеску публикует в 1941 г. свою монументальную "Историю литературы", которая была сразу отвергнута правозкстремистской прессой за то, что в ней якобы игнорируется национальная идея и исследуется творчество писателей-евреев. В концентрационных лагерях томятся и З. Станку, и Л. Пэтрэшкану, и многие другие.

Подобные факты несомненно свидетельствуют о том, что будни антисоветской войны, военные тяготы, давление правозкстремистских догм привели к значительной радикализации лучших сил румынской литературы, вызвали реальный сдвиг влево и на этой основе – привели к сближению идейно-эстетических позиций представителей демократической культуры Румынии. Все это значительно поможет их консолидации в

¹ Члены литературного кружка г. Сибиу оказывали поддержку Э. Ловинеску, его демократическим взглядам во время гонений на него.

² В отличие от "сеятелей", приукрашивавших прошлое, идилизировавших сельскую жизнь, попоранисты выступали за социальные преобразования и экономические реформы, за европеизацию страны.

первые годы после войны в борьбе за подлинно демократическое обновление общества. И вместе с тем именно радикализация творческой интеллигенции в годы войны обусловила ту поддержку, которую оказали многие писатели Румынии лево-экстремистскому режиму, пришедшему к власти в 1948 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cumpăna cuvîntului. București, 1977.

КУРЕННАЯ Н.М. С точки зрения более глубокого понимания событий второй мировой войны, в частности, происходивших в Венгрии в период ее окончания, в плане воссоздания особого социопсихологического фона, на котором они разворачивались, представляет особый интерес художественно-публицистическая книга Йожефа Дарваша "Город на трясине". События последнего этапа войны (1944–1945) – оккупация Венгрии ее союзницей – Германией, приход к власти венгерского фюрера Салаша, штурм столицы советскими войсками, отношение населения страны к русским и немцам – за пятьдесят прошедших лет не раз переосмыслились и получали различные трактовки, поэтому так важна роль произведений, созданных по "горячим следам". Их можно считать историческими источниками, способствующими восстановлению реального хода вещей.

"Город на трясине" написан Дарвашем во время штурма Будапешта советскими войсками зимой 1945 г. Книга эта – о состоянии венгерского общества на протяжении нескольких последних десятилетий. Там делается попытка проанализировать причины, приведшие Венгрию к союзничеству с Германией, а затем заставившие разделить с ней все последствия поражения во второй мировой войне. Эта книга знаменательна и тем, что представляет взгляд на войну из страны, которая до 1943 г. практически не ощущала особых изменений и потрясений ни в политической, ни в экономической областях. Только после Курской битвы, в которой на стороне немецких войск участвовали и погибли тысячи венгров, Венгрия начала осознавать и в полной мере чувствовать, что значит быть союзником Гитлера.

"Город на трясине" стал первой книгой, опубликованной в послевоенной Венгрии. Она ошеломила читателей беспощадной искренностью, обнаженностью чувств, резкостью суждений об ответственности венгерского народа и отдельных политических деятелей за многие национальные катастрофы.

Дарваш сравнивал свое произведение со страстной речью на своеобразном судебном процессе истории, при этом не снимал вины и с самого себя. Главной причиной трагедии венгерского народа, по мнению писателя, был национализм, культивируемый в крайних его формах, как это происходило в Венгрии в межвоенный период. "Вместо путей к примирению с соседними народами и сплочению против германского империализма, угрожавшего независимости каждого из нас, мы позволили ему использовать себя в качестве пешек в игре... На площади Свободы в Будапеште мы поставили безвкусные памятники вместо того, чтобы воздвигнуть там величественный монумент в память об освободительной борьбе малых народов Дунайского бассейна и высечь на нем незабвенные строки из стихотворения Ади: "Скорбь венгра, валаха, славянина всегда будут единой скорбью". Тогда не лежали бы сейчас в руинах кварталы вокруг площади» [1].

Естественно, книга Дарваша не претендовала на всесторонность и фундаментальность, для которых требовалось основательное погружение в документы и факты, попросту – требовалось время. Но нельзя недооценивать большой гражданский и творческий поступок Й. Дарваша, создавшего в разрушенном, горящем Будапеште

такое глубокое и сильное произведение. Отсутствие дистанции между описываемыми событиями и временем создания книги привело к своеобразному эффекту – "Город на трясине" отличается особой остротой и подлинностью переживаний, не приглаженных годами.

Дарваш одним из первых в венгерской литературе откликнулся на поворотное событие в жизни его страны. Но он был не одинок. В течение 1945–1946 гг. появились книги: "Дневник из подполья" Л. Надя и "Игра в преисподней" Т. Дери, ценные не только как свидетельства очевидцев, переживших осаду и штурм Будапешта, но и как значительные произведения художественной литературы, правдиво изображающие и сложную обстановку конца войны, и – главное – людей в час испытаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дарваш Й. Город на трясине. М., 1977. С. 381.

© 1996 г.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. 1960–1980-е ГОДЫ¹

Тема второй мировой войны в литературах стран Восточной Европы, переживших ее в разных воюющих станах, присутствовала на протяжении всех пятидесяти послевоенных лет. На первых порах она преимущественно сводилась к теме антифашистского сопротивления и была связана с идеологическими канонами. Но постепенно освещение военной поры претерпевало в словесном искусстве существенные изменения в так называемой второй волне военной прозы; литература отходила от уже сложившихся стереотипов, идеологических клише; писатели отказывались от одномерного взгляда на саму войну, на антифашистское движение и врага. Многие аспекты этой темы были закрытыми на долгие годы и стали предметом изучения лишь в рассматриваемое нами время. Представляемая на страницах журнала научная встреча была призвана наметить те направления, по которым эволюционировала военная тема, раскрыть, как она соотносилась с развитием художественного творчества, показать, какие писатели ее представляли и каково было ее общественное и художественное звучание.

Выступления даются в сокращении.

ПОНОМАРЕВА Н.Н. В первые послевоенные годы в Болгарии редкий писатель оставался в стороне от воплощения животрепещущей темы времени – антифашистского сопротивления. Первые отклики в периодике были сугубо злободневны и поверхностны. Однако скоро появились произведения, претендующие на серьезное проникновение в эту сложную проблематику. И все же даже наиболее удачные из них несли в себе следы времени, соответствуя обстановке в стране и литературным нормам социалистического реализма.

Начиная с 60-х годов в болгарской литературе постепенно утверждаются новые тенденции, которые сказались и в произведениях о борьбе с фашизмом, существенно подняв их художественный уровень.

Изменения общественно-политической обстановки в стране после 1956 г. и историческая дистанция, отделявшая писателей от времени антифашистского сопротивления, способствовали более взвешенному, чем ранее, отношению к нему. Авторы, писавшие на эту тему, отказываются от излишней пафосности в рассказах о героических

¹ В работе "круглого стола", состоявшегося 24 V 1995 г., принимали участие сотрудники Института славяноведения и балканистики РАН: д-ра филол. наук С.А. Шерлаимова, Г.Я. Ильина, М.В. Фридман, Ю.П. Гусев; канд. филол. наук Н.Н. Пономарева, Н.Н. Старикова, а также О.В. Цыбенко, Л.Ф. Широкова, В.Т. Середа; сотрудники кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ д-р филол. наук Е.З. Цыбенко, канд. филол. наук С.Н. Мещеряков и А.Г. Шешкен. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (93-06-11006).

эпизодах борьбы, делают акцент на ее трудностях, драматизме, на психологии героизма и малодушия, что не снижает искреннего преклонения перед мужеством и самоотверженностью участников Сопrotивления. Писатели стремятся к возможно полному отражению всех перипетий в действиях партизан и подпольщиков – без умолчаний и выборочного освещения событий, что не всегда и не всех устраивало. "Не потому, что то или иное неверно, – пишет один из авторов таких произведений, Д. Овадия, – а потому, что не сто́ит, мол, все выносить на белый свет" [1].

Особое место в литературе о болгарском антифашистском сопротивлении занимают произведения, в которых просматривается сочетание документального и художественного начал, что позволяет их отнести к жанру художественной документальной прозы. (В. Андреев – "Они умирали бессмертными. Партизанский эпос", 1973; Д. Овадия – "Август, август... Мемуары", 1965; "Менахем или террорист. Повесть о Менахеме Менахеме", 1970; "Леваневский. Документальная повесть о Запряне Георгиеве Фазлове", 1978.) Писатели, участвовавшие в антифашистском сопротивлении, не прибегают к художественному вымыслу, остаются строго в рамках фактов. В то же время пластичность изображения, мастерство психологического анализа и многое другое дают основание критикам (да и самим авторам) называть некоторые из этих произведений повестями и даже документальными романами. "Документальный роман? А почему нет. Но менее всего мемуары", – утверждает в одной из статей о "Партизанском эпосе" В. Андреева. – "Здесь сочетаются документ и эссе, высокая лирика и интеллектуальные размышления, трагедия и комизм, кинематографическая динамика времени и пространства и спокойный рассказ – и везде суровая правда и чистая романтика" [2].

Автор документальной прозы 70-х годов ведет повествование от первого лица. Его цель – не описание событий, а осознание их сообразно новому мироощущению, взгляд на них как бы со стороны (несмотря на живость личных воспоминаний и опыта). Именно этим объясняется эссеистский стиль многих произведений.

Несколько особняком в ряду названных произведений стоит документальная повесть Д. Овадия "Леваневский...". Писатель реабилитирует оклеветанного после 9 сентября 1944 г. партизана, взявшего псевдоним "Леваневский". Частное расследование выливается в своеобразное по форме произведение – мозаику аутентичных показаний свидетелей жизни, борьбы и гибели героя. Писатель в нем – лишь объединяющее звено.

В основе исследуемых произведений обычно лежат личные впечатления писателей, активно участвовавших в антифашистской борьбе. Однако, если Д. Жотев (сборник "Пережитые рассказы", 1973) обращается к конкретным фактам эпохи Сопrotивления, то в произведениях К. Колюмова ("Парень и горы", 1974, и др.) можно заметить только "подтекстовое ощущение документалистики" [3]. Тематические рамки не сковывают авторов – они зачастую стремятся к обобщениям глобального характера, связывая их с современностью и ее насущными проблемами.

Значительный вклад в разработку антифашистской темы внес П. Вежинов, обратившийся к ней еще в 40–50-х годах, а в 60-х вернувшийся к ней, но, по выражению одного из болгарских критиков, применив другую оптику [4]. Новое в романе писателя "Звезды над нами" (1966) – философско-аналитический подход к антифашистскому движению, представленному и в экзистенциальном аспекте; писателя занимает вопрос о цене жизни, о смысле существования. Особого внимания заслуживает один из героев этого романа – крестьянин, волею судьбы оказавшийся в рядах Сопrotивления и проявивший высокую нравственность и человечность.

Мысль о высоком нравственном потенциале народа – основная и в сборнике рассказов Й. Радичкова "Пороховой букварь" (1969). Герои Радичкова – крестьяне маленького горного села – сознательно, а чаще интуитивно принимают сторону антифашистов. Из множественности характеристик, из суммы индивидуальных взглядов простых крестьян, часто примитивных и невежественных, вовсе не героических, но обладающих чувством справедливости и долга, вырисовывается богатая деталями картина

общенародного сопротивления. Своеобразна манера писателя, включающая в себя элементы гротеска и фантастической символики, комизм, фольклорно-образное мышление, амбивалентно-ироническое начало.

П. Вежинов и Й. Радичков не стали "летописцами" антифашистской борьбы в Болгарии, но они подчеркнули важность выявления гуманистического аспекта этой борьбы, исследовали поведение человека в исключительных обстоятельствах, требующих выбора и ярко высвечивающих его духовные возможности. Их произведения подняли престиж темы, показали неограниченность ее художественного воплощения.

К концу 80-х годов интерес к теме антифашистского сопротивления заметно снизился – перестройка в общественно-политической сфере меняет взгляды писателей (и других слоев общества) на многие проблемы прошлого страны, в том числе и на эпоху антифашистского сопротивления, историческая оценка которого подвергается подчас кардинальному пересмотру. Насколько справедлив и правомерен этот пересмотр, покажет будущее. Однако очевидно, что тема антифашистской борьбы из болгарской литературы не исчезнет, ее продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Димитров Б.* Давид Овадия. Литературни анкети. София, 1983. С. 33.
2. *Горанов К.* Безсмъртните н живите. София, 1974. Кн. 1. С. 228.
3. *Стефанов Х.* Погледи към съвременната проза и поезия. София, 1979. С. 53.
4. *Куюмджиев К.* Мащабно художествено мислене // Литературен фронт. 15 VII 1982.

ЦЫБЕНКО Е.З. В 70–80-е годы в польской литературе появляется более трех десятков романов и сборников рассказов о войне и фашистской оккупации. Затрагиваются также темы, ранее запретные – о депортации польского населения в глубинные районы СССР в 1939 г. и о Катыни, о сложных и трагических отношениях, особенно обострившиеся в военные годы, между польским и украинским населением на Кресах, т.е. на той части Украины, которая до войны входила в состав польского государства.

Одним из лучших за два последних десятилетия стал роман В. Одоевского "Все завет, заметет...", написанный в 1964–1967 гг., но не пропущенный тогда цензурой. В 1971 г. В. Одоевский уехал из Польши, и в 1973 г. опубликовал его в Париже по-французски, а несколько позже по-польски. В Польше роман был издан в 1990 г. и сразу высоко оценен польской эмигрантской и европейской критикой. Журни газеты "Wiadomości", выходившей в Лондоне, признало его лучшей книгой 1973 г. Один из французских журналов писал в 1974 г.: «Как бы хотелось, чтобы книга В. Одоевского "Все завет, заметет..." имела бы столько же читателей, что книги, получившие премии Гонкуров и Ренодо! Ибо это великий роман, который выдерживает сравнение с шедеврами славянских литератур...» (цит. по обложке на издании романа [1]). "Неизвестным шедевром" назвала произведение Одоевского польский литературовед М. Янион, статья которой была опубликована в 1989 г., когда в Польше роман еще не был издан [2. С. 173–174]. На обложке польского издания романа так объяснялась невозможность его появления ранее: "Картина польской окраины в последние годы войны, занятой сначала русскими, потом немцами, потом снова русскими, происходящие там национальные конфликты, поддерживаемые той и другой воюющими сторонами, кровавые личные расчеты, которым способствовала атмосфера неуверенности и ощущение конца определенной эпохи, убийства и насилие, порождающие кровавую месть, наконец, трагическая история Катыни – все это были тогда запрещенные темы, несмотря на то, что автор не защищал по сути ни одну из сторон, рисуя историю как грозный фатум" [1].

Время действия романа – 1943 – зима 1944 гг. Повествователем в форме несобственной прямой речи, которой автор владеет мастерски, является Павел Войнович, выходец из семьи польских помещиков, издавна живших на Волыни, где и происходит действие. Несколько глав большого трехтомного романа написаны как бы от лица жены его брата Катажины.

Большое место занимает в романе мотив дороги. Павел постоянно кого-то разыскивает, ездит в поисках убийц своей матери, Катажины, вынужденной в условиях жестокой резни покинуть дом Войновичей, отряда Армии Крайовой. Всюду он наблюдает страшные сцены нечеловеческой жестокости, взаимную месть. Украинские банды сожгли имение Войновичей, убили мать Павла, бросив труп в навозную жижу. Павел находит и живьем сжигает убийц. Он с трудом выбивает ледяную глыбу, внутри которой находится тело матери, и с этой глыбой уезжает в зимнюю метель – таков трагический финал романа. Мотив снега, метели, зимы возникает неоднократно: "Вскоре все завет, заметет...", – думает Павел [1. S. 345].

Писатель показывает, что Павел в этих страшных условиях не совсем ожесточился: он спасает от унижений и опасности молодую украинскую крестьянку с ребенком. Этот мотив проведен еще раз, когда Павла сопровождает украинка – жена крестьянина Севрука, убившего мать Павла, – как бы желая тем самым выразить ему свое сочувствие, или, может быть, чем-то помочь.

М. Янион пишет о продолжении в романе Одоевского романтических традиций, в частности традиций С. Гоциньского, который в поэме "Канёвский замок" (1828), показывал трагические и жестокие сцены Уманьской резни (конец XVIII в.) – вооруженной борьбы украинских крестьян против польских панов. В ней проводилась та же идея рока, тяготеющего над отношениями поляков и украинцев.

Произведение Одоевского – прекрасный психологический роман. Во внутренних монологах, в потоке сознания накладываются один на другой несколько "планов", тематических пластов. Неслучайно в романе есть эпизод, когда Павел читает "Войну и мир", и Одоевский цитирует роман. М. Янион, характеризуя психологизм произведения, использует слова Достоевского о "необыкновенном напряжении сознания", характеризующем душевное состояние героев Одоевского [2. S. 205].

Между тем в психологизме Одоевского много от литературы XX в. – используются такие приемы как сон, переходные от сна к яви состояния. П. Кунцевич, характеризуя роман, отмечает, что книга иногда становится поэмой в прозе [3. S. 73].

"Все завет, заметет..." – это и философский роман. Можно утверждать, что политика здесь на втором плане, а на первом – экзистенциальные проблемы человека, проблемы жизни и смерти, рока, судьбы, исторического предначертания. В нем много смертей, «смертью, как считает М. Янион, "дышит пейзаж", "степь заражает смертью"». "Книга смерти" называет она это произведение [2. S. 193, 194].

Но, думается, М. Янион несколько преувеличивает трагическую предопределенность событий у Одоевского, якобы присущее ему убеждение в полной безысходности жизни. Иной точки зрения придерживается автор рецензии в газете "Salzburger Nachrichten", который пишет: "Это книга о кошмаре, однако она очень человечна, представляя нечеловеческие события". В этом же духе высказывается П. Кунцевич: "Несомненно это произведение очень смелое и жестокое, но все же в своем лиризме удивительно придающее силы" [3. S. 73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Odojewski W. Zasypie wszystko, zawieje...* Warszawa, 1990.
2. *Janion M. Cierń i róża Ukrainy // Janion M. Wobec zła. Verba. Chomotów, 1989.*
3. *Kuncewicz P. Agonia i Nadzieja. Proza polska od 1956 r. Warszawa, 1994. T. V.*

ЦЫБЕНКО О. Из всего многообразия польской деревенской прозы, связанной с темой войны и оккупации, выделяются романы Т. Новака "А как будешь королем, а как будешь палачом..." (1968) и В. Мысливского "Камень на камень" (1984). В них проявилась характерная для польской литературы тенденция к усложненному пониманию человеческой судьбы, отказу от однозначных трактовок экзистенциальных и социальных проблем, в чем отразилось противостояние культурной политике.

Проза Новака и Мысливского подтверждает, что первая и вторая мировые войны привели к своего рода "открытию" небольших крестьянских обществ, приобщили их к универсальным проблемам. Местная, ограниченная история приобщилась к истории мировой. Война стала не столько предметом повествования, сколько средством психологического анализа.

Народное представление о войне достоверно реконструировано Мысливским в лирической эпопее "Камень на камень". В мире этого романа война начинается после жатвы, и сама жатва символизирует войну: "Земля родит, есть война, или нет войны. Только Господь Бог может запретить ей рожать"; "Войну не столько пулями, сколько ногами выигрывают". Наряду с воспоминаниями о символическом языке в романе есть и воспоминание ритуала – это омовение ног. Мать моет ноги сыну, пришедшему с войны; Новак прибегает к "рекрутскому" обряду, требующему омовения ног перед уходом на войну. Заметим, что сапоги, а не конь или поезд, вырастают в народный символ войны.

Скрытые смысловые пласты романов проясняются с помощью того же фольклорного символического круга, связанного с войной. Это – смерть-свадьба как древний мотив, приобретающий в романе Новака о первой мировой войне "Такая большая свадьба" необычное значение.

В романе "А как будешь королем..." Новак анализирует экзистенциальные проблемы, связанные с необходимостью убивать. Право убивать признается в партизанском отряде, но отрицается традиционным сельским укладом. Петр убивал не на поле битвы, и не солдат, а почтальона, старосту; убивая, он должен был их сначала "перехитрить" и убивал внезапно, из засады. По мнению Р. Сулимы, у Новака мы находим одну из наиболее аутентичных версий польского экзистенциализма. Но это и убедительная интерпретация – психологическая и моральная – народного переживания войны и оккупации. Сталкиваясь с непривычным для традиционной сельской морали требованием быть палачом, Петр и его близкие приобретают новый опыт. Сама крестьянская общность учится снимать грех с убийцы как исполнителя общественно необходимой роли. Мститель – палач, который через убийство выполняет присягу, он сам приносится в жертву, становится ритуальной жертвой. Его грех переходит на его семью, потомство, новорожденного сына.

Новый опыт деревенской общины в конце романа приобретает мифологическую окраску: Петр отказывается брать новорожденного сына на руки, так как эти руки убивали, и он боится передать свой грех, свое палачество ребенку. Дед, выполняя очистительный ритуал, касается стилетом младенца – теперь стилет будет служить только мирным делам. Петр же осыпает колыбель младенца золотыми яблоками, символизирующими державу. Новорожденный приобретает черты Искупителя.

В лирической эпопее Мысливского воспоминания о военном прошлом вплетаются в горькие размышления героя о жизни, казалось бы, неудавшейся, но не сломавшей сильно духом и мудрого человека. "Камень на камень" – своего рода итог много раз эксплуатируемых мотивов деревенской прозы и высшее ее достижение. Роман Мысливского "Камень на камень" близок прозе Новака углубленным анализом психологии, философской направленностью, стремлением проследить метаморфозы традиционного сельского уклада жизни и народного сознания. В нем явно просвечивают нестереотипные представления о героике; он изобилует символами, уходящими корнями в Библию и фольклор (заглавия обоих романов – строки из народных песен).

ШЕРЛАИМОВА С.А. Чешская литература – главным образом поэзия – первых месяцев после победы над фашизмом выплеснула бурную эмоциональную реакцию на освобождение страны, выразила радость возрождения независимой родины и скорбь о погибших, благодарность Советской Армии. Особым событием на этом фоне стало издание осенью 1945 г. "Репортажа с петлей на шее" Ю. Фучика. Споры об этой книге вспыхнули в 60-е годы и с новой силой развернулись после 1989 г. Ставились под сомнение авторство Фучика, аутентичность текста, правдивость свидетельств автора, казенного в 1943 г. в Берлине, о своих поступках и поведении других реальных лиц и т.д. Между тем, проведенная в 1990 г. Институтом криминалистики экспертиза безоговорочно подтвердила подлинность рукописи. В издании 1994–1995 гг. были восстановлены сделанные при первой публикации купюры, не меняющие ее сути; историки получили возможность изучить протоколы допросов и прочие документы гестапо и судебных процессов над гитлеровскими тюремщиками после 1945 г. Разумеется, какие-то высказывания автора, тактику его "игры" со следователями, можно рассматривать по-разному, как и то, что после февраля 1948 г. в Чехословакии насаждался своего рода "культ Фучика", что вызывало и негативную реакцию. Но все-таки "Репортаж" – яркая, талантливая книга. Абсолютно или не абсолютно точная в своей фактографической основе – она оригинальна по композиции, выразительности сцен, сдержанно-убедительному и эмоциональному стилю. Апологетическая критика нанесла вред этому произведению, которое своим гуманистическим пафосом предвосхитило многие книги о второй мировой войне как войне простых людей, своими жизнями оплатившими победу над злом.

"Репортаж" задал основной тон первой волне чешской антифашистской литературы, на которой сказалось влияние литературы советской. В героизированном виде стремился, например, представить рядовых участников Сопrotивления Я. Дрда в рассказах сборника "Немая баррикада" (1946).

После февраля 1948 г., когда власть в Чехословакии полностью перешла к КПЧ, на первый план в литературе была выдвинута тема "строительства новой жизни" и задача создания "образа героя-коммуниста". С установками тогдашней культурной политики вовсе не совпал изданный в 1949 г. роман И. Вайла "Жизнь со звездой", описывавший трагическую участь еврейского населения оккупированной Чехии. Горький реализм книги, тематика которой впоследствии нашла продолжение в чешской литературе, не был тогда по достоинству оценен критикой, обрушившей на автора упреки, что он "наделил своего героя отвратительной мелкобуржуазной пассивностью и мелкостью" [1].

Сдвиг обозначился к середине 50-х годов прежде всего в новых аспектах темы оккупации (К. Птачник. "Год рождения двадцать первый", 1954; Н. Фрид. "Картотека живых", 1956; Э. Валента. "Иди на зеленый свет", 1956).

Началом нового этапа в раскрытии темы второй мировой войны стало издание в 1958 г. романа Й. Шкворецкого "Малодушные" и повести Я. Отченашека "Ромео, Джульетта и тьма". Если до этого времени освобождение Чехословакии воплощалось всеми авторами в романтическом ключе, то Й. Шкворецкий для изображения майских дней 1945 г. предпочел ироническое освещение, соединив традиции "Похождений храброго солдата Швейка" Я. Гашека и современной англо-американской прозы. Ирония сквозит в "Малодушных" по отношению ко всем героям: чешским обывателям, спешно меняющим немецкие флаги на отечественные, советским воинам, особенно высоких чинов, к герою-рассказчику Данни Смиржицкому, влюбленному в джаз, Ирену и "революцию". Но можно согласиться с автором монографии о Й. Шкворецком – американским профессором П. Тренским, который считает, что "главное сатирическое острие романа направлено на средние слои, к которым сам Данни принадлежит, но мир ценностей которых он отказывается принять" [2].

Официальная критика увидела в романе несерьезное обращение с ответственной темой. Спору нет, представляя майские дни через восприятие восторженного Данни, автор и не претендовал на полноту картины, но зато сумел высветить особенности

исторического момента, свойственные именно Чехии. Роман способствовал формированию в чешской литературе течения "иронической прозы".

Читатели и критика были единодушны в высокой оценке повести Я. Отченашека "Ромео, Джульетта и тьма" – о любви чешского юноши и еврейской девушки в самый трагический период оккупации – после покушения на гитлеровского наместника в Праге Гейдриха.

В 60-е годы тема второй мировой войны в чешской литературе окончательно определилась как тема страданий простого человека, узника концентрационного лагеря, подневольного работника военных заводов. Специальное место заняла еврейская тема, по сути дела продолжавшая линию "Жизни со звездой" И. Вейла. Этой теме, прозвучавшей в повести Отченашека, в романах Шкворецкого, Фрида, Валенты, были посвящены рассказы и повести А. Лустига, романы "На крыше Мендельсон" (1960) И. Вейла, "Пан Теодор Мундштот" (1963) Л. Фукса.

Своеобразным художественным решением темы антифашистской борьбы стала повесть Б. Грабала "Поезда особого назначения" (1965), соединившая комическое и трагическое, характерную для чешской прозы 60-х годов иронию и даже гротеск (в описании агонии фашистской военной машины), и уже забытую героиню.

В чешской литературе периода "нормализации" (1968–1989) тема второй мировой войны отступает на задний план. Попытки официальной литературы создать произведения о годах оккупации с сугубо заданной, "правильной", тенденцией (И. Кршенек. "Дички", 1973; роман о простых крестьянах, которые, рискуя жизнью, прячут раненого советского воина) успеха не принесли. Что же касается литературы эмиграции, то в ней тема военных лет возникала, как правило, в виде реминисценций. Так, в романе Й. Шкворецкого "История инженера человеческих душ" (1977), действие которого идет в нескольких временных планах, касывалась неудавшаяся попытка героя, работающего на военном заводе, устроить саботаж ради того, чтобы произвести впечатление на понравившуюся ему девушку. Еврейскую тему продолжали новые произведения А. Лустига. Реминисценции военного времени встречались нередко и в официально издаваемой литературе, например, в отдельных главах романов Я. Коларовой "Мой мальчик и я" (1974) и "У надежды глубокое дно" (1986), "Горький запах осени" (1983) В. Адловой.

Надо отметить и новую волну мемуарной литературы, принадлежащей оппонентам социалистического режима. Среди этих книг следует специально выделить второй том воспоминаний проф. В. Черного, входившего в годы оккупации в "Революционный комитет интеллигенции": "Плач короны чешской. 1938–1945. Сопrotивление нашей культуры во время войны" (Торонто, 1977; Прага, 1992).

История чешской литературы сложилась так, что тема войны в ней была темой протеста против войны как таковой, что блистательно проявилось в творчестве самых известных чешских писателей XX в. – Я. Гашека и К. Чапека. Их антивоенный пафос сохранила и литература второй половины нашего века, в которой ясно звучит мысль, что войны не должно быть вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Buriánek F.* Současná česká literatura. Praha, 1960. S. 39.
2. *Trenský P.* Škvorecký. Praha, 1995. S. 22.

ШИРОКОВА Л. Тема второй мировой войны и Словацкого национального восстания 1944 г. стала стержневой в развитии словацкой литературы после 1945 г. – в отличие от иных, "преходящих", таких, как тема социалистического строительства, коллективизации и др. Ведущую роль этой линии отмечали и словацкие литературоведы. И. Кусы, автор обобщающей монографии "Перемены повстанческой

прозы" (1974), подводя итоги ее тридцатилетнего пути, писал: "Идейно-художественное отражение Словацкого национального восстания было, есть и будет пробным камнем нравственной, идейной и художественной зрелости словацкого писателя. Способ воплощения повстанческой темы является важнейшей характеристикой литературы в целом" [1]. Несмотря на явное акцентирование идеологических моментов, свойственное многим исследованиям 70–80-х годов, монография И. Кусы сохраняет научную ценность благодаря обоснованной периодизации повстанческой прозы и точным характеристикам важнейших произведений. После "нежной революции" 1989 г. в словацком общественном сознании произошла переоценка многих фактов истории и культуры, неоднозначным стало и отношение к восстанию. В то же время сохраняется интерес к самой его проблематике, в том числе и в современном литературоведении. В статье, посвященной творчеству крупнейших представителей военной прозы, К. Крнова указывает на идеологические и культурно-политические корни существовавшего в период социализма "повстанческого мифа" (восстание как руководимая компартией национально-демократическая революция), отразившегося и в литературе; оно выделяет, на наш взгляд, несколько искусственно, "два параллельно существующих в официально принятой литературе течения – конформистское и неконформистское" в рамках "формировавшего историю поколения прозаиков" [2]; к ним автор относит В. Минача, Р. Яшика, А. Беднара, Д. Татарку, Л. Мнячко, Л. Тяжкого.

Каждая фраза в послевоенном развитии общества приносила с собой новое осмысление темы войны и восстания, новые оценки и представления о ней. Это первые рассказы участников восстания, созданные "по горячим следам" событий (К. Лазарова. "Друзья"; Я. Боденек. "Из волчьих дней"; В. Минач. "Смерть ходит по горам"); психологические новеллы Ф. Швантнера ("Крестыни", "Священник", "Дама"); романы-эпопеи конца 50-х – начала 60-х годов (В. Минач. "Поколение"; Р. Яшик. "Мертвые не поют"; Л. Тяжкий. "Аменмария").

Особняком в этом ряду стоит роман одного из крупнейших словацких писателей XX в. Й. Цигера-Гронского "Свет на Трясине". Написанный в эмиграции в конце 40-х годов и изданный в США в 1960 г., роман становится фактом литературной жизни страны постепенно – вначале лишь опосредованно, отраженный в критических выступлениях, в литературоведческом анализе (И. Кусы, А. Матушка). Только в 1991 г. он был впервые опубликован в Словакии. В отличие от большинства произведений военной тематики в романе Й. Цигера-Гронского восстание представлено как темная, враждебная и чуждая словакам стихия, как "кровавая трясина", возвращающаяся на мирный хутор Трясина, "когда в лето 1944 от Рождества Христова и сюда стали долетать удары из большого мира" [3]. Драматизм судеб главных героев, психологическая глубина позволяют роману занять достойное место в панораме словацкой литературы XX в.

В 70-е годы тема войны и восстания получила новое развитие. Повышенный интерес к ней был обусловлен, отчасти, внелитературными факторами, связанными с празднованием 30-летней годовщины восстания (1974), но в большей степени – необходимостью серьезного осмысления исторических масштабов национального самосознания словаков. В эти годы были созданы произведения, которые объединяло отталкивание от прежних образцов крупномасштабной прозы, интерес к частным судьбам. Так, В. Швенкова в романе "Кедровая роща" (1974) повествует о восстании, как о ярком событии, перевернувшем тихую жизнь провинциальной учительницы. Дебюту Э. Дзвоника ("Пепелища", 1976) свойственно проникновение в трагическое сознание человека, потерявшего на войне зрение, лишившегося близкого друга, но не сдавшегося.

В ряду этих произведений наиболее значительной представляется проза В. Шиклы. В трилогии "Мастера" (1976–1979) писатель в присущей ему манере свободного, непринужденного повествования, размышляя на разные темы – от природы до литературной критики – прослеживает судьбы "маленьких людей" – словацкого семейства

мастеров-плотников Гулданов. Он изображает их участие, часто стихийное и неосознанное, в истории Словакии. Своеобразным продолжением "Мастеров" стала новелла "Солдат" (1981), по словам самого писателя "выросшая" из характера эпизодического персонажа трилогии – старого бродяги, инвалида первой мировой войны, чье сопротивление немцам было так же естественно и непосредственно, как и у Имро Гулдана. По словам писателя Л. Фелдека, Шикула создал персонаж, чтобы показать, что карта Словацкого национального восстания и галерея его героев гораздо шире и пестрее, чем представлялось ранее [4]. Новелла В. Шикулы завершила собой этап в развитии словацкой военной прозы, чей взлет пришелся на 1970-е годы. В дальнейшем, в 80-е годы, тема второй мировой войны отошла на задний план, уступив место другим историческим темам (В. Шикула, А. Гикиш), а также изображению послевоенных лет (Д. Баллек) и наших дней (Р. Слобода).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kusý I. Premeny povstaleckej prózy*. Bratislava, 1974. S. 13.
2. Romboid. 1995. № 3. S. 19.
3. *Ciger-Hronský J. Svet na Trasovisku*. Bratislava, 1991. S. 17.
4. *Šikula V. Vojak*. Bratislava, 1981.

ИЛЬИНА Г.Я. В хорватской литературе антифашистская тема претерпела существенные изменения позже, чем в сербской и словенской литературах. Это было связано с общественно-политической и культурной ситуацией в республике, где на рубеже 60–70-х годов возникло массовое движение за экономическую и национальную самостоятельность. Оно было поддержано и творческой интеллигенцией. В обстановке начавшихся репрессий, в атмосфере недоверия и страха, демагогии и псевдопреданности социализму в хорватской литературе, с одной стороны, обостряется критическое отношение к реальной действительности, с другой – наблюдается явный этический релятивизм. В такой атмосфере вновь ненадолго возрождается отошедшая на периферию антифашистская тема, возрождаются нравственные основы антифашистской и социалистической идеологии как морального противовеса приспособленчеству и беспринципности.

Примером трансформации антифашистской темы могут служить два наиболее значительных романа известных хорватских писателей – "Мир" (1971) Ю. Франичевича-Плочара и "Колоннелло" (1975) М. Божича. (Оба писателя были активными участниками народно-освободительного движения и столь же активными общественными и политическими деятелями в послевоенные годы.) Панорамно-эпические хроники и историко-революционные эпопеи в их творчестве сменил относительно камерный микророман с психологической доминантой. Они отказались от понятия "абстрактный гуманизм", по-новому поставили проблему героического, иначе подошли к образу врага. Разрешение конфликта, построенного на противостоянии двух враждебных идеологий, победа одной из которых была запрограммирована идейными установками автора, теперь дополнялась экзистенциальными проблемами: выбора и личной ответственности человека перед самим собой. Так возникло соотнесение революционной этики с общечеловеческими нормами морали, что в свою очередь привело к трансформации понятия героического. Теперь оно воспринимается не как одномоментный подвиг, а как повседневное мужество, как непростое примирение общечеловеческой этики с требованиями военного времени.

В основе микроромана "Мир" лежит частный эпизод: восемнадцатилетняя Мария

Яблонич должна доставить в партизанский штаб домобранского поручика Карла Цвиича. Блуждая по каменистым тропам горной Далмации, оба они заболевают, Мария умирает, а Карла убивает усташ "Отшельник" за отказ стрелять в мертвую девушку. Образ Марии строится по прежнему канону – молодая девушка добровольно выбирает свой путь (вступает в комсомол), хотя она образована и любит поэзию, ее язык мало чем отличается от речи ее литературных предшественников: "Я на революционном посту, где бы я ни находилась, куда бы ни попала, пока идет война, я буду на посту". Но она не может освободиться от жалости к заболевшему молодому человеку, хотя и страшится осуждения товарищей. Она понимает, что приведя Карла в штаб, она освободила бы его. Подобное трудно представить в антифашистской литературе предыдущего периода. Правда, уже словенского писателя Э. Коцбека и сербского А. Исаковича тогдашняя критика упрекала в абстрактном гуманизме.

Для хорватского писателя важно не только идейное противостояние двух индивидов, но и изображение их в нравственных измерениях. Его герои не отказались от этических норм, что не позволяет им "преступить черту". Заданный автором нравственный императив был явно спроецирован в современность.

В еще большей степени корреспондировал с современностью микророман Божича. Необычен сам сюжет: за пленного итальянского полковника, близкого друга дуче, партизанам отправлены грузовики с продовольствием и снаряжением. Но по пути полковника потеряли, и тогда командир отряда принимает непонятное бойцам решение – не брать привезенный груз. Это решение дается ему особенно тяжело еще и потому, что к месту обмена он привел целую колонну местных крестьян, чтобы создать видимость партизанского войска. Конфликт кажется надуманным – вряд ли голодные и плохо одетые партизаны отпустили бы итальянские грузовики. Понимая, что это "чудесная, волшебная сказка", писатель рассказывает ее современникам, чтобы напомнить о нравственной основе борьбы с фашизмом. Знаменательно, что поведение командира одобряет старый крестьянин, носитель народного нравственного начала. Отсюда прямая перекличка между сегодня (временем войны) и завтра (мирными днями).

Последующие произведения обоих писателей – "Водоворот" (1974) и "Родной очаг" (1976) Франичевича-Плочара, "Бомба" (1976) Божича продолжали начатое предыдущими и не вносили в трактовку темы и ее художественное воплощение ничего нового. Практически эта тема (в подобном освещении) себя исчерпала. Оба писателя, будучи убежденными коммунистами, стремились отстоять устои "чистого социализма", возродить былую бескорыстность помыслов бойцов-антифашистов, поэтому делали акцент на общечеловеческих ценностях революционной этики. Между тем, в силу своей идейной заданности, такая литература не способна была достаточно полно раскрыть правду о войне, о межнациональных и межрелигиозных конфликтах, о хорватском фашизме, обо всем том, что породило гражданскую войну на территории Хорватии и оставило ей тяжелое наследство, которое не раз сказывалось в послевоенную пору и привело к новой трагедии в годы 90-е. В немалой мере закрытость названных тем была вызвана и внелитературными факторами. Этим объясняется то, что в хорватской литературе тема второй мировой войны пока не нашла своего адекватного художественного воплощения.

СТАРИКОВА Н. Спустя более двадцати лет после окончания второй мировой войны связанная с ней тематика продолжает оставаться в центре внимания словенских прозаиков. В 70-е годы были опубликованы романы В. Зупана – "Менуэт для двадцатипятизарядной гитары" (1975), Л. Суходолчана – "Самая долгая ночь" (1975), М. Маленшек – "Солнце остановилось" (1976), К. Грабельшека – "Ниобея" (1977), Б. Зупанчича – "Ночь и день" (1977), М. Рожанца – "Любовь" (1979), В. Кавчича – "Осада неба" (1979), П. Божича – "Смерть отца Винценца" (1979). Авторы привле-

кает не внешняя, событийная сторона, а сознание человека, участвовавшего в исторических сражениях. Для словенских "военных" прозаиков чрезвычайно характерно обостренное внимание к человеческой личности, к выяснению вопроса о роли и месте индивидуума в войне. "Меня интересует в первую очередь не сама война..., но нравственный мир человека, возможности его духа" [1. S. 8], – пишет в предисловии к роману "Менуэт..." В. Зупан. Именно об этом романе хотелось бы поговорить подробнее.

В. Зупан (1914–1987), представитель старшего поколения современных словенских писателей, участник антифашистского сопротивления, известен не только как прозаик, но и как поэт и драматург.

Герой романа "Менуэт...", бывший актер Якоб Берк, рассказывает историю своего партизанского прошлого, которое одновременно было и частью жизни самого писателя. Но это и рассказ о целом поколении словенской интеллигенции, прошедшей войну, поэтому "я" художника служит лишь примером общего. Зупан использует форму повествования от первого лица, стремясь наиболее адекватно изобразить действительность как индивидуальное переживание героя. Такая тесная "сомкнутость" (термин Д. Затонского) Зупана со своим героем объясняется желанием познать прежде всего "человека вообще", постичь тайны его природы.

С этой целью автор использует прием временной двойственности и параллелизма временных пластов. В каждом из них разворачивается последовательно построенная и логически мотивированная фабула. В первом, значительно более развитом и идеализированном временном, "срезе" показаны уход в партизаны из оккупированной Любляны и военная жизнь главного героя. События второго плана переносят нас в современную Барселону, куда туристами прибыли главный герой и бывший офицер вермахта, воевавший в Югославии. Эта встреча становится своеобразным возвращением к войне. Постепенно общение двух туристов перерастает в ярые споры, и в конце концов происходит решительный разрыв; оказывается, идеи мирового господства, привилегии арийской нации не потеряли для одного из них своего значения.

Зупан создает образ "нетипичного" партизана, романтического интеллигента, далекого от политики, чей гуманизм скорее стихийен, нежели осознан. Находясь в партизанском прошлом и в "туристическом" настоящем, герой много размышляет о путях мировой истории, о смысле жизни и смерти, о человеконенавистнической сути любой диктатуры. При этом воспоминания о войне выполняют в романе особую функцию. Попытки реконструировать события прошлого ведут к столкновению с глобальными вопросами постижения действительности.

В партизанском отряде Берк столкнулся с новой для него коммунистической идеологией – здесь он впервые узнает о том, что конечная цель народно-освободительной борьбы – социальная революция и воспитание нового человека. Герой скептически воспринимает эти устремления, так как уверен в том, что общественное поведение человека обусловлено его нравственной сущностью. Потому Берк склонен отыскивать причины любого насилия в самой природе человека: "В каждом человеке есть раб и тиран, подчиненный и подчиняющий" [1. S. 23]. Противостояние коммунизма и фашизма для него не столкновение идеологий, а борьба Добра со Злом, борьба, на которую человечество обречено ходом истории. Война, по мысли писателя – ненормальное, противоестественное явление, но она неизбежна. Цивилизация никогда не избавится от войн (знаменательно, что фильм по роману "Менуэт...", вышедший почти одновременно с книгой, называется "До свидания на следующей войне!").

Военные события в романе – это лишь повод для постановки вопросов о человеческой природе. Одновременно они представляют собой источник символов и метафор, в которых сосредоточено познание жизни героем. Свою внутреннюю драму герой развивает как универсальную драму всего человечества. Герой убежден, что всеобщее существование отмечено войной, что это "вечность хождения в круге под

жуткий менуэт для двадцатипятизарядной гитары" [1. S. 422]. Метафорой является и название книги: двадцатипятизарядная гитара – это пулемет, а минуэт для нее есть ни что иное как сама война. Мелодия менуэта как лейтмотив несет в себе организирующую функцию времени, связывая романное прошлое и настоящее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zupan V. Menuet za kitaro na petindvajset strelov. Ljubljana, 1975.

МЕЩЕРЯКОВ С.Н. Первые произведения о ратном времени восторженно славили победу и предрекали безоблачное будущее, однако, драматические события 1948 г. нанесли удар упрощенному видению мира; они способствовали обращению художников к сложным политическим, философским и этическим вопросам. В 50–60-е годы М. Лалич, Д. Чосич, О. Давичо, А. Исакович, будучи сторонниками социальной революции, раскрывают трагизм социальных потрясений, жестокость вооруженной конфронтации, мучительный поиск истины.

В 70–80-е годы писатели стремятся к постижению новых сторон военной действительности и ее последствий. Образ войны часто обрамляется картинками мирной жизни; события тех лет видятся остраненно: из детства, с точки зрения обывателя, с позиции жертвы концлагеря. Постепенно исчезают или откровенно пародируются литературные стереотипы, итоги социальных преобразований представляются неутешительными.

С. Селенич (род. в 1933 г.) стал одним из наиболее значительных сербских прозаиков, указавших в конце 60-х – начале 70-х годов на ошибочность избранного во время войны революционного курса. Неслучайно герои его романов "Мемуары калеки Перо" (1968), "Друзья" (1980), "Орел/решка" (1982) из мирного времени так часто возвращаются к военному прошлому. В романе "Родители и отцы" (1985) писатель продолжает разрабатывать тему столкновения человека с лавиной военных событий и социальных катаклизмов, обращается к мифу как к главному инструменту познания действительности.

...Закуток в квартире, старинная роскошная кровать – вот все, что осталось после утверждения народной власти у бывшего выпускника Бристольского университета Стефана Медаковича. В 1945 г. погиб в партизанской армии его единственный восемнадцатилетний сын Михаил; чуть позже, разочарованная в жизни, вернулась в Англию жена Элизабет. И двадцать лет молчания, двадцать лет затворничества героя, двадцать лет общения с тенями и призраками... Конечно, уничижительная трактовка героя вполне возможна; однако стоит Стефану лишь однажды сравнить себя с Тесеем, попавшим в лабиринт Минотавра, как Англия сразу превращается в Крит, Элизабет становится Ариадной, а проклятый отцом Михаил уподобляется Ипполиту. На глазах у читателей происходит преображение индивида в Человека. Свободная игра воображения проводит также параллель между Медаковичем и верховным божеством древних скандинавов и континентальных германцев Одином/Воданом. Один получает руны – знаки древнейшего германского алфавита, Стефан постигает премудрости английского языка; Один утоляет жажду священным медом – фамилия героя Селенича также ассоциируется со сладким подарком пчел; Один проходит ритуальные испытания – Медакович в начале своего пребывания в Англии сталкивается с пытающимся соблазнить его гомосексуалистом; Один вступает в любовную связь с дочерью дива – Элизабет тоже отличается весьма внушительными размерами; у Одина погибает сын Бальдр – у Стефана – Михаил.

Сближает героя романа с мифологическими персонажами его славное имя,

принадлежащее средневековой династии сербских монархов и означающее в переводе с греческого "венценосный".

Намечена в романе и мифологическая трактовка образа Элизабет. Однажды, в период беременности, стыдясь своей огромной, раздавленной фигуры, героиня заявляет о своем сходстве с Великой Матерью, прародительницей всего живого. Сходство это не только внешнее; здесь есть родство души и судеб: иногда Великая Мать выступает в облике Девы, теряющей своего божественного Сына, а Элизабет отличается исключительной чистотой тела и духа и тоже погружается в траур после смерти своего ребенка.

Конечно, расстояние между Стефаном и Одином или Элизабет и Великой Матерью огромно, и преодолевается оно в основном благодаря авторской иронии и самоиронии персонажей. Сколько комических недоразумений возникает со Стефаном при изучении английского языка, сколь критичен к себе герой после унижительной сцены с гомосексуалистом! Да и Элизабет отнюдь не стремится походить на мифический праобраз женщины и горько смеется над собственной внешностью. Даже имена главных действующих лиц в соотнесенности с мифом звучат несколько комично. Одинокый, опустившийся человек приравнивается к царю и божеству, а его сын, неоперившийся юнец Михаил, возводится в ранг "архистратига", предводителя небесного воинства.

Иронической оценке в романе подвергаются и носители революционных преобразований. Стефана раздражает их невоспитанность, грубость, игра в конспирацию. Однако насмешка в отношении "гуннов и вестготов" весьма отличается от иронии в адрес главных героев произведения. "Разрушителям цивилизации", партизанам из отсталой, крестьянской Боснии, не грозит формальное несоответствие архетипу, однако комичной представляется сама их попытка построить свой, особый мир. "Первопредок" партизан – не "культурный герой" – демиург, а его двойник, лжегерой, трикстер. Сквозь призму мифа видится пренебрежительное отношение партизан в новых условиях к вещам, одежде, этикету – оно соответствует "глупостям" и употреблению "антиматериала" мифическими лжегероями и свидетельствует о ложной сущности новых покорителей мира. Созидательному, цивилизованному началу противостоят не только разрушение (война и революция), но и лжесозидание, лжецивилизация.

Обращение к мифу при изображении войны и социальных потрясений – отнюдь не новость в сербском послевоенном романе. Оно во многом определяет своеобразие произведений М. Лалича, Д. Чосича, О. Давичо в 50–60-е годы. Однако тогда миф не часто сопрягался с интеллектуальным началом и "работал" на идею народно-освободительной борьбы и революции. Так, в основе сюжета известного романа М. Лалича "Лелейская гора" (1962), как и в основе сюжета "Родителей и отцов", лежит обряд инициации, подразумевающий отсоединение индивида от социума, определенные пространственные перемещения и испытания героя и, наконец, присоединение его к социуму. Герой "Лелейской горы" отделяется от коллектива, остается один на проклятой горе стона и плача, чтобы, с честью выдержав испытание, возвратиться в отряд и стать настоящим партизаном.

В романе С. Селенича также легко выделяются несколько мифологических эпизодов: пребывание героя в Англии (пространственные перемещения), уединенная жизнь с Элизабет в Белграде (отсоединение от социума), столкновение героя и его семьи с войной и общественными преобразованиями (присоединение к социуму). Однако в отличие от Лалича у Селенича присоединение к социуму представлено не как добровольное, а как вынужденное. Позиция вершителей нового мира представляется автору "Родителей и отцов" абсолютно неприемлемой.

В "Лелейской горе" герой вступает в любовную связь с молодой замужней женщиной, и любовь эта не осуждается автором. Муж этой женщины – в плену и, следовательно, не заслуживает права называться настоящим мужчиной; женщину преследует любовными домогательствами "ведьмак" свекор. Таким образом, герой спасает женщину и от безбрачия и от инцеста; происходит как бы новое творение мира.

Для Селенича война и переустройства мира – время хаоса, хаоса социального и биологического. И не случайно Элизабет изменяет мужу с соотечественником. Эта измена более всего походит на инцест; хаос биологический дополняет хаос социальный.

Разрушению сложившихся идеологических стереотипов служит обращение С. Селенича к истории. На страницах романа появляются ближайшие сотрудники Тито – М. Джилас и М. Ранкович. Несколько раз Стефан встречается и с известным историком и государственным деятелем Я. Продановичем; на страницах романа упоминаются имена генерала М. Недича, возглавившего марионеточное правительство при немцах, и Д. Михайловича, предводителя четнического движения. Писатель не стремится очернить лидеров коммунистического движения и сотрудничавшего с ними Я. Продановича; однако история иногда переходит в фарс, что напоминает о героях-трикстерах.

Сочетание мифа и истории, выявление в человеке конкретно-индивидуального начала и общеродовой сущности, соединение трагического и комического позволяет С. Селеничу раскрыть не только жестокость и беспощадность народно-освободительной и гражданской войн, но и их бессмысленность и абсурдность.

ШЕШКЕН А.Г. Освободительная борьба против фашизма и социальная революция совпали в истории народов Югославии. Эти события тесно переплетены и в художественной литературе. Практически невозможно назвать значительное произведение, в котором бы шла речь о борьбе с оккупантами и не затрагивались бы социальные катаклизмы 1941–1945 гг.

Развитие этих тем связано с морально-этической проблематикой. В 70–80-е годы проблема гуманизма существенно трансформировала тему войны и революции. Эволюция творчества А. Исаковича от рассказов 50–60-х годов к роману "Мгновенье" (1976) служит тому примером.

Мотив сохранения человеческого в человеке в самых суровых жизненных обстоятельствах возникает еще в новеллистике писателя. В романе "Мгновенье" он становится основным. Сюжет романа построен как воспоминание, разговоры безымянного героя, которого автор называет просто "майор", с Чеперко (отсюда подзаголовок романа и название произведения в русском переводе) [1]. Воспоминания героя – мгновения – не о сражениях, участником которых он был, а о событиях в историческом масштабе незаметных, но оставивших след в его душе, как спасение детей, как приведенное к трагедии боевое задание. Логика войны приходит в противоречие с логикой жизни. Майор помог беременной жене четника вынести из дома вещи не зная, что половина дома принадлежит брату четника партизану, который потерял все.

Идея и ее реальное воплощение в романе А. Исаковича часто приходят в противоречие. Партизаны – борцы за свободу народа. Однако именно односельчане майора решили, что "данниками крови" должны стать семьи двух партизан. Майор нашел в себе силы простить виноватых. Так "мгновенья" в романе А. Исаковича превращаются в метафору, "охватывающую всю человеческую жизнь" [2].

Писатель главное внимание в своем произведении уделил судьбе героя, который выдержал все испытания. Проблема судьбы трактуется не только как рок, но и как постоянный нравственный выбор. Выбор в романе – это и философско-этический принцип, и композиционный стержень. Главный герой в конце жизни одинок. Однако в "разговорах с Чеперко" нет чувства безнадежности, бессмысленности жертв.

В последней, девятой, главе окончательно сформулирована мысль о невозможности изменить мир и человека. В ней неоднократно повторяется фраза – "мы изменяем мир" – как символ разрушительной энергии революции и упрощенного взгляда на мир

ее носителей. (Неслучайно с иронией изображен комиссар отряда Доситей, во всех случаях жизни обращающийся к "Краткому курсу истории ВКП(б)".) На смену идеалам классовым приходит идеал общечеловеческий. Знаменательно и упоминание в романе имени Ф.М. Достоевского и его романа "Братья Карамазовы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исакович А.* Мгновенье. Разговоры с Чеперко. М., 1979.
2. *Рибникар В.* Могућности приповедења. Београд, 1987. С. 65.

ФРИДМАН М.В. Первые произведения на военную тему, опубликованные в Румынии сразу же после 1945 г., касались преимущественно судьбы малых народов, прежде всего евреев, часть которых была уничтожена режимом Антонеску (А. Баранга. "Сугробы Украины", 1945; С. Дан. "Где начинается ночь", 1945; "Роза и прочие", 1946; И. Пельц. "Окровавленный Израиль", 1946 г. и др.). С установлением социалистических порядков в 1948 г. эта тема почему-то потеряла свою актуальность. Зато множились романы, повести, рассказы, в которых натуралистические описания окопной жизни и страданий солдат на антисоветском фронте чередовались с рассказами о благах советского плена, из которого солдаты возвращались "просветленными", активными борцами за социалистическое обновление ("Митря Кокор" М. Садовяну, 1949; "Мгла" Э. Камилара, 1950; "Люди без славы" Л. Фулги, 1956). Объявленные образцами литературы соцреализма, подобного рода произведения получили широкое распространение.

В годы оттепели 60-х годов множится число произведений, свидетельствовавших об освобождении писательского сознания от давления соцреалистических догм. Любое художественное средство теперь объявлялось допустимым, лишь бы оно содействовало выявлению вклада Румынии в общую победу над фашизмом. Военная повесть и роман смело окунулись в волны экспериментов, используя символично-аллегорический язык, обращаясь к мифу, психоанализу, к поэтике абсурда.

Показательно в этом отношении изменение структуры прозы Л. Фулги. В романе "Александра и ад" (1966) органически переплетаются реалистические описания военных буден со сновидчески-фантастическими сценами.

Характерной для новой фазы развития литературы о войне была и повесть Д.Р. Попеску "Неторопливо шла Анастасия" (1967). Рассказ о том, как молодая женщина хоронит по христианскому обряду тело партизана, выставленное устрашения ради на всеобщее обозрение, напоминает античную драму, но в то же время и театр абсурда. Мотивы "дегероизации" войны прослеживаются и в пьесах Д.Р. Попеску ("Слишком мал для такой большой войны", 1969, и др.). Н. Веля в романе "Пять соток цветника и война" (1979) мастерски использует реалистические и гротесковые элементы.

Очередной поворот в решении военной темы наметился после идеологического пленума РКП 1971 г. Книги о войне теперь стали частью "национальной эпопеи румынского народа", возвеличивали роль Румынии в заключительной фазе войны, они стали выразителями "национальной идеи". В романе "Бред" (1975) М. Преда рисует широкую картину жизни Румынии в дни легионерского путча 1940 г. Вторая часть романа посвящена военным действиям на восточном фронте. Создав книгу в лучших традициях психологического реализма, автор явно стремится приписать вину за трагедию Европы одному бесноватому фюреру. Остальные участники трагедии, включая и И. Антонеску, выглядят его жертвами.

Трехтомный роман "Инкогнито" Э. Барбу (1975–1980) – это фреска жизни Румынии в годы войны. Ее героизация обретает неожиданные формы: герои-коммунисты

творяют истинные подвиги во имя того, чтобы не оказаться в советском плену, они и без советского ликбеза хорошо знают, в чем задача обновления страны.

Существовала и другая сторона литературного процесса: помимо множества произведений, ознаменовавших "реванш" эпического начала и национальной идеи, выходят книги, непокорные диктату новой идеологии. В 1973 г. Д.Р. Попеску публикует микророман "Двое у подножья горы Цебы или лицом к бору". В нем средствами мифологического реализма с элементами гротесково-абсурдистской литературы рассказано о любви румына Илие и венгерки Илоны, об их страданиях в годы разгула шовинизма в Трансильвании, об их отчаянной попытке спасти свою любовь в дебрях лесов и о неминуемой трагической развязке.

Весьма необычно содержание романа Г. Шварца "Госпиталь" (1981). Напуганные грозными вестями с восточного фронта героини ищут спасения в палатах сумасшедшего дома, надеясь переждать там надвигающуюся катастрофу. Однако некоторые деятельные натуры устраивают там переворот, устраняют от руководства госпиталя врачей и устанавливают свою власть, "новый порядок". Но "государство в государстве" разгромлено. Убегая по улицам опустевшего города, бывшие обитатели сумасшедшего дома наталкиваются на воинов средневековья, на античных копейщиков, чтобы в конце концов напороться на пещерных носителей дубин... Историческая аналогия очевидна.

Еще более наглядным стало "непослушание" писателей с появлением в начале 80-х годов "нового вала" поэтов и прозаиков. Главной в литературе становится вновь тема войны. Герои романа М. Неделчу "Степная малина" (1984) следуют по местам гибели своих отцов, солдат и жертв войны, чтобы найти ответ на вопрос, как дальше жить, как осмыслить взаимоотношения между поколениями, между памятью и совестью.

В повести того же М. Неделчу «История походного хлебозавода № 4, увиденная собственными глазами капралом Г.П. по прозвищу "Простота"» (1985) в центре изображения – солдат, дошедший со своей походной пекарней до самого Дона, не сделав при этом ни единого выстрела. Именно такие, как он – истинные герои войны, и не потому, что делали, а потому, что не делали. Капрал был далек от ненависти и жажды обогащения, от националистической зауми. То же можно сказать и о героях Б. Хорасанджана, К. Стана, И. Грошана, Д. Динулеску.

Тексты авторов "новой волны" разорваны цитатами, вырезками из газет, письмами, авторскими ремарками, ибо молодые писатели убеждены: бессвязность предпочтительней деформирующего порядка. Старая "упорядоченная" проза, в представлении молодых, стала не орудием памяти, а средством забвения. Писатели изобретательно ищут приемы, способные передать многозвучие памяти: смешение временных пластов, контрастное сопоставление масштабных исторических событий и мелочей повседневного быта. Они владеют богатствами Библиотеки и Словаря, достижениями науки о человеке. Все ради сознательно преследуемой цели – "удвоить читателя", создать, по выражению критика Э. Симиона, "беллетристический Вавилон".

ГУСЕВ Ю. Из второй мировой войны Венгрия вышла в числе стран проигравших, попав в сателлиты к своему главному противнику. Поэтому, как ни велики были потери венгерского народа в этой войне, осмысление войны в общественном сознании, значит, и в литературе, не могло принять традиционной для такой ситуации формы (прославление военных подвигов и оплакивание жертв). До 1956 г. литература, касаясь темы войны, описывала победное шествие Советской Армии, в составе которой сражались и венгры-эмигранты или перевоспитавшиеся в лагерях военнопленные, или выдумывала практически не существовавшее сопротивление фашизму.

Даже в 60-е годы тема минувшей войны оставалась одной из самых закрытых. Между тем забыть о ней литература не могла; она настойчиво искала способы сказать о ней нечто существенное, не вступая при этом в противоречие с политическим курсом.

В свое время стала сенсацией повесть Т. Череша "Холодные дни" (1964), где описаны зверства венгерской военщины на территории Хорватии: горькая правда этой книги, укладываясь в разрешенные критерии, все же была только частью правды. И. Добоши в повести "Унтер-офицер и другие" (1969) изобразил распад венгерской армии в последние месяцы войны, когда солдаты и офицеры стремились сохранить жизнь и человеческое достоинство. Герой повести – веселый, неунывающий человек, чем-то напоминающий и Швейка, и Теркина. Войну можно изображать со смехом, не профанируя ее. Примером может служить знаменитая повесть И. Эркена "Семья Тотов" (1964), где писатель успешно использовал приемы гротеска, выявив взаимосвязь войны и безумия. Ф. Шанта в романе "Пятая печать" (1963) прибег к языку притчи, показав, что человек перед лицом смерти способен сохранять достоинство. Такой, "обыденный" героизм (тема военного героизма, по понятным причинам, в венгерской литературе практически не поднималась) литература признавала за человеком независимо от того, к победившему или к побежденному народу тот относится.

В 70–80-е годы появилось несколько заметных документально-художественных исследований о венгерском участии во второй мировой войне. Среди них – книга И. Немешкюрти "Реквием по одной армии" (1972), повествующая о судьбе Второй венгерской армии, брошенной германским и венгерским командованиями зимой 1942–1943 гг. к Дону почти без оружия, без зимней одежды, и бессмысленно погибшей там. И роман А. Шимонфи "Солдаты страны-парома" (1981), на документальном материале рассказывающий о попытке представителей высшего офицерства (среди них был и отец писателя) заключить сепаратный мир с Москвой, избавив тем самым страну от военного разгрома и его последствий.

В венгерской литературе после 1945 г. лучше всего сказал о войне Ф. Шанта в романе-диспуте с элементом фантастики "Предатель" (1966), в произведении, которое никогда, кажется, в связи с военной темой не упоминалось. Автор вызывает из небытия нескольких персонажей из прошлого; причем из невенгерского прошлого, из эпохи гуситских войн.

Критики вычитывали в повести чуть ли не стремление создать свою философию истории. Однако, как представляется, Шанту занимает нечто более конкретное: значение войны для народа страны, где она идет, взаимоотношения тех, кто воюет, и тех, кто становится жертвой войны. Ситуация эта – не абстрактная: судя по всему, Шанта стремится разобраться, чем была для венгров вторая мировая война. Венгерский народ не мог считать вторую мировую войну – хотя она прокатилась и по его территории – ни отечественной, ни освободительной, ни справедливой, ни тем более священной... Так что гуситский антураж здесь – не более чем камуфляж, прием, отвлекающий внимание блюстителей идеологической чистоты от вопросов, которые ставит в ней Шанта, и от ответов, которые он на них дает.

Героев повести можно было бы идентифицировать с конкретными историческими силами: Вацлава Яшека, наемника, воевавшего во Франции и Испании, а потом убежденного гусита – с советской стороной; Яна Житомира, студента, бывшего таборита, перешедшего к крестоносцам – с германской армией; епископа Эусебиуса – с господствующей верхушкой хортистской Венгрии. Но доказать такое тождество трудно; впрочем, если это было бы легко, писателя быстро разоблачили бы... Да, пожалуй, это не столь уж и важно.

Легче всего идентифицируется здесь один персонаж – крестьянин, потому, что он может быть и чехом, и поляком, и венгром.

Вацлав и Ян воплощают героическое, непримиримое начало. Оба защищают идеологию – каждый свою, в истинности которой убеждены. Ради этой идеологии они терпят лишения и обрекают на них и на гибель тысячи других, не столь убежденных людей. Ради этой идеологии они, Вацлав и Ян, сойдясь в последней схватке, убивают друг друга – и умирают с сознанием выполненного долга. Главный аргумент каждого – благо народа. И Вацлав, и Ян – оба крайне возмущены тем, что крестьянин (персонаж повести) не только не разделяет их энтузиазма, но опускается до предательства. Под

перекрестным допросом, который устраивают автор и его гости, выясняется, что крестьянин дезертировал и из одного лагеря, и из другого. Более того: став свидетелем поединка Вацлава и Яна, он дождался их смерти, раздел их и похоронил, голыми, в одной могиле.

Крестьянин готов поддакивать любому; он юлит, изворачивается; он вовсе не рад, что его вызвали с того света: любое общение с сильными мира – для него тягостно. Но когда его припирают к стенке, он высказывает свою тяжелую, ничуть не возвышенную, неприятную для любых пламенных борцов правду. "Императорский солдат ли, гусит ли, мне все едино! Все едино, под каким флагом меня на смерть погонят. Потому как и тем, и другим только кровь моя нужна, а пользы от них я все равно никогда не увижу!" [1].

Если солдаты той или иной армии отстаивают, в лучшем случае, какую-либо красивую, благородную идею, то простой хлебороб хочет уцелеть с семьей среди надвигающегося апокалипсиса. Он защищает преемственность человеческой жизни, существование рода человеческого. Такова суть, такова философия, если и не истории, то войны – как она прочитывается в повести.

И еще одно доказывает эта книга: если масштабного, синтезирующего произведения о войне не появляется в течение долгого времени, то это вовсе не значит, что общественное сознание не созрело до понимания этой войны. Причина может быть куда более прозаической: литературе просто не позволяют высказать правду, и она ищет иносказательную форму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sánta F. Az áruló.* Budapest, 1966. S. 54.

СЕРЕДА В.Т. В венгерской прозе военная тема чаще всего побуждала писателей к постановке проблем национальной вины и ответственности за катастрофические для венгров последствия войны, к анализу нравственных дилемм и коллизий, с которыми сталкивался человек в экстремальных условиях войны, а также – особенно в 70–80-е годы – к исследованию и осмыслению малоизвестных страниц военной истории, о которых хранила молчание официальная историография. Эти подходы можно проиллюстрировать такими известными книгами, как повесть Т. Череша "Холодные дни" (1964) о карательных акциях хортистской армии, совершенных на территории соседней Югославии; аллегорическим романом Ф. Шанты "Пятая печать" (1963), герои которого выбирают между достоинством и жизнью; и эссе Ш. Чоори "Венгерский апокалипсис" (1982), открывшим подлинную трагедию 2-й венгерской армии, разгромленной на Дону зимой 1943 г.

По мере того, как события военных лет отдалялись от времени, война стала осознаваться писателями не только как трагедия национальной истории, но и как событие универсальное, как испытание человеческой цивилизации, как величайшая травма, оказывающая неослабевающее воздействие на самосознание культуры с ее традиционными представлениями об этике, прогрессе и гуманизме. "Все войны бесчеловечны, – писал в 1965 г. поэт Я. Пилински. – Уже первая мировая война стала духовной и материальной катастрофой столетия, однако все мы в той или иной степени ощущаем, что вторая мировая война была совершенно иной, чем первая, больше того, это было нечто совсем иное, чем все предыдущие войны. В эту войну человек пал так низко, что увидеть дно пропасти нам, наверное, никогда не удастся" [1. 1 к., 268 old.]. Символом этого падения, "трещиной, расколовшей время", подлинным "скандалом века", по определению поэта, стал Освенцим, после которого "невоз-

можно не проводить черту между тем, что существовало до него, и тем, что было и еще будет после Освенцима" [1. 2 к., 159 old.].

Тема концлагеря имеет в венгерской прозе свою историю. По понятным причинам изначально проза о лагерях была сконцентрирована на разоблачении варварской идеологии и практики нацизма с его технологией индустриального насилия, "фабриками смерти" (то же самое можно сказать и о теме ГУЛАГа и сталинизма в творчестве Кёстлера, Солженицына, венгра Й. Лендела). Лишь с годами "скандальность" Освенцима стала осознаваться как ситуация экзистенциальная (предчувствие которой дано было уже в творчестве Кафки). О гитлеровских лагерях с их беспредельным насилием и массовым убийством людей (равно как и о сталинский ГУЛАГ) разбились прежние этические представления и формулы человеческой судьбы – античного "рока", христианского "промысла", "преступления и наказания", каждая из которых предполагает ту или иную форму ответственности человека за свои поступки и судьбу. Этот новый подход к ней в 70–80-е годы можно наблюдать у тех венгерских прозаиков, которые обращались к ней в 70–80-е годы, как, например, И. Кертес в романе "Без судьбы" (1975) или Д. Шомь в романе "Рампа" (1984).

Сюжет первой из упомянутых книг обычен. В романе от первого лица рассказывается о четырнадцатилетнем еврейском подростке, его пути в немецкий концлагерь, мучениях, перенесенных в Освенциме и Бухенвальде с их постепенно открывающимися ужасами. Уже в самом конце войны герой попадает в лагерный лазарет, где чудом спасается и возвращается домой в Будапешт. "И все же, – замечает один из критиков, писавший о книге Кертеса, – с первых же фраз романа мы получаем от него нечто иное, чем от обычного романа, пусть даже и повествующего о концлагере. В нем нечто существенное... философия бытия, почти разрушающая рамки литературы, нечто, чего еще не было ни в лагерной прозе, ни в философских системах. Причем разрушение этих рамок достигается все же литературными средствами" [2]. На экзистенциальное самоощущение человека, порожденное опытом концлагеря, указывает уже само название романа. "Без судьбы" – это, по Кертесу, обобщенная формула индивидуального бытия человека, лишенного возможности распоряжаться собственной жизнью, столкнувшегося в XX в. с ситуациями слепого, массового, тотального, не адресованного конкретному человеку насилия, частным случаем которого был Освенцим.

Критики обратили внимание на стилистическую особенность романа Кертеса: сдержанную беспристрастность и ироничность повествования. Абсурдная бесчеловечность происходящего в лагере контрастирует с естественным тоном, каким об этом рассказывается. Видимая целесообразность, "рациональность" лагерного миропорядка, каким он представляется наивному, не обладающему житейским опытом герою, становится источником брутальной иронии, "оуждающей" страшный жизненный материал, делающей его художественно эффективным.

"Иронию, – замечает автор, предворяя второе издание романа, переведенного уже на несколько европейских языков, – порождает сама ситуация современного человека: ситуация несоразмерности личности и истории... В мире, где арест ни в чем не повинного человека есть нечто из ряда вон выходящее, это может быть даже комично. Но там, где это становится повседневной практикой, комичен человек, полагающий, что ему ничто не грозит, ибо он ни в чем не повинен... Если в этих условиях мы хотим сохранить ментальное равновесие, нам следует искать путь к реальности между Сциллой иллюзий и Харибдой отчаяния, ориентируясь только на факты. Поэтому я бы рискнул утверждать, что ирония есть реализм нашего времени" [3. Вкладыш].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pilinszky J. A mélypont ünnepléye. Próza.* Budapest, 1984.
2. *Spiró G. Non habent sua fata. A sorstalanság – újraolvasva // Elet és Irodalom.* 1983, 29.VII.
3. *Kertész I. Sorstalanság.* Budapest, 1985.

© 1996 г. СЛУЧ С.З.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918–1941 ГОДАХ. МОТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ¹

За всю историю Веймарской республики не было другого такого периода, когда германо-советские отношения имели бы столь устойчивую тенденцию к ухудшению, как в первые четыре года после подписания Берлинского договора. В обобщенном виде причины этого процесса можно свести к следующему: усиление тоталитарных черт советского режима, с одной стороны, и изменение международной обстановки, связанное с ослаблением Версальской системы и, соответственно, с укреплением позиций Германии – с другой.

Так, казалось бы, самая лелеемая и тщательно оберегаемая сфера военно-технического сотрудничества подверглась серьезному испытанию в конце 1926–1927 гг. в результате серии разоблачительных публикаций в британской, а затем немецкой печати о "советских гранатах". Причем свою лепту в фактическое замораживание этого сотрудничества в 1927 г. внесла не только немецкая сторона в лице Штреземана, но и советское руководство. Последнее решило отказаться как от совместных с немцами военно-промышленных предприятий, так и от дальнейшей организации военных школ, прервав незавершенные переговоры по этим вопросам. Что же касается уже проводившихся совместных испытаний в области авиации и аэрхимии, то их было предписано "строго изолировать от армейской жизни и при первой возможности ликвидировать" [1. Д. 4. Л. 45]. Подоплеку столь неожиданно жесткого решения Политбюро (его пришлось пересмотреть уже спустя полгода, направив в Берлин с новой миссией Уншлихта – добиваться "интенсивного продолжения советско-германского сотрудничества: (цит. по [2. S. 152]) раскрыл Крестинский: в основе этого решения лежало представление, что "Германия постепенно входит, по мнению наших военных, в фарватер английской политики" [3. 1990. № 6. С. 117].

Спустя некоторое время начался кризис в торгово-экономических отношениях. В ходе фабрикации ОГПУ по указанию Сталина "Шахтинского дела" были арестованы несколько немецких инженеров и техников, работавших по контракту в Советском Союзе. Причем решение об их аресте было принято Политбюро по предложению Сталина и Молотова. Немецкая сторона прервала в знак протеста переговоры по экономическим вопросам. Трагифарс "Шахтинского дела" был лишь эпизодом в

Случ Сергей Зиновьевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Окончание. Начало № 6, 1995 г.

дальнейшей череде явлений набравшего мощь режима: насильственная коллективизация, антицерковная кампания, притеснения граждан немецкой национальности и т.д. – все это не могло не повлиять, в частности, на германо-советские экономические отношения, которые к середине 1929 г. оказались в кризисе.

С лета 1928 г. до весны 1930 г. в Веймарской республике у власти находилось коалиционное правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером, что уже по идеологическим причинам не могло способствовать укреплению германо-советских отношений. В этот период события внутренней жизни СССР оказались под более пристальным вниманием Берлина, чем раньше. Не случайно преемник Штре-земана на посту министра иностранных дел Ю. Курциус, вероятно, впервые за всю историю двусторонних отношений, выступая на заседании правительства 20 февраля 1930 г., поставил возможность расширения экономического сотрудничества в зависимости от изменений в советской внутренней политике.

Конечно, было бы неправомерно все сводить исключительно к политике Кремля: негативные изменения в германо-советских отношениях, как, впрочем, и в отношениях СССР с другими державами, являлись результатом сложного взаимодействия множества внутренних и международных факторов. Вместе с тем важно не упускать ведущий из них – главную причину ухудшения германо-советских отношений в конце 20-х годов, которую всегда замалчивала советская историография, признавая лишь на словах тесную связь между внутренней и внешней политикой обоих государств; на деле же она постоянно руководствовалась "основополагающим" методологическо-директивным подходом, сформулированным в одном из решений Политбюро того периода: "Мы отвергаем официальное обсуждение вопросов, касающихся нашей внутренней политики, хотя бы даже в порядке объяснения ухудшившихся советско-германских отношений"; и далее: "ухудшение может наступить, если к этому германское правительство стремится сознательно в результате изменения своей общей ориентации" [1. Д. 8. Л. 151].

Возникла в известном смысле парадоксально-тупииковая ситуация: с одной стороны, советское руководство демонстрировало такую степень заинтересованности в поддержании хороших отношений с Германией, что отвергало даже саму мысль, что его политика может быть причиной их ухудшения; с другой – объясняя ухудшение этих отношений исключительно изменением внешнеполитической ориентации Берлина, оно, подпитывая тезис перманентно нарастающей военной угрозы, вынуждало свою дипломатию к таким шагам на международной арене, которые уже немецкими политиками могли оцениваться как изменение внешнеполитических приоритетов Москвы.

Положение начало постепенно меняться лишь в середине 1930 г. Прагматизм в очередной раз взял верх, и советская сторона вынуждена была пойти на известные уступки, дав согласие на созыв I сессии советско-германской Согласительной комиссии, на которой рассматривались многочисленные претензии, прежде всего германской стороны. В итоге (не без труда) комиссия приняла решения, в большей степени удовлетворявшие немцев.

Важным фактором, повлиявшим как на работу Согласительной комиссии, так и на улучшение двусторонних отношений в целом, явились отставка коалиционного правительства Г. Мюллера и последовавший за этим очевидный поворот внутренней политики Германии вправо – у власти оказался президеальный кабинет Г. Брюнинга. Позитивный сдвиг в отношениях с Берлином, произошедший именно в этот период, в очередной раз подтвердил правильность вывода Радека, сделанного еще в конце 1923 г. в беседе с Брокдорф-Ранцау: "советское правительство может хорошо работать с реакционным германским правительством" [2. S. 85].

Еще одна, вероятно, важнейшая причина улучшения отношений лежала в экономической сфере. Углублявшийся мировой экономический кризис значительно повысил уровень заинтересованности германских промышленных кругов в расширении торговли с СССР, объем которой резко возрос, особенно за счет увеличения экспорта

продукции металлургической и станкостроительной промышленности. Многие представители этих кругов не без симпатии относились в тот период к Советскому Союзу – к режиму, который обеспечивал жесткую дисциплину на предприятиях и который, согласно официальным заявлениям, ликвидировал безработицу, покончил с забастовками и иными формами недовольства, нарушающими производственный цикл. Подобная позиция входила в резкое противоречие с настроениями в социал-демократических, профсоюзных и леволиберальных кругах, осуждавших бесчинства сталинского режима и засыпавших правительство Брюнинга протестами и требованиями занять более жесткую позицию в отношении СССР. Однако кабинет Брюнинга явно не был склонен, как отмечали немецкие историки, "принести в жертву этим внутригерманским протестам курс на усиленное сотрудничество с Советской Россией", прежде всего по внешнеполитическим причинам [4].

В обстановке столь сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов в начале 1931 г. немецкая сторона подняла вопрос о продлении Берлинского договора. В ходе переговоров обе стороны согласились на бессрочное продление договора – с оповещением о расторжении за полгода или год. Однако позднее по настоянию Брюнинга договор был продлен всего на два года и протокол о его продлении подписан 24 июля 1931 г. в Москве. Его ратификацию Брюнинг, ведший в тот период очень сложную игру с Францией и планировавший кардинальную ревизию Версальского договора, умышленно затягивал – он хотел "при необходимости иметь свободные руки" и не связывать себя обязательствами в отношении СССР [5]. Ратификация Московского протокола к Берлинскому договору произошла спустя почти два года, когда уже не только канцлер Брюнинг, но и Веймарская республика стали достоянием истории.

Такое развитие событий дало основание некоторым историкам утверждать, что "с июня 1931 по май 1933 г. Берлинский договор не действовал" [6]. Но так ли это? Даже если оценивать эти события исключительно с формально-правовой точки зрения, то и тогда вряд ли будет оправдан столь категоричный вывод. К тому же ситуация в годы мирового экономического кризиса в определенном смысле более благоприятствовала двусторонним отношениям, чем в предшествовавшие несколько лет: достигло своего пика военно-техническое сотрудничество, имели место регулярные контакты и обмен опытом командного состава армий, увеличивался объем торговли, достигший апогея за послевоенный период именно на отрезке формального бездействия Берлинского договора.

Конечно, не стоит идеализировать отношения между Берлином и Москвой в последние годы Веймарской республики. У обеих сторон были порой основания для определенного и даже немалого беспокойства относительно действий партнера по Берлинскому договору. Настороженную сдержанность советского руководства, вызванную пребыванием у власти коалиционного правительства Г. Мюллера, сменила после его отставки озабоченность усилением национал-социалистов, превращением НСДАП в одну из ведущих сил всей политической жизни, т.е. тем процессом, развитию которого объективно способствовали политика Сталина и его соратников, направленная на раскол германского рабочего класса, всех левых сил.

В свою очередь немецкую сторону беспокоили переговоры СССР с Францией и Польшей о заключении договоров о ненападении как свидетельствующие, по мнению немецких дипломатов, "о полном изменении курса советской внешней политики" [7. Ф. 082. Оп. 14. П. 62. Д. 2. Л. 365]. Именно подобные опасения и давали основания руководству НКВД в начале 1932 г. для оптимистичного вывода: нератификация протокола о продлении Берлинского договора "пожалуй, более невыгодна сейчас немцам, чем нам" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 83. Д. 33. Л. 5].

В западной историографии широко распространен тезис о "двойственности" политики СССР с 1931 г., когда она "утратила свою одностороннюю ориентацию на Германию в пользу Франции" [8]. Мне представляется, что в этом, как и в ряде других случаев, при оценке внешней политики большевистского руководства упуска-

ется из виду ее доминанта – делать все возможное, чтобы сталкивать между собой державы капиталистического мира. Об этом Чичерин напоминал Сталину в 1929 г.: "... всякое обострение антагонизмов Германия – Антанта, Франция – Италия, Италия – Югославия, Англия – Америка означает упрочение нашего положения, уменьшение всяких опасностей для нас" [9].

Очевидно, что Германия своим противостоянием державам-победительницам, своими напряженными отношениями с соседями на востоке Европы длительное время была самым предпочтительным партнером для советского руководства. По мере того как Берлин продвигался по пути смягчения напряженности в отношениях с западными державами, перед Кремлем вставали иные проблемы, не в последнюю очередь связанные с необходимостью изыскать новые возможности для стимулирования очередного периода напряженности в Европе. И с этой точки зрения Сталин на XVII партсъезде совершенно искренне говорил о "мнимой переориентации СССР" [10. С. 14]. Ее действительно не было, происходило лишь тактически обусловленное, временное налаживание отношений с потенциальными противниками Германии, что, в свою очередь, должно было затруднить урегулирование отношений между Берлином и этими странами. При этом обеспечение безопасности СССР непосредственно увязывалось с перманентным поддержанием определенного уровня противостояния в Европе, что отражало не двойственность, а преемственность основополагающих целей Кремля в условиях изменившейся международной обстановки.

Таким образом, несмотря на наличие немалых проблем в отношениях между двумя странами в последний период существования Веймарской республики, нет оснований считать, что нератификация Московского протокола о продлении Берлинского договора сколько-нибудь серьезно повлияла на двусторонние отношения. Колебания политической конъюнктуры как на международной арене, так и внутри агонизировавшей Веймарской республики в начале 30-х годов еще не были столь значительными (даже в период канцлерства Ф. фон Папена), чтобы создать непосредственную угрозу прагматическому характеру двусторонних связей, в основе которых, как отмечал в начале декабря 1932 г. близкий генералу В. фон Бломбергу, вскоре ставшему министром рейхсвера в правительстве Гитлера, полковник В. Фишер, "лежит долготелнее военное сотрудничество, а оно значит больше, чем все пакты мисте взятые" [7. Ф. 05. Оп. 12. П. 84. Д. 34. Д. 232].

Приход Гитлера к власти стал вторым по значению рубежом в германо-советских отношениях после 1917 г.

Политика Германии в отношении СССР в первый год пребывания национал-социалистов у власти, сочетая в себе различные тактические установки, обусловленные, как правило, сугубо прагматическими потребностями момента, по мере укрепления позиции нового режима внутри страны и на международной арене все больше отдалялась от традиционных концепций консервативной элиты (МИД, рейхсвер), все больше подпадая под контроль Гитлера и его предельно идеологизированной внешнеполитической программы.

Реконструкция реакции Кремля на приход Гитлера к власти и последовавшие изменения в отношениях между двумя странами по-прежнему весьма затруднена, так как многие документы, отражающие мнение советского руководства, прежде всего – Сталина, все еще крайне малодоступны. Правда, более доступны стали документы, позволяющие судить о характере информации, связанной с событиями в Германии и эвентуальном развитии ее внешней политики, направлявшейся нескольким лицам в высшем руководстве СССР, что позволяет лучше понять подноготную как некоторых оценок, так и соответствующих решений, принятых в Кремле.

В свете ставших известными фактов выясняется: в основе того, что вплоть до середины 1934 г. Сталин продолжал считать самостоятельность Гитлера ограниченной, а его правление недолговечным, лежала не только догматическая оценка фашизма как орудия монополистического капитала, но и конкретная информация, в свою очередь основанная на вполне искренних заблуждениях традиционных немецких элит,

считавших возможным контроль над Гитлером и его партией. Конечно, заблуждения в Кремле этим не исчерпывались. Но с точки зрения установки на продолжение сотрудничества на прежнем уровне – приоритетности "германского фактора" во внешней политике СССР – именно эти ошибочные представления играли, по всей видимости, определяющую роль.

Оценки перспектив германо-советских отношений даже в первые месяцы после прихода Гитлера к власти почти не изменились. И что примечательно – отсутствием иллюзий, особенно небезопасных для СССР, не страдала ни одна из сторон. Германский посол Г. фон Дирксен, по всей видимости, вполне искренне считал программные установки Гитлера и Розенберга лишенными "какого бы то ни было политического значения", так как "реальная государственная политика быстро заставит национал-социалистов забыть о своих прежних конструкциях". В беседе с высокопоставленным чиновником НКВД Дирксен выразил мнение, что "за последние месяцы Гитлер многое понял и твердо стоит на Рапалльской линии". Этому, подчеркнул посол, в значительной мере способствовали его доклады и "в особенности влияние Нейрата" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 206]. Не отставали от дипломатов и военные, продолжавшие убеждать советских дипломатов, что "об изменении советско-германских отношений не может быть и речи ни при каких условиях". Эти слова министра рейхсвера генерала В. фон Бломберга по его просьбе были переданы в советское посольство. Более того, Бломберг заявил, что существующая "основа взаимоотношений между Германией и СССР уже не удовлетворяет не в том смысле, что Рапалло – это слишком много, а, наоборот, в том смысле, что – этого уже слишком мало" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 90–91].

Наложение подобной информации на уже существовавшие в Кремле представления о якобы решающем влиянии рейхсвера на политику Германии, наряду с поступающими от советских дипломатов в Берлине предложениями о необходимости жестко реагировать на все антисоветские эксцессы нового режима, чтобы "толкать нынешнее правительство к сознанию всей тяжести возможных последствий ссоры с нами" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 189], вполне могло повлиять на решение Сталина пойти на разрыв военного сотрудничества с Германией. Никогда не брезговавший шантажом Сталин, считая, что командование рейхсвера по-прежнему заинтересовано в продолжении военно-технического сотрудничества с СССР, вполне мог попытаться использовать этот рычаг давления на правительство Гитлера, чтобы принудить его к возобновлению прежней, дружественной СССР политики.

Одновременно Сталин начинал сложную игру, сочетавшую дипломатические демарши и шумную пропагандистскую кампанию по поводу конкретных актов произвола против советских представителей и учреждений в Германии с недвусмысленным подыгрыванием национал-социалистической политике на международной, да и на внутригерманской арене. Подтверждением этого является весьма показательная история с подготовкой обмена ратификационными грамотами о продлении Берлинского договора, которой предшествовали довольно длительные переговоры с германским посольством в Москве по согласованию текста совместного коммюнике.

Ратификация Московского протокола 1931 г. рассматривалась руководством НКВД и как стремление Берлина "пробить брешь в отношениях между СССР, с одной стороны, Францией и Польшей – с другой". Тем не менее в НКВД полагали, что вступление в силу Московского протокола, продлевавшего Берлинский договор, "и особенно поднятый вокруг этого... шум, имеют очень большое положительное значение". Оно, по мнению руководства Наркоминдела, складывалось из возможности продолжать оказывать давление на Польшу ("по линии Польши") и просвещать "широкие круги национал-социалистов", которые увидят, что "действительно, нынешнее правительство Германии считает выгодным для себя прежние отношения с Советским Союзом" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 27. Л. 15–17].

В приведенных оценках поражают не столько даже иллюзии относительно политики Гитлера (от них в Наркоминделе скоро избавятся), сколько само желание

изыскивать пути и аргументы для того, чтобы продолжать сотрудничество с новым режимом. Это отражалось, в частности, в стремлении осудить становление тоталитарного режима в Германии исключительно через прессу. Официальные же лица были предельно осторожны в выражениях: "Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом Германии" (Сталин) [10. С. 13]; "мы, несомненно, с сочувствием относимся к страданиям наших товарищей" (из КПГ. – С.С.) (Литвинов) [11]. Но тот же Литвинов в беседе 19 декабря 1932 г. с последним канцлером Веймарской республики генералом Шляйхером как бы авансом выдал индульгенцию нацистскому террору, заявив, что "считал бы совершенно естественным, если бы с коммунистами в Германии обращались так же, как в России имеют обыкновение обращаться с врагами государства" [12. Ser. B. Bd. XXI. Dok. 229. S. 482].

Имело место с советской стороны и своего рода "подлаживание" к новому режиму, причем не только в политической, но и в идеологической сфере, чего не делали никогда даже западные "сверхумиротворители". Литвинов в докладной записке Сталину – по поводу замещения должности советника полпредства СССР в Берлине – аргументировал свое предложение следующим образом: "По мнению НКВД, при нынешней политической обстановке в Германии было бы неудобно иметь однорасовый состав верхушки полпредства" [7. Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 78. Л. 46]. Так Москва начинала усваивать, руководствуясь, разумеется, исключительно "интересами СССР", расистские принципы в подборе кадров для своих зарубежных представительств.

Самые серьезные внешнеполитические акции Германии в 1933 г. – уход из Лиги Наций и с конференции по разоружению – были также с "большим пониманием" восприняты в Москве. Во всяком случае, когда советник германского посольства фон Твардовски сообщил Литвинову о причинах, побудивших Германию покинуть два столь представительных международных форума, то, согласно его донесению: "Г-н Литвинов продемонстрировал такое понимание нашей позиции, что я выразил сожаление в связи с тем, что эта точка зрения ответственного руководителя советской внешней политики совершенно не находит отражения в советской прессе" [12. Ser. C. Bd. II, 1. Dok. 12. Anl. S. 18].

Чем можно объяснить столь резкое изменение тональности дипломатического диалога с советской стороны в момент, когда "журналистский конфликт", возникший из-за отказа допустить представителей советской прессы на процесс о поджоге рейхстага, еще не был завершен? Здесь, по всей видимости, возможен только один вариант толкования – в Кремле были в высшей степени удовлетворены реальным обострением отношений между Германией и западными державами, вызванным разрывом Берлина с международными организациями. В условиях обозначившегося очередного противостояния в Европе для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима третьего рейха, ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и, следовательно, рано или поздно ей будет нужен союзник на Востоке. В том, что эта роль уготована только СССР, по всей видимости, серьезных сомнений в Москве не было. С такой Германией Сталин готов был искать сотрудничества, если и не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое.

Будучи догматиком отнюдь не в меньшей степени, чем Гитлер, Сталин долго не расставался со своими представлениями о национал-социалистическом режиме, не желая признавать ту огромную роль, какую играли идеологические догматы в формировании внешней политики третьего рейха. Ему были непонятны действия Гитлера, направленные, несмотря на все усилия Москвы и германского посла Р. Надольного, на замораживание германо-советских отношений. Практическая политика третьего рейха и прежде всего германо-польское соглашение от 26 января 1934 г. заставили Сталина перейти к более сложным маневрам на международной арене. К этому времени относятся и оформление двухуровневой советской внешней политики. Официально декларируемый и широко известный во всем мире внешнеполитический курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии, представленный Литвиновым с его

знаменитым лозунгом "мир – неделим", был не более чем тактическим маневром, камуфляжем генеральной сталинской стратегии, направленной, как и ранее, на разделение мира и сталкивание одних государств с другими, на углубление возникавших противоречий и конфликтов, т.е. стратегии, связанной в конечном счете с экстраполяцией деструктивного марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу международных отношений.

1933 год стал поворотным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутривнутриполитическими переменами в Германии. Инициатива кардинальных изменений в двусторонних отношениях исходила от главы нового политического режима. Тактика Гитлера в отношении СССР, не говоря уже о его программной стратегии, представляла собой, несмотря на определенные зигзаги на протяжении 1933 г., полный разрыв с предшествовавшей политикой Веймарской республики. В то же время внешнеполитическая стратегия Сталина в целом оставалась неизменной, что же касается его тактики, то при всем внешнем противостоянии она всегда держала "двери открытыми" для эвентуального соглашения и даже сотрудничества с национал-социалистической Германией. И в этой связи вполне можно говорить о стремлении Сталина сохранить преемственность в отношениях с Германией, что объяснялось и его неизменной стратегической линией на международной арене, и полным непониманием сущности родственного тоталитарного режима. Поэтому-то 1933 год, резко изменивший германо-советские отношения, стал переломным во внешней политике Германии по отношению к СССР, но не был таковым для режима сталинского.

Советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. была уготована беспрецедентная роль: в истории международных отношений не было другого такого случая, чтобы спустя более полувека после заключения соглашения по-прежнему оставалось предметом не утихающей не только научной, но и политически актуальной дискуссии. Что касается историков, то они все еще расходятся во мнениях не только относительно последствий этого договора, но и по поводу того, от кого исходила инициатива, приведшая к его подписанию. Причем, если ранее, на протяжении нескольких десятилетий основные расхождения существовали между советской (марксистской) и западной (немарксистской) историографией, то ныне – преимущественно внутри российской историографии. В самом обобщенном виде они сводятся к дилемме: от германской или от советской стороны исходила инициатива в сближении третьего рейха и СССР в 1939 г.? Обоснованный ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение прежде всего для оценки внешнеполитического курса советского руководства на протяжении последнего предвоенного года, не говоря уже о последующем периоде.

1938 год внес существенные изменения как во внутреннее, так и международное положение Германии и СССР. Осуществив аншлюс и добившись от западных держав в Мюнхене согласия на отторжение от Чехословакии важных в военно-стратегическом отношении территорий, Гитлер не только увеличил военно-экономический потенциал рейха, усилил его международные позиции, превратив тем самым Германию в доминирующую державу Центральной Европы, но и смог благодаря этому сломить внутреннюю оппозицию своему внешнеполитическому курсу со стороны военной и бюрократической элиты.

Нараставшая на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене была результатом взаимодействия целого ряда внутренних и внешних факторов. Внутренне ослабленный массовыми репрессиями и "издержками" социалистического строительства, в значительной мере небоеспособный и несоюзоспособный Советский Союз был не в состоянии что-либо противопоставить на международной арене идущей к своему апогею политике "умиротворения" третьего рейха, осуществлявшейся западными державами. Не желая в этих условиях рисковать и быть втянутым в конфликт из-за Чехословакии, которая была фактически списана в Наркоминделе в "убыток" сразу же после аншлюса, советское руководство все больше склонялось к тому,

чтобы, по словам Литвинова, занять "позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе" [7. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 18]. Этот вынужденный изоляционизм, явившийся следствием ослабленности международных позиций СССР, особенно проявился в ходе разрешения чехословацкого кризиса в конце сентября 1938 г., что, кстати, предвидели в Берлине.

Очевидная недееспособность СССР на международной арене дала основание статс-секретарю германского МИД Э. фон Вайцеккеру констатировать: "Россия не представляет интереса ни в качестве друга, ни в качестве врага" [13]. Эта точка зрения высокопоставленного профессионального дипломата в полной мере отражала в конце 1938 г. прагматическое отношение к Советскому Союзу в высших сферах третьего рейха, сформировавшееся под влиянием оценки "фактора СССР" в свете тех внешнеполитических задач, которые либо уже были сформулированы Гитлером в соответствующих директивах, либо находились в процессе вызревания.

В контексте конкретных внешнеполитических задач, связанных с замыслом Гитлера нанести первый удар на Западе, обеспечив благоприятный нейтралитет Польши на Востоке, отношения третьего рейха с Советским Союзом могли иметь исключительно инструментальное значение, не выходящее за рамки вышеупомянутой оценки Вайцеккера. Последнее подтверждают и документы другой стороны. Так, в итоговом отчете советского посольства в Берлине за 1938 г. обращается внимание на то, что в отношении Германии к СССР не произошло никаких принципиальных изменений, т.е. его по-прежнему характеризовало жесткое политико-пропагандистское противостояние на международной арене.

Подобный подход, разумеется, не исключал контактов и инициатив экономического характера. Так, в последние месяцы 1938 г. в связи с выдвинутой Гитлером задачей – резко увеличить производство вооружений – ряд заинтересованных ведомств сумел привлечь даже таких лиц, как Геринг и Риббентроп, подготовили предложения об активизации германо-советской торговли посредством предоставления СССР крупного кредита на льготных условиях.

В такой обстановке центральный аппарат МИД в Берлине и посольство в Москве, опираясь на ярко выраженную и даже скоординированную заинтересованность ряда ведомств в том, чтобы получать из СССР как можно больше стратегического сырья, предприняли в конце 1938 – начале 1939 г. ряд инициатив по расширению германо-советских торговых контактов.

Создается даже впечатление, что в Кремле ждали этого момента. И тот факт, что в конце ноября 1938 г. член Политбюро, заместитель председателя СНК А. Микоян был назначен еще и наркомом внешней торговли, свидетельствует об уровне, на который Сталин предполагал поднять переговорный процесс, понимая, что немцы, интенсивно готовясь к войне, неизбежно упрутся в проблему нехватки стратегического сырья, т.е. в необходимость расширения торговых отношений с СССР.

Однако намечавшийся многообещающий диалог между Берлином и Москвой по торгово-экономическим вопросам был весьма недипломатично сорван, по сути, так и не начавшись. Заведующий восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД К. Шнурре вспоминал впоследствии, что "русские восприняли как пощечину" отмену его визита в СССР по распоряжению И. Риббентропа [14].

Образно говоря, к XVIII съезду ВКП(б) высшее руководство СССР и третьего рейха "подошли" с разным "настроением". Сталин уже сделал выбор в пользу сближения с Германией, но требовалось еще найти отнюдь не простые пути и методы его реализации, чтобы и "не продешевить", обеспечивая интересы режима, и вместе с тем не утратить имидж последовательного борца за сохранение мира, оказывающего помощь жертвам агрессии, возложив при этом всю ответственность за свои провалы и в том, и в другом на мюнхенских провокаторов войны, привыкших "загрести жар чужими руками" [15].

Те историки, кто, анализируя доклад Сталина на XVIII партсъезде, пытались найти в его рассуждениях логику, мотивированные выводы, упускали из виду крайне важное

обстоятельство, на которое в конце 80-х годов обратил внимание Л. Баткин: у Сталина "умысел и решение" предшествуют "рассуждению". Сталинский текст – "это способ дать понять, догадаться о решении и в такой же мере способ помешать догадаться" [16]. Но при этом в нем всегда была заложена определенная сигнальная функция, исторические последствия которой, как правило, несопоставимы по масштабам с содержанием текста. В тот момент, в марте 1939 г., эта функция явно "не сработала". Просигнализовав о готовности искать новые пути для обеспечения безопасности страны, дав понять о "возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР" [17], Сталин, однако, не достиг рецептора, поэтому этот сигнал предназначался, т.е. Гитлера.

То, что в позиции высшего руководства рейха в отношении СССР к середине марта ровным счетом ничего не изменилось, подтверждает указание министерства пропаганды прессе от 13 марта, как освещать XVIII съезд ВКП(б): "Съезд коммунистов в Москве может комментироваться в том смысле, что он сводится к еще большему укреплению клики Сталина – Кагановича" [18. Zsg 101/12. S. 72].

В целом же, несмотря на возросшее число разговоров о возможном германо-советском сближении, которые на протяжении второй половины марта и в апреле вели немецкие военные и дипломаты, равно как и дипломаты других государств, не говоря уже о газетных публикациях (за пределами Германии), эти разговоры вовсе не означали, что данная проблема в то время стала для высшего руководства рейха актуальнее, чем была ранее.

Можно предположить, что во второй половине апреля Сталин уже располагал некоторой информацией о намерениях Гитлера разрешить "польскую проблему" немирным путем, что, в свою очередь, создавало риск для втягивающегося в переговоры о сотрудничестве с западными державами Советского Союза "вползти" с их помощью в войну. Независимо от возможного исхода подобной войны по ряду объективных и субъективных причин такой вариант никак не мог устраивать Сталина. Поэтому достижение соглашения с нацистской Германией стало не только приоритетной, но и безотлагательной задачей советской внешней политики.

Разумеется, столь резкая переориентация официального курса требовала поистине иезуитского мастерства, а, стало быть, осуществить ее мог только особо доверенный Сталину человек, каковым Литвинов определенно не являлся. Одновременно устранение Литвинова должно было нести чрезвычайно важную знаковую функцию – никакое другое событие в Советском Союзе (исключая смерть вождя) не могло в тот момент вызвать большего резонанса в мире, чем отставка Литвинова, с именем которого на протяжении значительной части 30-х годов ассоциировались идеи "коллективной безопасности" и призывы к созданию единого фронта против держав-агрессоров. Что же касается патологического антисемита Гитлера, то для него важнейшим симптомом изменения в советской внешней политике должно было стать не отстранение от дел прозападника Литвинова, а смещение еврея Литвинова с поста наркома иностранных дел. Предугадать последнее было не трудно, и Сталин использовал этот сильнейший аргумент для сближения с третьим рейхом тогда, когда ждать дальше уже было нельзя – дело шло к большой войне, в которой Сталин не хотел и не мог участвовать. И на сей раз расчет советского вождя оказался точным.

Уже 5 мая редакции всех периодических изданий рейха получили общее указание: "Немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма. ... И до новых указаний не позволять себе каких-либо резких высказываний в адрес Советского Союза" [18. Zsg 101/13. S. 5]. Последнее могло означать только одно: шеф имперской прессы О. Дитрих получил распоряжение лично от Гитлера, который наконец-то проявил интерес к изменениям в советской внешней политике.

На 10 мая в резиденцию фюрера в Бергхофе были вызваны специалисты "по России" – советник посольства в Москве Г. Хильгер и Шнурре. Посол Ф. фон Шуленбург и военный атташе Э. Кёстринг находились в командировках, и сам факт доклада в их отсутствие лишь подчеркивал внезапность возникшего вдруг

интереса к "русской проблеме". По воспоминаниям Шнурре, среди многочисленных вопросов, заданных Гитлером, был и такой: "Будет ли готов Сталин при известных обстоятельствах договориться с Германией" [14. S. 74, 75]. Дипломаты ожидали, что в конце встречи Гитлер выразит свое отношение к эвентуальному сближению с СССР, даст конкретные указания, как вести дальнейшие переговоры, но этого не произошло. Последнее, по всей видимости, могло свидетельствовать о том, что Гитлер, отреагировав прежде всего на смещение Литвинова и получив довольно обширную информацию от экспертов "по русским делам", не принял никакого решения. Эта неопределенность имела место и при упоминании "фактора СССР" в выступлении Гитлера на совещании с руководством вермахта 23 мая. Вместе с тем не вызывает сомнений то, что после снятия Литвинова политика СССР и состояние германо-советских отношений постоянно находились в поле зрения фюрера.

В течение первой половины мая Сталин получал из разных источников информацию, что он "услышан" в Берлине. Теперь настало время ужесточить советскую позицию в ходе обмена мнениями с правительствами западных держав, что нашло выражение в передовой статье газеты "Известия" ("К международному положению") от 11 мая, в которой акцентировалось внимание на серьезных противоречиях между СССР и западными державами. Их советское руководство и собиралось "преодолевать" путем подобного рода публичной дипломатии – через прессу. Кстати, этот метод практиковался на всем протяжении англо-франко-советских политических консультаций весной – летом 1939 г. В то же время острая критика политики западных держав на страницах советских газет неплохо ориентировала германскую дипломатию, военное и политическое руководство третьего рейха относительно перспектив соглашения между СССР и западными державами.

Тем временем в германо-советских отношениях произошло немаловажное событие: 20 мая 1939 г. Шуленбурга по его просьбе принял нарком иностранных дел и председатель СНК В. Молотов. Эта встреча была примечательна прежде всего тем, что на ней оба главных действующих лица, находившихся за кулисами, сделали по очевидному ходу, которые отнюдь не были равноценны. Шуленбург был уполномочен Риббентропом (по некоторым немецким сведениям – по личному указанию Гитлера) выяснить "точку зрения советского руководства на советско-германские отношения", соблюдая при этом "величайшую осторожность", дабы не нанести ущерб германо-японским отношениям [19]. Анализ этих указаний крайне важен для понимания позиции высшего руководства в Берлине: очевидно, что то был зондаж позиции Кремля, не более, но с сохранением при этом приоритета за германо-японскими отношениями. Инструкция Риббентропа Шуленбургу для его первой беседы с Молотовым достаточно красноречиво подтверждает тот факт, что вопрос о выборе между столь желанным военным союзом с Токио и сближением с Москвой для германского руководства во второй половине мая не стоял.

Сталин ко времени встречи Молотова с Шуленбургом уже располагал информацией относительно того, что высшее японское руководство отклонило предложение Германии заключить военный союз, направленный прежде всего против Англии и Франции, и что, несмотря на предстоящее подписание "Стального пакта" с Италией, в окружении Риббентропа придерживаются следующего мнения: "в настоящий момент... международная обстановка не благоприятствует нам и наша подготовка к войне еще не закончена" [20]. На основании этой и, вероятно, еще другой информации Сталин пришел к выводу о необходимости, не форсируя диалог с Берлином, перевести его сразу же в иную плоскость, а именно – политическую, что неизбежно должно было вовлечь в переговорный процесс высшее политическое руководство Германии. Такова, на мой взгляд, был подоплека принципиально важной фразы, произнесенной Молотовым 20 мая в беседе с Шуленбургом: "Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база" [21].

Больше двух месяцев в Кремле ждали ответа на вопрос, что же понимают в

рейхсканцелярии под подведением политической базы под германо-советские отношения, иными словами, что может Гитлер предложить Сталину.

Только в конце июля 1939 г. Гитлеру стало очевидно, что внешняя политика третьего рейха не привела к созданию сколько-нибудь серьезной угрозы западным державам, прежде всего Великобритании на периферии ее империи, т.е. Германия оказалась перед перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, не имея ни одного реального союзника. И вот в такой трудной ситуации (предположительно между 24 и 26 июля) Гитлер решил схватиться за "последнюю соломинку" – добиться политического соглашения с СССР, которое обеспечило бы его благожелательный нейтралитет в грядущей войне.

Итак, Сталин выиграл очередной раунд, дождавшись от высшего руководства рейха предложений (пока еще в общей форме) о разделе сфер интересов в Европе между двумя государствами. Теперь для него наступал самый ответственный момент: с ювелирной точностью и без тени фальши было необходимо синхронизировать два чрезвычайно важных процесса: используя затруднительное положение и цейтнот, в котором оказалась Германия, так и не решившая проблему изоляции Польши, затягивать переговоры с немцами, добываясь тем самым максимально возможных уступок с их стороны и повышая уровень участников завершающей стадии переговоров; "творчески" используя слабости и непоследовательность политики западных держав, прежде всего британского кабинета, по-прежнему содержавшей как определенный потенциал для "умиротворения" третьего рейха, так и огромное недоверие к намерениям советского руководства и явно не стремившейся в то время по ряду объективных и субъективных причин к достижению эффективного военного соглашения с СССР, исподволь, но неуклонно, с первого же дня трехсторонних переговоров военных миссий в Москве загнать их в тупик. Замысел срыва этих переговоров сложился у Сталина еще до их начала, о чем неопровержимо свидетельствует рукописная инструкция Ворошилову от 7 августа [22]. Все ее пункты были нацелены не на то, как способствовать успеху переговоров (их цель даже не была обозначена), а на то, как их сорвать, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что 11 августа, накануне начала переговоров военных миссий, Политбюро решило "вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин" [23]. Конечно, это решение Политбюро никоим образом нельзя связывать с каким-то переломом в умонастроении Сталина, как это делают некоторые историки. Речь могла идти только о том, чтобы в преддверии предстоящего соглашения с Германией и переговоров на высоком уровне соблюсти некий декорум, ввести членов Политбюро в курс дела в самых общих чертах, не более.

В конечном счете, оба замысла были успешно реализованы – одни переговоры сорваны, другие увенчались успехом. Своей изматывающей тактикой затягивания "переговоров" Молотова с Шуленбургом в августе Сталин буквально "дожал" Гитлера, вынудив его даже обратиться к нему с личным посланием.

Последствия сговора Сталина–Гитлера (пакта Молотова–Риббентропа) и дополненного его спустя месяц с небольшим договора о дружбе и границе между СССР и Германией известны, но проблема мотивации поведения главных действующих лиц, особенно Сталина, в ходе непродолжительного сотрудничества и ее влияния на политику обоих государств требует еще основательного изучения. На первый взгляд, Сталин добился такого соглашения с Гитлером, о котором не мог и мечтать, если исходить из его критериев безопасности страны. Однако на протяжении 22-месячного существования советско-германского пакта Сталин в своих практических шагах навстречу фюреру пошел значительно дальше, чем предусматривалось всеми, в том числе и секретными, протоколами к соглашениям от 23 августа и 28 сентября 1939 г., оказав весомую поддержку нацистскому рейху в политической, военно-стратегической, военно-экономической и даже идеологической сферах. Свои представления о новых отношениях с Германией и их перспективах Сталин сформулировал в беседе с

Риббентропом в ходе второго визита рейхсминистра в Москву в конце сентября 1939 г.: "Это сотрудничество, – заявил он, в частности, – представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации" [3. 1991. № 7. С. 132]. Объяснение такого поведения, как мне представляется, следует искать не в последнюю очередь в большевистско-догматическом мышлении Сталина, видевшего в остроконфронтационном развитии международной обстановки дополнительные возможности для реализации собственных имперских амбиций, отождествлявшихся с интересами безопасности страны, и стремившегося заставить капиталистический мир "немного потесниться и отступить" [24]. И национал-социалистическая Германия своим открытым, вооруженным противостоянием многим, в том числе и ведущим, державам этого столь ненавистного капиталистического мира опять, как некогда кайзеровская и Веймарская Германия, стала очень и очень желанным партнером для кремлевских правителей.

При этом Сталин преследовал прежде всего политические и геостратегические цели; он стремился, используя "расположение" Гитлера, раздвинуть границы СССР, включив в его состав ранее принадлежавшие России территории, – впрочем, и не только их. Именно эти соображения полностью исключили для Сталина в августе 1939 г. "третий путь" – последовательного нейтралитета в приближавшейся второй мировой войне. Сталин связал возможность достижения поставленных целей исключительно с Гитлером, экстраполировав свою выгодную позицию "обхаживаемой" стороны в августе–сентябре 1939 г. на дальнейшие отношения с Германией. Именно в этом коренился решающий внешнеполитический просчет Сталина, во многом предопределивший безальтернативность развития ситуации для СССР. В конечном счете, всей своей предшествовавшей политикой Сталин поставил, а точнее – буквально "загнал" СССР в такое положение, когда в качестве единственно возможного решения, якобы способного оттянуть войну с третьим рейхом, была выбрана чреватая крайне тяжелыми последствиями политика его экономического и политического "умиротворения", достигшая своего апогея весной 1941 г.

Гитлер, для которого, в отличие от Сталина, этот "пакт с сатаной" [25] был вынужденным, не скрывал удовлетворения по поводу достигнутого в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, и на условиях, обеспечивавших вермахту "спокойный тыл" на время будущей Западной кампании. Очевидно, что сроки проведения, ход и продолжительность этой кампании были сокращены благодаря *de jure* политике благожелательного нейтралитета СССР, а *de facto* – его активной поддержке агрессии третьего рейха в различных частях Европы, что открыто признавалось советским руководством.

Поскольку же главная цель внешнеполитической программы Гитлера – разгром и завоевание Советского Союза – оставалась неизменной на протяжении всего периода действия пакта о ненападении, то и сроки начала ее осуществления были значительно приближены. Таковы важнейшие последствия сговора Гитлера–Сталина, проложившего кратчайший путь к нападению национал-социалистической Германии на социалистический Советский Союз. За всю историю взаимоотношений Германии и Советской России (начиная с подписания Брест-Литовского мира) ни один договор не оказал столь рокового воздействия на судьбу их народов, ставших одновременно орудием и жертвой тоталитарных режимов, и судьбу других народов Европы, как пакт, заключенный 23 августа 1939 г.

На протяжении всего межвоенного периода германо-советские отношения постоянно испытывали на себе влияние внутривнутриполитических катаклизмов в обеих странах. Политический прагматизм в 20-е и начале 30-х годов во многом позволял снимать негативные последствия внутривнутриполитического радикализма, особенно присущего бурно развивавшемуся советскому тоталитаризму. Ситуация резко изменилась после прихода Гитлера к власти. Отныне отношения двух государств стали заложниками неприимимого идеологического и политического противоборства двух тоталитарных режимов. Вместе с тем, это не помешало политическому прагматизму совершенно особого,

сверхмакиавеллистского толка в 1939 г. с молниеносной быстротой оттеснить на короткое время внешнеполитические максимы и идеологические догматы, приведя объективно враждебные режимы к тесному сотрудничеству в совместном противостоянии почти всему остальному миру. Последнее стало возможным не только в результате развития международной обстановки, но прежде всего в силу особенностей политических режимов и возглавлявших их вождей в обеих странах. Именно вследствие этих основополагающих факторов представляется корректным следующий вывод, высвечивающий некоторые новые аспекты природы и содержания беспрецедентного по своей остроте противоборства между двумя государствами: не война вообще между Германией и Советским Союзом, а та война, которая началась 22 июня 1941 г. и завершилась в мае 1945 г., не была бы возможна как без Гитлера и его режима, так и без Сталина и его режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 162.
2. *Zeidler M.* Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. München, 1993.
3. Международная жизнь.
4. *Erdmann K.-D., Grieser H.* Die deutsch-sowjetischen Beziehungen in der Zeit der Weimarer Republik als Problem der deutschen Innenpolitik // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1975. Н. 7. S. 422–423.
5. *Brüning H.* Memoiren 1918–1934. Stuttgart, 1970. S. 295–296.
6. *Ахтамзян А.А.* Рапальская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974. С. 277.
7. Архив внешней политики Российской Федерации.
8. *Weingartner Th.* Stalin und der Aufstieg Hitlers. Berlin, 1970. S. 66.
9. Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 12.
10. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934.
11. *Литвинов М.М.* Внешняя политика СССР. М., 1935. С. 70.
12. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP).
13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (PA AA). Botschaft Moskau. Akten betr.: Geheim-Vorgänge vom 1938. Bd. 1. S. 191237.
14. PA AA. *Schnurre K.* Aus einem Bewegten Leben. Manuskript. S. 69.
15. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 15.
16. Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 36.
17. Внеочередная IV сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва. М., 1939. С. 200.
18. Bundesarchiv Koblenz.
19. *Fleischhauer I.* Der Pakt Berlin. 1990. S. 181, 487. Anm. 302.
20. Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 219.
21. Год кризиса 1938–1939. М., 1990. Т. 1. С. 482–483.
22. Документы внешней политики СССР. М., 1957–1995. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584.
23. Известия. 1989. 25.XII.
24. Правда. 1939. 7.XI.
25. *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 74 (запись от 28.08.1939).

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН. ОТЧЕТ за 1995 год

В 1995 г. сотрудники Института славяноведения и балканистики РАН (ИСБ) продолжали реализацию комплексной программы научных исследований "Славянский мир: история и современность". Комплексный характер этой научной программы, объединяющей усилия специалистов различных наук, позволил найти новые подходы к исследованию многих сложных проблем, в том числе к проблеме межнациональных отношений, порой приводящих к весьма острым политическим кризисам и даже вооруженным конфликтам.

Структура Института в текущем году подверглась некоторым изменениям. В Институте был создан Центр по исследованию современного балканского кризиса (руководитель д.и.н. Гуськова Е.Ю.). Главной задачей этого Центра является изучение современного балканского кризиса и издание ряда сборников документов по истории кризиса и новых государств, образовавшихся на карте Европы после распада СФРЮ. Институт видит одну из своих основных задач в разработке проблем исторической преемственности российской государственности, в научном обосновании связей России с Украиной и Белоруссией, их роли в СНГ. (В ИСБ уже существуют Центр украинистики и Центр белорусистики.) Институт стал базовым для вновь образованного при Президиуме РАН Научного совета по проблемам СНГ (руководитель – вице-президент РАН, академик В.Н. Кудрявцев). Этот Научный совет открывает широкие возможности для координации деятельности ИСБ с другими академическими институтами и академическими учреждениями в данной области.

Особое значение для судеб народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) в посткоммунистический период приобрело исследование проблем национализма. Этнические и конфессиональные конфликты на территории распавшихся бывших многонациональных социалистических государств показали степень их угрозы для всеобщего мира. Уберечь Российскую Федерацию и СНГ от развития событий по югославскому сценарию – одна из важнейших задач на предстоящие годы как для политики, так и для нашей науки. В этом плане ИСБ уделяет большое внимание изучению социальной анатомии современных национальных конфликтов, их исторических корней и динамике их развития.

Аналізу этнического самосознания отдельных славянских народов в XV в. посвящена коллективная монография под редакцией академика РАН Г.Г. Литаврина "Этническое самосознание славян в XV столетии" (М., Наука, 18 п.л.) В этом труде на основе привлечения широкой источниковой базы исследуются проблемы складывания этнических стереотипов, непосредственного формирования этнического самосознания русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, хорватов. Вопросы этнической истории венгров рассматриваются в завершенной в этом году монографии д.и.н. В.П. Шушарина "Ранний этап этнической истории венгров (Проблемы этнического самосознания)" (35 а.л.).

В 1995 г. ученые института активно продолжали свои исследования, посвященные роли религии в истории народов ЦВЮВЕ. В монографии академика РАН Г.Г. Литаврина "Византия, Болгария, Древняя Русь в IX–XI вв. (спорные проблемы)" (20 а.л.) – работа над рукописью завершена – на основе прочтения всей совокупности старославянских, греческих, латинских и восточных письменных источников предпринята попытка выяснения причин принятия Древней Русью в качестве монотеистической религии именно христианства в его византийском (восточном), а не западном варианте. Большой интерес вызывает и завершенная в этом году монография д.и.н. Б.Н. Флори "У истоков конфессионального раскола славянского мира (XIII в.)", 8 а.л. (финансировалась РГНФ), в которой исследуется нарастание противоречий между приверженцами католической и православной конфессий в то время и причины религиозного раскола славянства. Тема взаимоотношений католицизма и православия у славянских народов в более поздний период – XVII в. – получила дальнейшее развитие в труде Л.В. Заборовского "Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских переговорах конца 40-х–60-х гг. XVII в. Документы. Исследование. Ч. 1", 18 а.л. (работа завершена, финансировалась РГНФ). Эта работа является первым в мировой историографии трудом, в котором приводятся важнейшие документы об отношениях главных христианских конфессий (кроме протестантов) на Украине и в Великом княжестве Литовском в 1648–1656 гг. Сложные проблемы взаимоотношений различных религий рассматриваются в коллективной монографии "Межконфессиональные отношения в XV–XVII вв." (12 а.л., работа завершена, отв. ред. д.и.н. Б.Н. Флоря). Следует выделить также коллективную монографию "Брестская уния и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в." (10 а.л., отв. ред. д.и.н. Б.Н. Флоря, финансировалась РГНФ), специально приуроченную к 400-летию Брестской унии. Авторы монографии исследуют причины, приведшие к заключению в 1596 г. Брестской унии и к расколу в среде православного населения Украины и Белоруссии на два враждебных лагеря, выдвигают оригинальную концепцию объяснения этих событий.

Сборник статей "Национальный вопрос в Восточной Европе на переломе эпох" (М., 1995, 12 п.л., отв. ред. М.Д. Ерещенко) воссоздает широкую панораму этносоциальных и национально-государственных процессов, развивавшихся в Восточной Европе в конце XIX–XX в. Наряду с теоретическим исследованием проблем наций как таковых, национальной политики различных государств региона, предлагаются новые разработки вопроса о депортациях и массовых перемещениях населения на территории восточноевропейских стран. Представляет интерес и монография к.и.н. В.Н. Савченко "Восточнославянско-польское пограничье 1918–1920 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание)" (М., 1995, 10 п.л., отв. ред. И.И. Костюшко). В этом труде на основе новых материалов, впервые вводимых автором в научный оборот, проводится оригинальный научный анализ этнических и политических процессов, связанных с установлением восточной границы Польши, до сих пор очень слабо исследованных в нашей историографии.

Проблемам функционирования многонациональных государств, опыту решения межнациональных противоречий посвящен сборник статей "Австро-Венгрия: опыт многонационального государства" (М., 1995, 10 п.л., отв. ред. д.и.н. Т.М. Исламов, к.и.н. А.И. Миллер). Сборник создан на основе материалов российской-американской научной конференции 1994 г. К этой проблематике тесно примыкает монография к.и.н. С.А. Романенко "Австро-Венгрия или Югославия? Национальные движения хорватов и сербов в государстве Габсбургов 1890–1914 гг." (15 а.л., отв. ред. д.и.н. В.И. Фрейдзон, работа завершена). Автор данного труда не только исследует проблему возможных исторических альтернатив в судьбах народов Центральной Европы, он анализирует причины, не позволившие государству Габсбургов сохранить целостность, а также предпосылки и тенденции возникновения общего государства южных славян.

Традиционная для исследователей ИСБ тематика международных отношений в

период новой истории в регионе ЦВЮВЕ получила дальнейшее развитие. Завершена авторская работа над сборником статей "Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой" (13 а.л., отв. ред. д.и.н. С.М. Фалькович). Авторы анализируют социально-политические и международные условия, приведшие к падению Польского государства, отражение этих событий в общественной мысли, культуре. Сложнейший комплекс политических, социальных, геостратегических проблем, возникших на Балканах перед первой мировой войной, исследуется в коллективной монографии "В пороховом погребе Европы" (25 а.л., отв. ред. д.и.н. В.Н. Виноградов, работа завершена). На основе большого количества источников, в том числе из отечественных и зарубежных архивов, авторы выдвигают ряд оригинальных концепций рассматриваемых событий. Монография С.И. Данченко "Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903" (20 а.л., работа завершена) посвящена проблемам взаимоотношений России и Сербии в период, весьма слабо исследованный в отечественной историографии. Основные направления внешне-политической деятельности правительства Венгрии, в том числе взаимоотношения с Италией, Чехословакией, Румынией, Югославией, Австрией и Германией в годы после первой мировой войны, в том числе и установление дипломатических отношений с СССР, исследуются в монографии А.И. Пушкиаша "Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 – февраль 1934 гг." (М., 1995, 16 п.л.).

Подходит к концу работа над фундаментальным научным проектом – энциклопедией "Славянский мир: история и культура" (примерный объем – 120 а.л.). Его целями являются суммирование накопленных наукой знаний об историческом и культурном развитии всех славянских народов в неразрывной связи с историей соседних народов, а также показ вклада славянских народов в мировую цивилизацию. Проект выполняется при поддержке РГНФ.

В этом году в ИСБ был завершен крупный проект публикации источников о древнейшей истории славянских народов. Вышел в свет второй том "Свода древнейших письменных известий о славянах" (М., 1995, составители: академик Г.Г. Литаврин и к.и.н. С.А. Иванов). Также вышел репринтным изданием первый том данного труда. Плод длительных и кропотливых научных исследований, "Свод" представляет собой первое в мировой науке комментированное издание всех источников, относящихся или традиционно относимых к древним славянам. Охвачены письменные источники на древнегреческом, латинском и сирийском языках.

Среди фундаментальных проблем, разрабатываемых учеными ИСБ, важное место занимает история второй мировой войны и движения Сопротивления. Вышла в свет коллективная монография "Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1939–1945 гг.)" (М., 1995, 35 п.л., отв. ред. д.и.н. В.В. Марьина). Авторы труда сделали попытку отказаться от существующих схем и по-новому взглянуть на историю антинацистского Сопротивления в странах Восточной Европы в годы второй мировой войны. Сопротивление показано как сложное социально-политическое явление, единое в своем неприятии фашистских оккупантов и приверженных Гитлеру режимов, а также в стремлении демократизировать вышедшее из войны общество. Вместе с тем раскрыты внутренние неоднородность и противоречивость движения, проявившиеся в несогласии относительно форм, методов и темпов развития освободительной борьбы, программ будущего общественного устройства. ОИ РАН частично финансировало издание книги, выделив 1 млн. руб.

Ряд трудов ученых Института посвящен исследованию новейшей истории региона ЦВЮВЕ. Среди них – сборник документов "Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1948 гг." Т. 1 (75 п.л., отв. ред. д.и.н. Г.П. Мурашко, в печати). В этом сборнике впервые публикуется большое количество документов из архивов, проливающих новый свет на советскую политику в отношении этих стран в рассматриваемый период. Проект финансировался РФГИ. Еще один аспект этой проблемы рассматривается в сборнике статей "Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы" (М., 1995, 12 п.л., ответственный редактор д.и.н. В.В. Марьина).

Сборник – первый в серии под аналогичным названием – посвящен становлению и функционированию тоталитарных режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после второй мировой войны. С привлечением конкретно-исторического материала указанного региона рассмотрены вопросы теории тоталитаризма и методологии его изучения. В этом труде сделана попытка, наряду с анализом особенностей и специфических черт общественно-политических режимов исследуемых стран, а также объединяющих их признаков и степени приближенности к "классическим" образцам, показать влияние тоталитарного строя в области идеологии, культуры и науки.

Ряд сборников статей ученых Института посвящен исследованию политических, экономических, национальных, культурных процессов в странах ЦВЮВЕ после революций конца 80-х годов XX в. Среди этих работ сборник "Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии" (12 а.л., отв. ред. д.ф.н. Ю.С. Новопашин, работа завершена). Здесь анализируются основные результаты и трудности перехода стран региона от тоталитарных режимов к демократии. В сборнике статей "Политический ландшафт Восточной Европы в середине 90-х гг." (15 а.л., отв. ред. к.и.н. Ю.Ф. Зудинов, работа завершена) основное внимание уделено вопросам формирования реального политического плюрализма, борьбы между основными общественными силами за влияние в обществе, за преобладание в органах государственной власти.

В комплексном изучении общественного, политического и духовного развития славянских и балканских стран, которое осуществляется в Институте, большое значение придается проблемам формирования и развития культуры и литературы, истории языка и функционирования современных славянских языков.

Вышел из печати коллективный труд литературоведов Института "История литератур Восточной Европы после второй мировой войны" (Т. 1. М., 1995, отв. ред. д.ф.н. В.А. Хорев, 45 п.л.). В книге рассматривается история литератур Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Албании с 1945 г. до конца 60-х годов. В труде впервые в науке осуществлена попытка осмыслить в масштабе всего региона крайне противоречивый процесс развития национальных литератур в условиях идеологического диктата правящих коммунистических партий, отражение в литературной жизни общественно-политических кризисов 1948, 1956 и 1968 гг. Анализируются проблемы антифашизма, социалистического реализма, авангардизма, отставание в литературе гуманистических ценностей, а также собственно художественные процессы: эволюция жанровых и стилевых форм, творческие обретения и потери.

В 1996 г. завершится работа над вторым томом "Истории...", охватывающим период 70–80-х годов (до 1990 г.). Некоторые материалы второго тома опубликованы в журнале "Славяноведение" (1995. № 5) в большом блоке статей по материалам конференции "Литература стран Восточной Европы 70–80-х годов. Тенденции развития. Проблемы изучения".

Современному пониманию проблем социалистического реализма, которые оживленно обсуждаются сегодня в отечественном и зарубежном литературоведении, посвящен коллективный труд "Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема" (М., 1995, 14,5 а.л., отв. ред. к.ф.н. Н.М. Куренная), в котором приняли участие сотрудники разных отделов Института, но в первую очередь отдела истории культуры.

В 1995 г. вышли из печати созданные в этом же отделе: сборник статей "Человек в контексте культуры. Славянский мир" (М., 1995, 15 а.л., отв. ред. д.ф.н. И.И. Свирида), сборник тезисов проведенных конференций "Национальный эрос в культуре", "Книга в пространстве культуры". Завершены коллективные труды "Натура и культура", "Диалог в истории и культуре", ряд индивидуальных монографий.

Из завершенных и сданных в печать в 1995 г. литературоведческих трудов отметим первый том уникальной трехтомной "Истории литератур западных и южных славян", которая дает целостную картину развития этих литератур от древности до

окончания второй мировой войны. Первый том доведен до эпохи Просвещения и национального возрождения (примерно до половины XVIII в.).

В 1995 г. закончена авторская работа и над первым томом "Очерков истории славянских культур", выполненным по международной программе ЮНЕСКО (сдана в издательство). Рассчитанный на широкого читателя, он дает представление о прародине славян, об уровне материальной и духовной жизни древних славян в контексте наших знаний о культуре других европейских народов на той же стадии развития. В работе над книгой продолжилась плодотворная практика комплексного подхода к проблеме, возможная в Институте как комплексном научном учреждении, – практика соединения усилий историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов,

Среди капитальных трудов филологов Института выделяется первый том словаря "Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г". (М., 1995, 50 а.л.). Это первый опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов. Он подводит итог более чем вековому изучению славянских языков, фольклору, мифологии, этнографии, народного искусства.

Этим же коллективом – отделом этнолингвистики и фольклора – выпущен энциклопедический словарь "Славянская мифология" (М., 1995, 28 а.л.).

Следует также отметить сборник трудов одного из крупнейших современных славистов академика Н.И. Толстого "Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике" (М., 1995.) Сборник включает в себя работы в области славянской этнолингвистики – языковедческой дисциплины, тесно связанной с историей культуры, мифологией, фольклористикой, этнографией, этнической психологией, теорией этногенеза.

К важнейшим трудам лингвистов Института, увидевшим свет в отчетном году, относятся и монография члена-корреспондента РАН А.А. Зализняка "Древненовгородский диалект" (40 п.л.), в которой пересматриваются древние диалектные отношения славянских языковых систем на Севере Европы, а также несколько книг академика В.Н. Топорова, изданные, к сожалению, без грифа Института: "О мифологическом пространстве" (Пиза, 1995, 316 с.); "Святость и святые в русской духовной культуре" (М., 1995, 70 п.л.); "Миф. Ритуал. Символ. Образ" (М., 1995, 39 п.л.)

Отдел славянского языкознания выпустил в свет ряд ценных публикаций: Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. "Изучение вариативности в славянских диалектах" / Отв. ред. д.ф.н. Л.Н.Смирнов. М., 1995, 15 а.л.; "Исследования по славянской диалектологии. Вып. 4. *Dialectologie slavica*. Сборник в честь проф. С.Б. Бернштейна" / Отв. ред. к.ф.н. Г.П. Клепикова. М., 1995, 16 п.л.; "Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов" / Отв. ред. к.ф.н. М.И. Ермакова. М., 1995, 12 п.л.; «Словарь и культура. К столетию с начала публикации "Словаря болгарского языка" Н. Герова» / Отв. ред. д.ф.н. А.Ф. Журавлев. М., 1995, 8 п.л.; "Павел Йозеф Шафарик (к 100-летию со дня рождения)" / Отв. ред. д.ф.н. Л.Н. Смирнов. М., 1995, 7 п.л., и др.

Находятся в издательствах либо подготовлены к изданию многие другие исследования, например: Цейтлин Р.М. "Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.", 18 п.л.; Бернштейн С.Б. "Сборник статей по диалектологии", 20 п.л.; Калужская И.А. "Румыно-албанские лексические схождения", 11 п.л. и др. Перечисление всех выпущенных и подготовленных книг заняло бы много места (это относится не только к лингвистам, но и к другим филологам), не говоря уже об опубликованных в разных изданиях статьях, которые потребовали бы обширного специального обзора.

ИСБ имеет разветвленную систему международных научных связей. Его представители участвуют в работе Международного комитета славистов, а также функционирующих при нем комиссиях.

Институт – базовое учреждение для Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), действующей под эгидой ЮНЕСКО. В

рамках ИСБ существует Центр информации и документации МАИРСК, издающий дважды в год его "Информационный бюллетень", в котором наряду с научными проблемами освещается деятельность национальных комитетов МАИРСК, входящих в ассоциацию. Председатель Российского национального комитета МАИРСК проф. В.К. Волков является вице-президентом ассоциации. В рамках научной деятельности МАИРСК готовится 8-томное исследование "Очерки истории культуры славян". Первый том "Очерков..." в ближайшее время будет сдан в производство.

В 1995 г. в заграничные командировки выезжали 115 научных сотрудников ИСБ и были приняты 86 иностранных ученых.

Деятельность ИСБ приобрела в последние годы общественно-политическое звучание, особенно в связи с празднованием Дня славянской письменности и культуры, который последние пять лет отмечается в Российской Федерации как государственный праздник. ИСБ организует ставшие традиционными при проведении этих празднеств международные научные конференции "Славянский мир: единство и многообразие". В мае 1995 г. институт организовал и провел две научные конференции на эту тему в Москве и Белгороде, несколько "круглых столов": "Кирилло-Мефодиевское наследие в духовной и церковной жизни славянских народов", "Славянская идея в общественной мысли и политической жизни славянских народов: история и современность", "Славянские народы и вторая мировая война", "Литература славянских народов в годы второй мировой войны", "Вторая мировая война в художественной литературе славянских народов в 70–80-е годы", "Рождение научного славяноведения (к 200-летию со дня рождения П.И. Шафарика)", "Славянский вопрос в общественной и научной мысли народов Европы".

ХII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

КРАКОВ 1998

Тематика

Согласно решению пленарного заседания МКС в 1991 г.
в программу съездов принимаются доклады
сравнительного или общетеоретического характера,
входящие в рамки установленной проблематики и
тематики данного съезда

Языкознание

1. *Этногенез Славян. Палеославистика.*

Прародина Славян. Славянская этимология. Праславянский язык и его диалекты. Славянские древности в свете этнолингвистики.

2. *Языковые контакты.*

Межславянские контакты. Контакты славянских языков с другими языками (baltica, germanoslavica, hungaroslavica, balcanica...). Современные языковые контакты на славянской территории.

3. *Конфронтативные исследования и типология языков.*

Конфронтация двух и более славянских языков. Конфронтация славянских языков с неславянскими языками. Методы типологических исследований (Фонетика и фонология. Морфология. Словообразование. Синтаксис. Семантика. Грамматическая система. Лексические системы. Лексикология, фразеология, лексикография...).

4. *Ареальные исследования славянских языков. Современное состояние славянских диалектов. Ономастика.*

Проблемы исчезновения и нивелирования славянских диалектов. Языки Славян за пределами славянских территорий. Языки национальных меньшинств. Смешанные и переходные диалекты. Социальные диалекты (жаргон, сленг, арг). Ономастика.

5. *Языковые изменения (контролируемое и неконтролируемое развитие).*

Новейшие тенденции развития в современных славянских языках. Современные социально-политические изменения и язык (социолингвистические проблемы). Интернационализация и терминологизация литературных национальных языков. История литературных славянских языков.

6. *Значение славянского языкового материала для теории языка.*

Новейшие направления в языкознании: генеративная грамматика, когнитивная лингвистика, лингвистика текста. Традиции и инновации в славянском языкознании и их значение для теории языка. Интердисциплинарные исследования: языкознание и теория информации, математика, языкознание и теория коммуникации, языкознание и психология, социология и т.д.).

Фольклористика,
Литературоведение,
Культурология

1. А. Славянская мифология. Археология славян.

Б. Фольклор и культура народных масс. Фольклор и литература. Славянский фольклор и европейский контекст. Место фольклора в славянских национальных культурах в прошлом и настоящем. Формы бытования славянского фольклора и народной культуры: типы материала, жанры, коды. Категории и понятия теории и истории фольклора. Культурные контексты славянского фольклора. Методология славянской фольклористики, сравнительные и междисциплинарные исследования.

В. Литературы средневековья и их контексты. Новые проблемы, новые открытия, новые концепции. *Slavia Orthodoxa*, *Slavia Latina*, *Slavia Reformata* и их локальные особенности. Роль перевода в развитии славянских культур.

Г. Гуманизм и барокко в славянских литературах.

2. Славянские литературы XVIII, IX века: литературные течения и направления. Преромантизм как литературное явление. Романтизм у славян и его историко-культурный контекст. Сравнительные исследования славянских литератур. Мицкевич – творческое наследие и его воздействие. Пушкин – творческое наследие и его воздействие.

3. А. Славянские литературы от модернизма до современности. Славянский модернизм в контексте мировой культуры. Философский контекст модернизма. Направления и школы. Поэтика модернизма. Традиции и новаторство. Модернистский миф. Славянские центры культуры модернизма.

Б. Постмодернизм у славян и на Западе. Постмодернистский код. Литературная антропология постмодернизма. Проблема диалога и контекста. Границы постмодернизма. Роль переводов в формировании постмодернизма в славянских странах.

4. Славянский мир и эмиграция: литература эмиграции как теоретико- и историко-литературная проблема. Хронология и периодизация литературы зарубежья. Диаспора и метрополия. Литература эмиграции и альтернативная литература метрополии. Литературы зарубежья у разных славянских народов в сравнительном ракурсе. Эмиграция XIX века. Век XX – география эмиграции, центры эмиграции и их деятельность. Культурная и литературная жизнь эмиграции – периодические издания и издатели. Идеиные течения. История литературы эмиграции. Национально-специфическая и универсальная тематика. Форма, жанры, стили. Публицистика эмиграции – споры и дискуссии. Эссеистика. Научные публикации. Феномен возвращения литературы эмиграции на родину.

5. Философская, религиозная, политическая и общественная мысль славян. Литература и религия. Религиозные мыслители. Влияние философии Запада. Влияние славянской мысли на западную. Идеино-философские концепции славян. Государственные и общественные идеологии. Соотношение литературы с политикой и идеологией. Историософия утопии и антиутопии. Национальный менталитет. Национальное и европейское самосознание в славянских литературах. Мицкевич и идея независимости у славян.

6. Универсализм и своеобразие в славянских литературах. Отношение славянских литератур к литературам Востока и Запада. Образ и топос Иерусалима в славянских культурах. Стихия истории в славянских литературах. Фантастика и сказочность. Научно-фантастическая литература. Массовая (народная) литература, ее разновидности и функции в культуре славян.

7. Диапазон и границы славяноведения – славяноведение и родственные научные дисциплины. Теория литературы и методология литературоведения в славянских странах – достижения и заимствования. Сравнительная поэтика. Стиховедение. Историография литературы. Курсы истории славянских литератур в научном и педагогическом аспекте вчера и сегодня. Периодизация литературы. Транслатология – теория и история литературного перевода. Культурология – диапазон исследований и методы научного описания. Сравнительная культурология. Текстология и издательское дело.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Ангелов Д.* Българската народност през вековете. Стара Загора, 1994. 302 С.
- Андрић И.* Писац говори својим делом. Београд, 1994. 382 С.
- Аретов Н.* Убийство по български: Щтрихи от ненаписаната история на бълг. лит. за престъпления. София, 1994. 214 С.
- Аспекти на етнокултурната ситуация в България. София, 1994. 415 С.
- Баланс: Правительство Венгерской Республики, 1990–1994. Будапешт, 1994. 475 С.
- Балканы: между прошлым и будущим. М., 1995. 222 С.
- Барев Ц.* Принос към историята на Българския Земеделски Народен Съюз: Борба, идеология, принципи. София, 1994. 477 С.
- Библиотекознание, библиография, книгознание. София, 1994. 128 С.
- Биларски Ц.* Д-р Христо Татарчев, първият ръководител на ВМОРО. Стара Загора, 1994. 54 С.
- Богданов И.* Синове на вдовицата: Масонство и масони. София, 1994. 194 С.
- Богомилова Н.* Копнеж по абсолютното: Студии и есета. София, 1994. 208 С.
- Бочков П.* Непознатият юнак. София, 1994. 122 С.
- Булајић М.* Разбијање југословенске државе 1991/1992 – злочин против мира: Одговорност Ватикана и њемачке. Београд, 1994. 371 С.
- Българи по чешките земи. София, 1994. 349 С.
- Војводић В.* У духу гараганинових идеја: Србија и неослобођено српство, 1868–1876. Београд, 1994. 402 С.
- Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. М., 1995. 90 С.
- Вълчев Й.* Календар и хронология: Есета. София, 1994. 222 С.
- Вълчев Й.* Човек за съдене: Хроника. София, 1994. 120 С.
- Гешов И.Е.* Лична кореспонденция. София, 1994. 317 С.
- Гиневски Х.* Родопското възраждане. Смолян, 1994. 168 С.
- Гърдев К.* Българската емиграция в Канада. София, 1994. 264 С.
- Гюлгелиева В.* Спомени за достойни Българи. Пловдив, 1994. 144 С.
- Данова Н.* Константин Георгиев Фотинов в културното и идейно политическото развитие на Балканите през XIX век. София, 1994. 466 С.
- Добрев Т., Пеева Л.* Христо Николов. София, 1994. 88 С.
- Драганов Д.* Стани да седна. София, 1994. 192 С.
- Душан С.* Душанов законик. Београд, 1994. 138 С. Текст на серб.-хорв. и англ. яз.
- Ђоровић В.* Историја Срба. Београд, 1993. 794 С.
- Живојиновић Д.Р.* Ватикан, католичка црква и југословенска власт, 1941–1958. Београд, 1994. 543 С.
- Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М., 1994. 189 С.
- Иванов Й.Н.* Българска диалектология. Пловдив, 1994. 213 С.
- Иванов Д.* Българският периодичен печат и градивните книжовноезикови процеси през Възраждането: Върху материал от сп. "Читалище", 1870–1875. Пловдив, 1994. 223 С.

- Ивић П.* О говору Галипољских Срба. Нови Сад, 1994. XXII. 520 С.
- Ивић П.* Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994. 319 С.
- Игов С.* Призори. Пловдив, 1994. 205 С.
- Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М., 1994. 269 С.
- Историја српске културе. Горњи Милановац; Београд, 1994. 403 С.
- Јовановић А.* Поезија српског неосимболизма: Историја једне песничке осећајности. Београд, 1994. 414 С.
- Јоковић М.* Имагинација историје: Проблем ист. и књижевноестетске дистанце у срп. роману о првом светском рату, европ. контекст. Београд, 1994. 257 С.
- Јосимовић И.* Мит, друштво, политика: Мит о Хабзбурзима. Београд, 1994. 199 С.
- Караджова Д.* Котленският книжовен център през XVIII век. Пловдив, 1994. 287 С.
- Каракачанов К.* ВМРО: 100 години борба за Македонија. Софија, 1994. 111 С.
- Кацарски И.* Тоталитаринијат социјализъм. Софија, 1994. 372 С.
- Костић М.М.* Успон Београда: Послови и дани трговаца, привредника и банкара у Београду XIX и XX в. Београд, 1994. 232 С.
- Костов В.* Накъде вървиме?: Ще надиграем ли злия жребий? Софија, 1994. 79 С.
- Крамптън Р.* Кратка историја на България. Софија, 1994. 368 С.
- Куртев Н.* Окована младост: Варненският младежки затвор (1941–1944 г.). Софија, 1994. 215 С.
- Куцаров И.* Едно екзотично наклонение на българския глагол. Софија, 1994. 224 С.
- Левчев В.* Литература и морал. Софија, 1994. 111 С.
- Леовац С.* Поезија и критика. Београд, 1994. 229 С.
- Лисицата и лъвът: Фердинанд I на фона на бълг. психологическа и политическа действителност, 1886–1902. Софија, 1994. Т. I. 283 С.
- Литература южных и западных славян XX в. Проза 1960–1970-х гг. Учеб. пособие. М., 1994. 139 С.
- Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. М., 1994. 369 С.
- Македонија през погледа на австријски консули, 1851–1877/78. Софија, 1994. Т. I (1851–1865). 395 С.
- Медведев В.А.* Распад: Как он назревал в "мировой системе социализма". М., 1994. 396 С.
- Михиз Б.М.* Аутобиографија – о другима. Београд, 1994. Књ. 2. 300 С.
- Мичев Д.* Македонският въпрос и българио-југославските отношения. 9 септ. 1944–1949. Софија, 1994. 511 С.
- Национализам и формирање нации: Теории – модели – концепции. М., 1994. 197 С.
- Национално-освободителното движење на македонските и тракийските българи 1878–1944. Софија, 1944. Т. I. Борби за запавање на единството на българската нация 1878–1893. 306 С.
- Никифоров К.В.* Србија в средине XIX в. (Начало деятельности по объединению серб. земель). М., 1995. 184 С.
- Николов Й.* Историја на средните векове. (Предварителни въпроси). Софија, 1994. 358 С.
- Николов И., Исова К.* Средновековието: Справочник. Софија, 1994. 272 С.
- Николова В.* Васил Кънчов, географ, етнограф и статистик на Македонија. Стара Загора, 1994. 44 С.
- Николова В.* Драган Цанков, политик на две епохи. Стара Загора, 1994. 34 С.
- НКВД и польское подполье, 1944–1945. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994. 306 С.
- Новый мир: Вост. Европа в процессе изменений. Будапешт, 1994. 84 С.
- Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Л.Д. Троцкого. Пермь, 1994. 73 С.
- Очаги тревоги в Восточной Европе: Драма нац. противоречий. М., 1994. 328 С.
- Паси И.* Автобиографични есета. Софија, 1994. 149 С.
- Петева-Филова Е.* Никола Образописов. Софија, 1994. 107 С.
- Петков П.* Съпоставително изследване на глаголните времена в немеския и българския език. Софија, 1994. 269 С.
- Петровић Р.* Дипломатски списки. Београд, 1994. 261 С.
- Полторак С.Н.* Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия. СПб., 1994. 268 С.

- Попова В.С.* Българската стилистика до 50-те године на XX в. София, 1994. 230 С.
- Поповић Р.* Књига о Ђопићу или Пут до моста. Београд, 1994. 132 С.
- Поповић С.* Крст у кругу: Архитектура манастира у средњовековној Србији. Београд, 1994. 536 С.
- Проблеми обновлення общества: политико-економический аспект (Советско-югославский опыт). М., 1994. 208 С.
- Проблеми становлення и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. ст. М., 1995. 195 С.
- Радонова М.* Жажда за светлина: Книга за Вапцарова. София, 1994. Ч. 1. 421 С. Ч. 2. 503 С.
- Райчевски С.* Източна Тракия: История, етноси, преселения XV–XX в. София, 1994. 318 С.
- Речник по нова българска литература: 1878–1992. София, 1994. 440 С.
- Рошковска А.* Захари Зограф, подписваше се "болгарин". Стара Загора, 1994. 43 С.
- Савремена српска проза: Зборник. Трстеник, 1994. Бр. 6. Јосиф Вишњић и М. Црњански. 101 С.
- Самарцић Р.* На рубу историје. Београд, 1994. 332 С.
- Сапарев О.* Литературната комуникација. Пловдив, 1994. 343 С.
- Симеонова Г.Г.* Денят на Кирил и Методий. София, 1994. 142 С.
- Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая треть XVI в.) М., 1994. 196 С.
- Симидов Ф.* Васил Левски: Две непубл. биогр. Велико Търново, 1994. 175 С.
- Скурат К.Е.* История Поместных Православных Церквей. Учеб. пособие. М., 1994. Т. 1. 335 С.
- Славова Т.* Речник на словоформите в Архангелското евангелие от 1092 г. София, 1994. 269 С.
- Славяне и их соседи: Имперская идея в странах Центр., Вост. и Юго-Вост. Европы. Тез. XIV конф. М., 1995. 92 С.
- Спиридонов А.* Крум Григоров. Литературнокритически очерк. София, 1994. 109 С.
- Спремић М.* Деспот Ђурађ Бранковић и његова доба. Београд, 1994. 864 С.
- Српска библиографија (=The Serbian bibliography): Књиге, 1868–1944. Београд, 1993; Књ. 9. Кпа – L.XV. 487 С.; 1994. Књ. 10. Lj – Miln. XV. 468 С.
- Српски импресионисти (=Serbian impressionists). Београд, 1994. 274 С. Текст на серб.-хорв. и англ. јаз.
- Стателова Е.* Иван Евстратиев Гешов или Трънливият път на създанието. София, 1994. 288 С.
- Стателова Е., Понов Р., Танкова В.* История на българската дипломация. 1879–1913 г. София, 1994. VIII. 503 С.
- Стоянов Т.Т.* Проговори: Строго поверително за властта, любовта, разузнаването, културата. Документални разкрития. София, 1994. 488 С.
- Танкова В.* Свободата на печата в княжество България и Източна Румелия, 1879–1885. Пловдив, 1994. 253 С.
- Тачков Б.* Икономическа реформа в български вариант. София, 1994. 97 С.
- Трендафилов Х.* Етюди по поетика на историята. Пловдив, 1994. 119 С.
- Трифунувић Ђ.* Стара српска књижевност: Основе. Београд, 1994. 379 С.
- Туртанска Н., Ценкуловски Н.* Погледец към народната култура. Враца, 1994. 168 С.
- Ђоковић М.* Онај стари Београд: Сећања. Београд, 1994. 603 С. Указател к советским диссертационным исследованиям: Южные и западные славяне. New York, 1994. XIII, 170 С.
- Федорчук С.П.* Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994. 48 С.
- Фотий патриархъ Константинополски.* Посланието на Цариградския патриарх Фотий до Българския княз Борис; Окръжното послание на патриарх Фотий до източните патриарси от 867 год. Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите. София, 1994. 200 С.
- Хамовић М.* Избејеглиштво у Босни и Херцеговини, 1941–1945. Београд, 1994. 504 С.
- Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски: Филол. науки. София, 1994. 320 С. Етимология. М., 1994. 192 С.
- Јан Амос Коменский. Указател русских переводов и критической литературы на рус. яз., 1772–1992. М., 1995. 94 С.

- Bingen D.* Bilanz nach zwölf Monaten Regierung Pawlak: Polen zwischen Reform u. Restauration. Köln, 1994. 39 S.
- Brokl L., Mansfeldová Z.* Bilanz der tschechischen Innenpolitik im Jahre 1993. Köln, 1995. 39 S.
- Bulgaria and Denmark and the New Europe. Sofia, 1994. 164 P.
- Církevní komise ÚV KSČ, 1949–1951.* Praha; Brno, 1994. 502 S.
- Crnković-Pozaić S.* Unemployment and Labour market flexibility in the Transition to a market economy: The Case of Croatia. San Francisco, 1994. 26 P.
- Der Krieg auf dem Balkan: Die Hilflosigkeit der Staatenwelt. Beitr. u. Dok. aus dem Europa-Archiv. Bonn, 1994. X. 272 S.
- Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej "KOR". Warszawa; Londyn, 1994. 781 S.
- Grzelak Cz.* Dziennik sowieckiej agresji, wrzesień 1939. Warszawa, 1994. 252 S.
- Handbuch Wirtschaft und Recht in Osteuropa. München, 1994.
- Historia o papieżu Janie tego imieniu vii, który był Gilberta biała głowa z Anglii i o inszych wielu papieżach, którzy przed nią i po niej byli. Wrocław, 1994. 87 S.
- Höfische Kultur in Südosteuropa: Ber. der Kolloquien der Südosteuropa-Kommiss. 1988 bis 1990. Göttingen, 1994. 430 S.
- Johannes Amos Comenius: Exponent of Europ. culture? Amsterdam, 1994. 115 P.
- Józsa G.* Die Außen- und Sicherheitspolitik Ungarns nach dem Systemwechsel: Ausgangslage. Köln, 1994. 32 S.
- Kelemen A.* Ez a föld...: "Eleitöl fogva..." Budapest, 1994. 167 old.
- Kirche im Osten: Studien zur osteurop. Kirchengeschichte u. Kirchenkunde. Göttingen, 1994. Bd. 37. 209 S.
- Kovachey I.S.* Privatization in Bulgaria: A Revolution That Never Happened, an Evolution That is Sweeping Everything Around. Sofia, 1994. 16 P.
- Kurnatowska Z., Labuda G., Szrzelczyk J.* Monarchia pierwszych Piastów. Wrocław, 1994. 72 S.
- Lajos I.* Polgári pártok és programjaik Magyarországon, 1944–1956. Budapest, 1994. 322 old.
- Literatura i kultura popularna. Wrocław, 1994. T. 4. Słownik literatury popularnej. 185 S.
- Masnyk M.* Dzielnica I Związku Polaków w Niemczech (1923–1939). Opole, 1994. 268 S.
- Medunarodni položaj novih europskih zemalja. Zagreb, 1994. 206 S.
- Migracje, mniejszości, nacjonalizm: Problemy teoretyczne i realia społeczne. Warszawa, 1994. 116 S.
- Muslimanski logor Visoko, 1992–1993. Beograd, 1994. 162 P.
- Om de Oost: Maatschappelijke veranderingen in Oost-Europa rond de ineenstorting van het staats-socialisme. Houten, 1994. 181 S.
- Overcoming obstacles to successful reforms in economies in transition. Tübingen, 1994. 180 P.
- Oxford Slavonic Papers: New Sources. Oxford, 1994. Vol. 27. 173 P.
- Planá I.* Morava v literatuře... Brno, 1994. 123 S.
- Pokrzywniak J.T.* Komedia Ignacego Krasickiego. Poznań, 1994. 171 S.
- Polonica zagraniczne: Bibliografia. Warszawa, 1994. 263 S.
- Pölöskei F. István* Tisza: Kin ungarischer Staatsmann in Krisenzeiten. Budapest, 1994. 164 S.
- Pražak R.* Česko-Madarské kulturní vztahy: Od osvícenství do roku 1848. Brno, 1994. 143 S.
- Pruszyński M.* Dramat Piłsudskiego Wojna 1920. Warszawa, 1994. 298 P.
- Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. Zadar, 1994. T. 36. 367 S.
- Roczniki humanistyczne. Lublin, 1994. T. 42. Z. 1. Literatura polska. 189 S.
- Römer C.* Osmanische Festungsbesetzungen in Ungarn zur Zeit Muras III: Dargest anhand von Petitionen zur Stellenvergabe. Wien, 1995. 237 S.
- Slovenský biografický slovník (=Slovakijj biografičeskij slovar: Od roku 833 do roku 1990. Martin, 1994. Zv. 6. 660 S.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy slovesné. Praha, 1994. T. 1. 757 S. T. 2. 634 S.
- Srbija u modernizacijskim procesima XX veku: Naučni skup. Beograd, 1994. 452 S.
- Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, 1994. 261 S.
- Szakály F.* Lodovico Gritti in Hungary, 1529–1534: A hist. insight into the beginnings of Turco-Habsburgian rivalry. Budapest, 1995. 144 P.
- Szmyd Z.* Armia Krajowa w akcji "Burza": Wybór. Warszawa, 1994. 117 S.
- Tendera-Właszczuk H., Biolik J., Koj K.* Polska na tle wspólnoty europejskiej. Katowice, 1994. 62 S.
- The Hungarian Minority's Situation in Ceausescu's Romania. New York, 1994. 149 P.
- Wotczuk J.* Listy sybiraków (1939–1955). Wrocław, 1994. 250 S.
- Øststatus... København, 1994. 192 S.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

В 1993–1996 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- *Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.
- *Дополнения к Предварительному списку славяно-рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1993.
- **Косик В.И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М., 1993.
- **Костюшко И.И.* Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.
- **Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. М., 1993.
- **Липатов А.В.* Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.
- *Литературный авангард. Сб. статей. М., 1993.
- *Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., 1993.
- Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь, 1993.
- *Исследования по славянской диалектологии 2. М., 1993.
- *Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993.
- *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- *МАИРСК–26. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.
- *МАИРСК–27.
- Пленники национальной идеи. М., 1993.
- *Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Сб. статей. М., 1993.
- Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.
- *Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
- Польско-советская война. 1919–1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.
- Михутина И.В.* Польско-советская война, 1919–1920. М., 1994.
- **Улуян А.А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878. М., 1994.
- Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.
- **Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – нач. XX в. М., 1994.
- **Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.
- **Шушарин В.П.* Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
- *Славянские съезды XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1994.
- *НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.
- *Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.
- *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

- *Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая половина XVI в.). М., 1994.
- *История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
- *Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.
- *Специфика литературных отношений. М., 1994.
- *Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.
- Миф и культура. Человек – не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- *Кишкин Л.С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.
- *Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- *Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.
- *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- *Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.
- *Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- *Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- *Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- *Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- *Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- *Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- *Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1818–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- *Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- *Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.

*Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Готовится к печати: *Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии* / Отв. ред. В.Н. Виноградов.

В публикации представлены документы по истории русско-молдавских и русско-румынских отношений с XVII в. до 1940 г., связанные с проблемой Бессарабии. Материалы сгруппированы в семи разделах, каждый из которых предвдваряет научная статья. Документы отражают процесс вхождения Бессарабии в состав России в 1812 г., российско-румынский конфликт вокруг Южной Бессарабии в 1877–1878 гг., обстоятельство румынской интервенции в Бессарабию в 1918 г. и возвращения области в состав СССР в 1940 г.

CONTENTS

DISCUSSIONS

The Slavic Peoples and the Second World War	3
The Literatures of Western and Southern Slavic Peoples in the period of Second World War.....	55
Second World War in the Literature of Eastern Europe's Countries. 1960–1980.....	82

ARTICLES

<i>Sluch S.Z.</i> (Moscow). The Germany-Soviets Relationships in 1918–1941. The Motives and consequences of foreign-policy decisions.....	101
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

The Report of Institute for Slavic and Balcanic Studies RAS for 1995.....	114
The XII International Slavic Congress (Crakow 1998, topics).....	120
Bookshelf for the Slavist.....	122
New publications of Institute for Slavic and Balcanic Studies RAS.....	126

ОПЕЧАТКИ К № 2 ЗА 1996 ГОД

СООБЩЕНИЕ Л.Л. ШАВИНСКОЙ "НАРОДНЫЕ ЛИСТКИ И БРОШЮРЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ"

На стр. 78 подрисуючную подпись следует читать – Рис. 1. Обложка брошюры № 93 из серии "Библиотека Православного Христианина" – "Жизнь есть духовная война". Варшава, 1933.

На стр. 79 подрисуючную подпись следует читать – Рис. 2. Первая страница брошюры № 51 из серии "Библиотека Православного Христианина" – "Лето". Варшава, 1932.

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 16.02.96	Подписано к печати 22.03.96	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 11,4 Усл. кр.-отт. 9,1 тыс.	Уч.-изд. л. 12,2 Бум. л. 4,0
	Тираж 785 экз. Зак. 4107	

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ РОССИИ

КАТАЛОГ '96

газеты, журналы,
книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по сводному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АРЗИ".

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

**КНИГА
СЕРВИС**
Агентство "Книга-Сервис"

АРЗИ
Агентство по распространению
зарубежных изданий

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ** группа

СЕГОДНЯ
группа
Издательство "Дрофа"

АРР
Агентство Подписки и Розницы

АРПИ
Агентство
по распространению печати
издательства "Известия"

ГОДИЕ
УГОДИЕ
УГОДИЕ